

КОНФЛИКТЫ

**в послевоенном
развитии
восточноевропейских
стран**

Москва 1997

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики
Научный центр общеславянских исследований (ЦЕСЛАВ)

**КОНФЛИКТЫ
В ПОСЛЕВОЕННОМ
РАЗВИТИИ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ
СТРАН**

Ответственный редактор
доктор философских наук
профессор Ю. С. Новопашин

Москва
1997

Сборник подготовлен
в отделе современной истории
и социально-политических проблем ИСБ РАН

Редактор-составитель
доктор исторических наук
В. Й. Желіцки

Научные рецензенты:
доктор исторических наук, профессор Л. Н. Нежинский,
кандидат исторических наук А. С. Аникеев

ISBN 5-7576-0045-4

© Институт славяноведения и
балканистики РАН, 1997

Вводная статья

Миновала 40-я годовщина со времени массовых антитоталитарных выступлений в Польше (июнь и октябрь 1956 г.) и Венгрии (октябрь–ноябрь), не за горами и 30-летие чехословацких событий. За рубежом об этих антисталинских событиях сказано немало и в научном, и в публицистическом плане. Однако до конца 80-х годов вся соответствующая литература имела очевидный изъян: были закрыты архивы восточноевропейских социалистических государств, особенно недоступными по этой тематике являлись архивохранилища нашей страны (и, конечно, не случайно, поскольку Советский Союз постоянно вмешивался во внутренние дела своих партнеров по Варшавскому пакту, выполнял нередко весьма неприглядные, откровенно полицейские функции).

С начала 90-х годов положение начинает меняться. Достижимыми становятся после отстранения компартий от власти их архивы, рассекречиваются многие фонды государственных хранилищ. Учитывая благоприятную ситуацию, новые чехословацкие лидеры, например, создали тогда составленную из ученых-историков комиссию Правительства ЧСФР по анализу событий 1967–1970 гг., которая за трехлетний срок своего существования набрала немалое количество документов, особенно из архивов бывшей ГДР, Польши, Венгрии и Румынии, меньше всего – из России. Материалы данной специализированной архивной коллекции используются, кстати, и в настоящем издании. В заслугу его авторам следует также поставить привлечение рассекреченных материалов из архива Президента Российской Федерации, Центра хранения современной документации, из ранее закрытых фондов архива внешней политики России. В сборнике имеется статья об армейской операции СССР по подавлению венгерской демократической революции 1956 г., подготовленная на материалах Центрального архива министерства обороны (ЦАМО РФ). Насколько можно судить, это первая такого рода публикация в нашей научной литературе, поскольку военное ведомство как в прошлом почти не допускало исследователей до своих архивов, так и теперь предпочитает не допускать. Все эти архивные материалы, десятилетиями скрывавшиеся от ученых и широкой общественности, придают статьям о конфликтах в послевоенном разви-

тии восточноевропейских стран документальную убедительность, позволяют читателю заглянуть, так сказать, на политическую кухню и понять подлинную природу упомянутых конфликтов.

В общетеоретическом же плане конфликт можно определить как саморазрушающееся противоречие, деформирующее взаимодействие его элементов до антагонистической, взрывной формы. Противоречия, по словам Гегеля, есть “корень всякого движения и жизненности”¹, т. е. они присущи развитию любых стран, этногеографических регионов, военно-политических объединений различных государств и т. д. Однако если противоречия суть конструирующий и организующий всякую общность (целостность) принцип, то конфликт в качестве одного из проявлений этих противоречий выступает уже атрибутом дезорганизации, хаоса. И в этой связи послевоенная история Восточной Европы представляет, несомненно, особый случай, ибо была связана с марксистско-ленинским экспериментом по созданию так называемого нового общественного строя. Последний же, культивировавшийся согласно коммуно-утопическим рецептам, характеризовался высокой степенью конфликтности, которая расшатывала существовавшую политическую и социально-экономическую систему и привела в конечном счете к ее полному краху на рубеже 80–90-х годов XX века.

Следовательно, дело не в одном волонтаризме коммунистических элит, не только в том, что они заимствовали под нажимом Сталина репрессивно-догматическую советскую модель и так до конца от нее и не отказались спустя десятилетия после смерти кремлевского диктатора. Дело также в доктринальных причинах, в силу которых любая модель марксистско-ленинского социализма предполагает монополию коммунистов на власть, глобальное обобществление, рассматривающееся как способ отрицания частной собственности, эксплуатации и отчуждения. Но подобному способу государственного и всего общественного переустройства имманентна разрушительная конфликтность, ибо на практике этот способ не может не порождать еще более всеохватывающего отчуждения, системы тотальной эксплуатации человека, реанимации властями зачастую даже феодальных порядков. Всем этим и были обусловлены в немалой степени те противоречия восточноевропейского реального социализма, которые заострились до антагонистической формы, т. е. выливались в столкновения, подчас кровавые, авторитарных, диктаторских марксистско-ленинских режимов, с одной стороны, и недовольного ими населения, особенно молодежи – с другой.

Хронологически первый такого рода конфликт между коммунистической номенклатурой и населением имел место в ГДР в июне 1953 года. Это государство возникло на занятых советской армией восточно-

германских землях после четырех с лишним лет прямого хозяйничанья оккупационной военной администрации. От руководителей новоиспеченной республики ожидалось решения, которые сплачивали бы общество с национальными управленческими структурами на путях преодоления послевоенной разрухи, повышения оплаты труда, смягчения системы нормированного потребления посредством, в частности, эффективного использования сохранившихся отраслей производства товаров широкого потребления.

Однако действия правителей ГДР оказались иными. На вооружение они взяли советскую народнохозяйственную модель строительства социализма (курс на это строительство СЕПГ провозгласила на своей II партконференции в июле 1952 г.), предусматривавшую создание "оборонной экономики", т. е. преимущественное развитие в городах отраслей тяжелой промышленности, а в деревне – ускоренную коллективизацию мелких собственников. А это значит, что невнимание восточногерманских властей к повседневным нуждам людей, стремление решать возникающие бюджетно-финансовые проблемы за счет усиления эксплуатации трудящихся проявились почти сразу же, вызывая не только рост недовольства, но и стремление многих покинуть пределы "первого социалистического государства на немецкой земле". Так, кампания по ускоренной коллективизации, сопровождавшаяся резким увеличением налогов на частные хозяйства, существенно активизировала бегство из ГДР сельских жителей, из-за чего к лету 1953 г., как отмечается в настоящем издании (с. 28), в стране оказались незасеянными свыше 13% пахотных земель. Своими руками ЦК СЕПГ и правительство вызвали тогда продовольственный кризис, ибо сокращение посевов привело к удорожанию продуктов, ужесточению талонно-карточной системы, что, собственно, и создало исходную базу для шоньской волны народного возмущения.

Разумеется, были и другие причины выступлений граждан ГДР, для которых не осталось незамеченным, что в партийно-государственном механизме очень скоро проступили контуры хорошо знакомого по гитлеровскому периоду тоталитарного правления – только не с национал-социалистским знаком, а с интернационал-большевистским. Иными словами, во взаимодействии общества и властных структур накапливались противоречия, обусловленные антидемократической политикой (другой она у коммунистов быть не может) в социально-экономической области и в деле обеспечения прав и свобод личности. Толчком же к переходу указанных противоречий в стадию открытого конфликта послужила стихийная демонстрация рабочих Берлина 16 июня 1953 г. против повышения норм выработки.

Решение поднять нормы выработки на 10% принял 28 мая 1953 г. Совет министров ГДР, стремясь свести концы с концами в условиях дефицита “бюджета социалистического созидания”. Для простого рабочего это означало, что его реальная зарплата сокращается в обстановке растущих цен в среднем на 25–50%. Сразу же давшее о себе знать возмущение этим решением, прежде всего забастовки конца мая – начала июня в Йене, Мансфельде, Восточном Берлине, Готе, Карл-Маркс-Штадте и Нордхаузене, позволяли вроде бы надеяться на обратный ход властей в данном вопросе. Когда же утренняя профсоюзная газета “Трибуне” подтвердила 16 июня, что повышенные нормы сохраняются в силе, надеждам пришел конец. В 9 часов утра примерно 80 строителей Сталин-аллее двинулись маршем протеста к Дому министерств на Лейпцигерштрассе, призывая тех, кто хочет быть свободным человеком, становиться в их ряды. За время движения к этой правительственной резиденции число протестующих возросло до 2000, а к 14 часам их было уже свыше 10000 человек. Собравшаяся толпа скандировала: “Долой нормы выработки!”, “Правительство – в отставку!”, “Свободные выборы!”. Вышедший наконец к митингующим министр тяжелой промышленности Ф. Зельбман заявил, что “нормы выработки будут проверены и отменены”. Однако ситуация уже, что называется, вышла из-под контроля.

Весть о марше протеста берлинских строителей и антиправительственной демонстрации на Лейпцигерштрассе распространилась по республике с молниеносной быстротой. Сыграл в этом свою роль и призыв к сопротивлению, переданный западноберлинской радиостанцией “РИАС”. В воскресенье, 17 июня состоялись новые демонстрации и митинги, в которых участвовало уже около полумиллиона человек. В 11 часов митингующие сняли с Бранденбургских ворот красный флаг и разорвали его, а около 12 часов на улицы Берлина вышли первые советские танки Т-34. В 13 часов по указанию Москвы ввели чрезвычайное положение, армейские подразделения СССР получили приказ расстрелять “колонны бандитов” с помощью всех средств устрашения вплоть до применения оружия. Участь взбунтовавшихся восточногерманцев была предрешена. В 21 час улицы Восточного Берлина, как и других городов, опустели. И хотя еще неделю на многих предприятиях страны продолжались забастовки под экономическими и политическими лозунгами, все они квалифицировались как организованные “вражеской рукой” и незаконные в условиях чрезвычайного положения, продлившегося до 12 июля.

На основе современного изучения доступных источников, включая архивные, зарубежными авторами, дается следующая картина событий 17–23 июня 1953 г.: в 113 из 181 районных городов ГДР про-

шли забастовки и антиправительственные демонстрации, в это число входят и 14 из 15 окружных центров. Только 17 июня восставшими были взяты штурмом 24 тюрьмы, в столкновениях погиб 51 человек, из них 33 – от пулевых ранений. Число раненых среди населения не поддается точному подсчету, а среди служащих народной полиции было 86 человек с тяжелыми и 282 с легкими ранениями. В ходе разгона демонстрантов и по результатам следствия уже к 22 июня арестовали 6171 человека, свыше 400 из них осудили к различным срокам тюремного заключения, 4-х к пожизненному. 16 человек были приговорены советским военно-полевым судом к смерти и казнены².

Что же касается каких-либо данных об этих событиях из отечественных архивов, они до сих пор отсутствуют. Известно, что в районе Целендорф (юго-западная часть Берлина) установлен деревянный крест в память о советских солдатах, отказавшихся стрелять в безоружных демонстрантов и казненных впоследствии за невыполнение приказа. По данным В.-К. Хольцапфеля, главы неправительственной организации “Хелл”, оказывающей помощь жертвам политического насилия в Европе, всего насчитывается 70 таких солдат. А председатель “Объединения 17 июня” М. Плекингер уточняет, что в Берлине, например, были расстреляны 23 военнослужащих СССР, в Магдебурге – 18, остальные 29 – в других местах. Именно о троих из тех, кого казнили в Магдебурге, удалось все же узнать. Это рядовой В. Дятковский, ефрейтор А. Щербина и сержант Н. Тюляков.

События в Магдебурге, по словам Плекингера, развивались следующим образом. 17 июня 73-й мотострелковый полк получил приказ выступить против “фашистов” в городской район Нойштадт. Когда солдаты увидели, что должны стрелять по рабочим, они все до единого отказались это делать. Через 11 дней, 28 июня, весь личный состав полка, окруженного карателями-особистами, построили и каждый 25-й должен был выйти вперед. Вышедших расстреляли в лесу неподалеку от местечка Бидериц. Эта информация в общих чертах стала известна еще в середине 50-х годов, когда на Запад сумел уйти майор Н. Рошин. Затем, уже в эпоху перестройки “Объединение 17 июня” получило официальное подтверждение числа расстрелянных, однако ознакомиться с архивными материалами его активистам не дали. Не помогло и обращение с письмом к тогдашнему президенту СССР М. С. Горбачеву, оставшееся без ответа. “Несокрушимая стена молчания”, по выражению Хольцапфеля, существует в российском военном ведомстве и сегодня³.

Трагические события 17–23 июня 1953 г. оказали на восточно-германское общество огромное влияние. Еще до конца этого года 40,4 тыс. человек покинули страну по политическим мотивам. Свой ореол “партии рабочего класса” коммунисты, их верхушка утратили

навсегда. “СЕПГ, которая пришла к власти с помощью совершенно недемократических методов, уже в то время, по сути дела, провалилась, – констатировали восточногерманские историки А. Миттер и Ш. Волле в газетном интервью, посвященном 37-й годовщине данных событий. – С этого момента развитие протекало с помощью репрессивных методов”, ибо реальный социализм “не способен генерировать социальный прогресс”. В заключение они подчеркнули, что “дата 17 июня 1953 г. постоянно висела над страной как дамоклов меч. То, чего всегда боялись выразители ортодоксальных и догматических взглядов, произошло в ноябре 1989 года: народ, выйдя на улицу, в 8 утра потребовал смягчения норм, в 10 – демократии, а в полдень – ликвидации ГДР”⁴.

Поведение же советских войск в то время мало кого удивило. Ведь это были войска победителей, преследовавшие в регионе цели, о которых Сталин в беседе с югославской делегацией еще в апреле 1945 г. доверительно высказался в том смысле, что “кто занимает территорию, насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему. Иначе и быть не может”⁵. Конечно, в широком историческом контексте такой подход был бесперспективным и представлял одну из немаловажных причин нестабильности, а затем и распада восточноевропейского социализма. Но большевистскому менталитету властвовавшей номенклатуры он вполне соответствовал. Так, силы госбезопасности Чехословакии легко получили от Праги “добро” на применение оружия и воспользовались им в Пльзене и некоторых других городах уже 1 июня, разгоняя демонстрации рабочих, которые раньше своих собратьев из ГДР на две недели вышли с требованиями улучшения экономического положения и демократизации внутренней политики КПЧ.

В этом смысле можно сказать, что июнь 1953 г. стал рубежом, с которого в регионе начинается длительный период циклического кризисного развития, приводившего то в одной стране, то в другой к острым политическим и социальным конфликтам. Последние не только нанесли ощутимые удары по тоталитарно-коммунистической системе данной страны, но и оказывали дестабилизирующее на эту систему воздействие в других восточноевропейских странах, хотя, быть может, не всегда исключительно во всех и, разумеется, в разной степени.

В последнее время российский читатель смог познакомиться с достоверной картиной общенационального кризиса 1956 г. в Польше⁶. Основными его составляющими были: ощутимое ухудшение экономической ситуации по тем же примерно причинам, о которых говорилось применительно к ГДР; резкая ломка после разоблачительных материалов XX съезда КПСС (доклад Н. С. Хрущева о культе личности и его последствиях) идеологических стереотипов, навязывавшихся целое де-

сятилетие; нестабильность властно-управленческого механизма ПОРП, так никогда и не сумевшей завоевать доверие и поддержку преобладающей части населения.

Углубление этого кризиса привело к драматическим событиям в Познани 28–29 июня 1956 года. Конфликт начался с прекращения работы на крупных городских предприятиях и в учреждениях и формирования колонны забастовщиков, двинувшейся к партийной резиденции. Состоявшаяся здесь манифестация протеста собрала, по подсчетам очевидцев, около 100 тыс. человек. Намерения митинговавших были поначалу мирными и выражались требованиями “Свободы!”, “Хлеба!”, “Бога!”, “Долой коммунизм!”. Однако вследствие растерянности властей, их нежелания (или неспособности) вступить в диалог с собравшимися произошла радикализация настроений манифестантов: одна группа ворвалась в здание горкома ПОРП и разгромила его; другая взяла штурмом тюрьму, выпустила заключенных и овладела имевшимся у охраны арсеналом огнестрельного оружия.

С этого момента общая ситуация в Познани кардинальным образом трансформировалась из уличного шествия в целенаправленные, в т. ч. насильственные, антиправительственные действия. Вооруженная молодежь попыталась овладеть зданием воеводского управления общественной безопасности. Служащие управления встретили нападавших огнем на поражение. Перестрелка продолжалась до рассвета следующего дня, а затем подоспевшие регулярные войска подавили огневые точки восставших и рассеяли скопления вышедших на улицы и площади горожан. Итог кровавых столкновений – свыше 70 человек убитых, 500 раненых и глубокий шок всего польского общества⁷.

Недовольство, просто неприятие тогдашнего руководства во главе с первым секретарем ЦК ПОРП Э. Охабом и премьером Ю. Циранкевичем, которые санкционировали подавление познаньских волнений, приняло массовый и повсеместный характер. Внутри компартии это каналizировалось в настроения вернуть к власти В. Гомулку, отправленного в 1949 г. по указке Кремля в тюрьму за якобы правонационалистический уклон и тихо освобожденного из-под стражи 13 декабря 1954 года. Митинговый накал, усиленный сведениями о передвижении к Варшаве советских войск и появлении на гданьском рейде эскадры ВМФ СССР, сыграл свою роль в поражении на VIII пленуме ЦК польской компартии (октябрь 1956 г.) его реакционно-сталинистского крыла и избрании Гомулки первым секретарем. Хотя Н. С. Хрущева, экстренно прибывшего в польскую столицу в сопровождении Л. М. Микояна и В. М. Молотова, это решение пленума не устраивало, подвергнуть его “критике оружием” он не решился. Пришлось смириться с отстранением ряда других деятелей, в частности вновь пре-

доставить жилье в Москве семье маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, которого не избрали в новый состав Политбюро ЦК ПОРП и освободили от должности министра обороны ПНР.

Оказавшись в октябре 1956 г. у кормила власти, В. Гомулка ловко направил недовольство населения органическими пороками коммунистической системы лишь против партийных консерваторов и сумел тем самым добиться достаточно массовой поддержки. Она выплеснулась в последнюю декаду октября в многочисленные митинги и демонстрации (нередко с явной антисоветской направленностью). Например, 22 числа более 30 тыс. человек митинговали в Гданьске и столько же в Щецине. В тот же день состоялась массовая демонстрация, и не без эксцессов, во Вроцлаве, 23 октября – в Гливице, 70 тыс. человек собрались на митинг в Люблине, 100 тыс. – в Познани. Рабочие и студенчество участвовали 23 октября также в манифестациях в Кракове, Ополе, Лодзи, Кельце, Ольштыне, Быдгоще, Кошаллине и других местах. Крупнейший митинг состоялся 24 октября в Варшаве, собравший до 500 тыс. участников, которые самыми разными способами выражали солидарность с новым лидером страны. Кредит доверия командой Гомулки был таким образом получен.

Поистратился же этот кредит доверия в значительной степени лишь к моменту мартовских (1968 г.) студенческих волнений в Варшаве и других городах, а окончательно – во время декабрьских (1970 г.) событий на Балтийском побережье. Они ознаменовались забастовками в Гданьске, Гдыне, Щецине, Эльблонге и Слупске против постановления Совета министров от 12 декабря о повышении примерно на 30% цен на продовольствие, а также строительные материалы, мебель, изделия из металла и т. п. Участники массовых демонстраций в Гданьске и Щецине, организованных забастовочными комитетами, захватили резиденции партийных комитетов, учинили там погром и поджоги, а всего было сожжено и частично уничтожено 19 общественных зданий, разгромлено 220 магазинов. Кончились эти выступления побоищем 17 декабря на Гданьской судовой верфи, когда силы милиции и армейские подразделения применили против уже закончивших забастовку и выходивших в утреннюю смену рабочих оружие, в результате чего 44 человека были убиты и 1164 ранены⁸.

Декабрьские события обозначили водораздел в общественном сознании: даже до сторонников ПОРП стало доходить, что нет среди коммунистов таких лидеров, которые были бы в состоянии, как говорится, перешагнуть через самих себя, т. е. отказаться от тезиса о своей априорно руководящей роли в социалистическом строительстве и осуществить по-настоящему демократические реформы в политической и экономической сфере.

Пришедшая на смену Гомулке команда Э. Герека попыталась добиться замирения с собственным народом посредством изменения финансово-инвестиционной политики, т. е. создания новых предприятий и целых отраслей экономики, активизации экспортно-импортной деятельности за счет в основном западных кредитов и в надежде на конкурентоспособность польских изделий. Эти расчеты не оправдались, а жизнь взаимно очень скоро обернулась стагнацией, так как пришлось все больше отрывать средств от внутренних нужд на выплату долгов. Это в свою очередь привело к традиционному стремлению повысить цены на продукты питания и товары широкого потребления. Приняв в 1976 г. соответствующее решение, власти сразу же столкнулись с многотысячными манифестациями протеста в Варшаве и Радоме. Не за горами уже были лето и осень 1980 г., когда страну по тем же причинам буквально накрыла забастовочная волна, которая смела Герека, Ярошевича и др. и возвестила о начале общенациональной борьбы рабочего класса ПНР под руководством профобъединения "Солидарность" против авторитарной партийно-государственной системы. Борьба эта закончилась в июне 1989 г. полным поражением ПОРП, которая проиграла антикоммунистической оппозиции первые в истории послевоенной Польши действительно свободные выборы в сейм и сенат.

Аналогичные события произошли весной 1990 г. и в Венгрии, где в результате тоже первых свободных парламентских выборов на многопартийной основе победу одержала антикоммунистическая оппозиция в лице Венгерского демократического форума и его ближайших партнеров – Независимой партии мелких хозяйств и Христианско-демократической народной партии. Кстати, и в Польше, и в Венгрии по итогам выборов были созданы правоцентристские кабинеты во главе с Т. Мазовецким и Й. Анталлом. Иными словами, коммунисты этих стран лишились власти цивилизованным, реформистским путем, будучи вынужденными в силу мало зависевших от них обстоятельств согласиться на демократические правила политической жизнедеятельности. Однако 45-летний путь к признанию подобных реалий оказался для венгерских коммунистов не менее тернистым, чем для польских. И особую отметину в послевоенной истории страны оставила антисталинская революция октября–ноября 1956 г., закончившаяся беспощадным ее подавлением советскими войсками.

За рубежом, как уже упоминалось в самом начале, существует огромная литература об этой революции. У нас же подлинное ее изучение ведется всего несколько последних лет, ибо соответствующие документальные фонды стали доступны сравнительно недавно, да и то исключая архивы министерства обороны и Федеральной службы безопас-

ности. Но все же усилиями ряда отечественных историков-хунгаристов этот острейший политический и социальный конфликт в жизни ВНР получил на страницах научных изданий, в российской периодике достаточно представительное освещение⁹. Многие, если говорить о причинах венгерских событий, совпадает с уже изложенным выше, хотя была здесь и своя национальная специфика. Коммунистический режим М. Ракоши можно считать, пожалуй, самым подхалимским, самым раболепным по отношению к кремлевским властям, настолько некритически и во всех аспектах пытавшимся копировать советскую модель репрессивного социализма, что это привело, очевидно, к наибольшему в восточноевропейском регионе ущемлению национальных чувств, к таким глубоким обидам, которые сыграли роль одного из важнейших факторов вызревания антагонизма между управляющими и управляемыми и формирования политической армии антисталинистской, национально-демократической революции.

Первыми вышли на улицы 23 октября 1956 г. студенты будапештских вузов, одним из лозунгов которых было, кстати, выражение солидарности с познаньским восстанием. К ним присоединились представители разных социальных групп, включая рабочих крупнейших промышленных предприятий. Собравшихся у здания парламента митингующих было, по оценкам, несколько сотен тысяч. Однако никто из власть предержащих выслушать их требования не захотел, а в выступлении по радио партийного лидера Э. Герё не прозвучало никакой готовности пойти навстречу этим справедливым требованиям. Данное выступление являло собой пример обычной коммунистической риторики с угрозами в адрес участников массового митинга, пошедших, дескать, на поводу у враждебных социализму сил. Такое непонимание ситуации, оскорбительные характеристики демонстрантов радикализовали настроения последних: одна их часть направилась к гигантскому памятнику Сталину и принялась за его демонтаж; другая двинулась к радиокомитету, чтобы добиться передачи в эфир своих требований. На попытку проникнуть в здание охрана из Управления государственной безопасности (УГБ) ответила огнем. Возмущенные люди разоружили прибывших на подкрепление "органам" солдат. Некоторые из них встали на сторону восставших. Начались вооруженные стычки.

После известий о таком обороте событий Президиум ЦК КПСС принял окончательное решение о вмешательстве, и уже на рассвете следующего дня войска вошли в Будапешт. Присутствие советских танков укрепило карательное ведомство этой страны в своей безнаказанности, и оно пошло на гораздо более масштабные действия, чем 23 октября. В Будапеште венгерские чекисты расстреляли 25 октября мирную

демонстрацию на площади им. Кошута, где остались сотни убитых и тысячи раненых. В последующие дни подобные расстрелы демонстраций протеста произошли в Дьёре, Залаэгерсеке, Кечкемете, Мишкольце, Мошонмадьярваре, Тисачекеше, Татабана и других городах (ныне известны 82 случая спровоцированных УГБ массовых расстрелов безоружных демонстрантов).

Эти расстрелы, как и ввод советских войск, подняли волну вооруженного сопротивления. Пытаясь сманеврировать, московские “хозяйва” поставили первым секретарем ЦК ВПТ пострадавшего от ракошистского режима Я. Кадара, правительство возглавил тоже ранее опальный Имре Надь, обратившийся с просьбой к Кремлю убрать свои подразделения из Будапешта и других городов. 28 октября он распустил ненавистные народу органы госбезопасности. 29-го начался вывод советских танков из столицы. Затем под давлением восставшего народа И. Надь легализовал многопартийность и сформировал коалиционный кабинет, который признал возникшие в ходе революции на предприятиях рабочие советы в качестве полноправных органов производственного и местного самоуправления. Монополия коммунистов на власть в центре и на местах размывалась прямо на глазах, что уже выходило за пределы допустимого руководством КПСС своеобразия венгерского пути к социализму. Поэтому 4 ноября стартовала операция “Вихрь”, т. е. началось повторное вторжение в Будапешт и другие города сил Особого корпуса и двух советских армий, введенных с территории СССР и Румынии. Общая численность оказывавших тогда “интернациональную помощь” наших военнослужащих превысила 65 тысяч, которые и составили Южную группу советских войск, перебазируемую в отечественные пределы лишь в начале 90-х годов¹⁰.

Эта “интернациональная помощь” обошлась СССР в 720 погибших и пропавших без вести, 1540 солдат и офицеров получили ранения разной степени тяжести. С венгерской же стороны с 23 октября 1956 г. по январь 1957 г. (т. е. до тех пор, пока не прекратились вооруженные стычки повстанцев с силами порядка ВНР и советскими подразделениями) были убиты более 5000 и ранены 19236 человек. Советский военно-полевой суд осудил около 1000 венгерских граждан и депортировал их в тюрьмы СССР в городах Стрый и Ужгород. Марионеточное “рабоче-крестьянское” правительство Я. Кадара за участие в восстании приговорило к смертной казни порядка 500 человек и свыше 1000 – к тюремному заключению. 200 тыс. венгров в первые же месяцы после подавления восстания покинули свою родину по политическим мотивам¹¹.

Следует отметить, что венгерские события 1956 г., более кровавые, чем польские, имели и больший негативный резонанс. Решающую роль

в этом сыграло советское вмешательство, которого в Польше, хотя оно тоже готовилось, удалось избежать. Каждый из искренних сторонников марксистско-ленинского учения стал, по словам И. Бибо, известного венгерского мыслителя, бывшего министром в последнем кабинете И. Надя, “свидетелем расстрела советскими танками самого волнующего социалистического эксперимента нашего века”¹². Но все же оставались еще приверженцы этого учения, которые склонны были связывать репрессивные действия советской и восточноевропейской номенклатуры не с самой сущностью нового общественного строя, а только со сталинистскими его извращениями. Решающий удар по такого рода взглядам нанесло новое проявление московским военно-коммунистическим истеблишментом своего экспансионизма, неуклопе задрапированного в интернационалистские одежды, т. е. вторжение в августе 1968 г. в Чехословакию 500-тысячной армейской машины СССР и подавление с ее помощью реформаторских попыток сверху и снизу придать реальному социализму “человеческое лицо”.

И эта агрессивно-карательная операция против суверенного да к тому же еще, так сказать, братского государства не обошлась без жертв. В ходе передислокации и размещения армейских подразделений в ЧССР (с 21 августа по 20 октября 1968 г.), составивших Центральную группу советских войск, в результате “недружественных” действий местных жителей погибли 11 и были ранены 87 солдат и офицеров. Кроме того, сюда плюсоются смерти при авариях, неосторожном обращении с оружием и боевой техникой, в результате других происшествий, а также от болезней, которых зафиксировано 85. Иными словами, всего жертв со смертельным исходом в ходе данной “интернациональной акции” было с нашей стороны около сотни. С чехословацкой стороны, по уточненным данным, тоже погибло 100 и получило тяжелые ранения 345 человек¹³.

Выше говорилось, что эта интервенционистская акция была задрапирована, замаскирована под коллективные действия, т. е. проведена не одной страной Советов, а вместе с Болгарией, Венгрией, ГДР и Польшей – участницами подписанного 14 мая 1955 г. многостороннего Варшавского договора. Учреждение Организации Варшавского Договора (ОВД) объяснялось в преамбуле тем положением, “которое создано в Европе в результате ратификации парижских соглашений, предусматривающих образование новой военной группировки в виде “западноевропейского союза” с участием ремилитаризуемой Западной Германии и с включением ее в Североатлантический блок, что усиливает опасность новой войны и создает угрозу национальной безопасности миролюбивых государств”¹⁴.

В то время военно-коммунистический истеблишмент СССР уже превратил восточноевропейские страны из буферной зоны в стратегическое предполье-пространство, во-первых, для развертывания своих войск, огромная концентрация которых должна была нейтрализовать преимущество НАТО в технически сложных системах вооружений, а во-вторых – для соответствующих акций в отношении внутреннего режима в этих странах. То есть ОВД действительно представляла советский блок (как ее по преимуществу именовали), посредством которого в своей послевоенной сфере влияния Кремль контролировал развитие государств-сателлитов.

В соответствии с подписанным в мае 1955 г. договором страны-участницы учредили Объединенное командование вооруженными силами (первый главком – маршал Советского Союза И. С. Конев, все последующие тоже наши военачальники) со штабом в Москве. Высшим органом был Политический консультативный комитет (ПКК). В ходе совершенствования структуры ОВД, до некоторой степени под воздействием внутренней и внешней критики за ее недемократичность, по решению будапештского (март 1969 г.) заседания ПКК создали Комитет министров обороны, а на бухарестском (ноябрь 1976 г.) заседании – Комитет министров иностранных дел и Объединенный секретариат. Однако вся эта многосторонняя структура функционирования ОВД являлась лишь репрезентативной стороной, а подлинным “хозяйном” оставался Советский Союз. И хотя в статье первой Варшавского договора его учредители обязывались “воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения и разрешать свои международные споры мирными средствами”¹⁵, верхушка КПСС, если усматривала ситуацию в той или иной “братской” стране опасной для собственных гегемонистских позиций (напр. в Венгрии или Чехословакии), то действовала абсолютно не считаясь с подобными обязательствами. Кстати, когда она полагала невыгодным для себя заседания ПКК, их и не было, несмотря на коллективное решение “собираться по мере надобности, но не реже двух раз в год”¹⁶. Так, после подавления советскими войсками в ноябре 1956 г. венгерской революции ПКК не собирался около двух с половиной лет (с пражского заседания 28 января 1956 г. до московского 24 мая 1958 г.).

Все это деформировало ОВД, подтачивало ее изнутри. Никакие псевдоколлективные акции типа вторжения в Чехословакию не могли сплотить участников организации, в которой прекрасно понимали, что “музыку тут заказывает Москва”. Последовавшее за чехословацкими событиями двадцатилетие 70–80-х годов представляло собой уже не что иное, как растянутую во времени агонию советского и восточноевропейского социализма. Внутренние противоречия марксистско-ле-

пиской системы разъядали ее, в частности экономический механизм обнаруживал все большую неэффективность. Так, если в 50-х годах страны-члены СЭВ обесценивали ежегодно прирост своего совокупного национального дохода на 9,5%, в 60-х – на 6,7, то в 70-х – лишь на 4,5, а за 1981–1989 гг. – менее чем на 2%¹⁷. Памятуя, что ощутимый порог расширенного воспроизводства и повышения народного благосостояния составляет 3–3,5% ежегодного прироста национального дохода, положение в регионе к концу 80-х годов нельзя назвать иначе, как социально опасным, не сулившим режиму ничего хорошего.

В этом феномене агонизирующей системы весьма немаловажную роль сыграла мировоззренческая сфера. Идеологическая зашоренность и нетерпимость восточноевропейских адептов марксистско-ленинской теории, как и их советских наставников, дали абсолютно обратные результаты по сравнению с теми, которых постоянно добивалась коммунистическая пропаганда. Она десятилетиями твердила о гениальных предвидениях марксизма-ленинизма, воплощающихся-де реальным социализмом в жизнь, а люди видели, что ни одно из этих так называемых предвидений не осуществилось, что все зачастую происходило как раз с точностью до наоборот. Им заявляли о “всемирно-исторических завоеваниях авангарда мирового человечества”, а между тем дела в СССР и других социалистических государствах, якобы олицетворявших этот авангард, год от года шли все хуже и хуже.

Наглухо изолировав себя от народа “вооруженными отрядами” КГБ, МВД и армии, номенклатурная элита этих государств в подавляющем большинстве своем давно уже полагалась только на всецелье именем упомянутых отрядов, а отнюдь не “самого передового учения”, которому лишь в целях социальной маскировки продолжала отбивать парадные поклоны. Поэтому-то она и пренебрегла смертельно опасным для себя сдвигом в общественном сознании и общественной психологии своих стран, происшедшим в 70–80-х годах и выразившимся в том, что представители всех слоев населения прекрасно разобрались в большой лжи, лицемерии коммунистических правителей, четко и бесповоротно отгородились от них по принципу “мы” и “они”.

Любая революция начинается со сдвигов в массовом сознании, когда угнетенные классы начинают расценивать свое незавидное положение как социальную несправедливость, которую следует устранить силой, если нет возможности сделать это при существующем строе законным путем. Неодолимое стремление восточноевропейского населения к изменению своего положения открыло новую страницу в истории этого региона. В 1989–1991 гг. в результате массовых народных выступлений в странах Восточной Европы, а также отказа горбачевского руководства от доктрины ограниченного суверенитета коммуни-

стические режимы этих стран потерпели поражение. В Польше и Венгрии удалось их убрать от властных рычагов, как уже упоминалось, с помощью цивилизованных, реформистских средств. В других странах, где агонизирующая система не решилась даже на формальную либерализацию, она оказалась устраненной насильственным путем, посредством в первую очередь давления многотысячных митингов и демонстраций в столицах и других городах. В ГДР, Болгарии и Чехословакии это антиправительственное давление улиц и площадей достигло своих результатов без пролития крови и обоснованно заслужило название нежной или бархатной революции. В Албании последняя получилась не совсем бархатной, ибо в Тиране дело все же дошло до столкновения молодежи с силами охраны порядка, применившими 22 февраля 1991 г. оружие. Четверо ни в чем не повинных людей тогда погибло, многие получили ранения, в т. ч. дети. В Румынии декабрьские (1989 г.) антикоммунистические митинги и демонстрации имели своим итогом совсем не бархатную развязку: в стране было убито 1104 и ранено 3352 человека¹⁸.

Таким образом, марксистско-ленинская система советского типа развалилась под напором неразрешимых в ее рамках противоречий и по причине внешнего неприятия этой системы, победы над нею в многолетней и изнурительной “холодной войне”. Предел существованию советского военно-политического блока в Европе поставили антитоталитарные революции в регионе конца 1989-го. Де-факто ОВД распалась осенью 1990 г., когда Венгрия, за которой последовали и другие страны-участницы, прекратила свое членство. Де-юре это произошло 1 июля 1991 года. Главы уже новых государств Восточной Европы (за исключением представителя СССР Г. И. Янаева) скрепили своими подписями в пражском Чернинском дворце протокол о роспуске данного союза – порождения “холодной войны” между демократическим Западом и коммунистическим Востоком¹⁹. 36-летняя история “неутомимой деятельности на благо мира”, во многом декоративной, прикрывавшей экспансионистско-имперскую политику советских властей, завершилась, хотя окончательную черту всему этому периоду подвел сентябрь 1994 (время прибытия в Москву последнего воинского эшелона из Германии).

Нынешние восточноевропейские государства встали на демократический путь. Следовательно, период послевоенной конфронтации и политического раскола континента закончился. Наступила новая эра развития и взаимодействия стран Европы со своими противоречиями и конфликтами как внутригосударственного, так и международного плана. Но это уже другая проблема, выходящая за рамки предлагаемого читателю сборника. Его подготовили, помимо автора настоящего

введения, сотрудники Института славяноведения и балканистики РАН доктора исторических наук В. К. Волков и Б. Й. Желицки, кандидаты исторических наук С. А. Романенко и А. С. Стыкалин, кандидат филологических наук А. А. Гугнин, а также специалисты из других учреждений, кандидаты исторических наук А. М. Кыров, М. В. Латыш и А. М. Орехов.

По своему характеру работы этих авторов далеко не однородны. В. К. Волков, А. М. Кыров, М. В. Латыш, А. М. Орехов и А. С. Стыкалин написали аналитические статьи, построенные на большом документальном, в т. ч. архивном, материале, значительная часть которого впервые вводится в научный оборот. А. А. Гугнин, филолог-германист, повествует об июньских событиях 1953 г. в ГДР под своим углом зрения, т. е. с упором на отражение этих событий в литературе бывшего европейского "форпоста" реального социализма. Б. Й. Желицки выступил как публикатор секретных донесений о венгерской демократической революции, направлявшихся в свои страны главами британской и американской дипломатических миссий в Венгрии и СССР в период 23 октября – 4 ноября 1956 года. Российский читатель впервые познакомится здесь с этими документами, переведенными автором на русский язык и предваренными его вводными замечаниями. С. А. Романенко представил эссе о югославском кризисе конца 80-х – начала 90-х годов с точки зрения его исторических корней и этнополитических причин. Он приходит к выводу, что борьба центробежных и центростремительных тенденций суть закономерность развития любого многонационального государства и что гибельное усиление центробежных тенденций в такого рода государстве может быть смягчено только максимальной демократизацией последнего.

Поскольку же, повторим в заключение еще раз, ни на умеренную, ни, тем более, на максимальную демократизацию восточноевропейский, как, впрочем, и СССРовский, социализм оказался неспособен, неразрешимая его конфликтность и привела этот социализм на рубеже прошлого и текущего десятилетий к сокрушительному финалу. Думается, что содержание всех последующих статей лишь подтвердит эту уже достаточно очевидную истину.

Примечания

¹ Гегель. Соч. Т. 5. М.-Л., 1937. С. 250.

² См.: Браунталь Ю. Антиавторитарные движения в Центральной Европе. 50–60-е годы // Советское славяноведение. 1990. № 3. С. 4; Das Morgen. 1990.16.VI.; Наст. издание. С. 22.

³ Корниенко А. Восстание в Берлине – расследование продолжается // Вести Европы (Вестник ИТАР–ТАСС). 1994.20.VI. С. 19; Там же. 1993.17.VI. С. 19 (сообщение А. Корниенко из Берлина).

⁴ Das Morgen. 1990.16.VI.

⁵ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 84.

⁶ См.: Краткая история Польши: С древнейших времен до наших дней. М., 1993. Гл. XXII. С. 405–432; Орехов А. М. Общественно-политический кризис 1956 г. в Польше (генезис и развитие событий) // Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. М., 1993. С. 10–55; Он же. События 1956 года в Польше и кризис польско-советских отношений // Советская внешняя политика в годы “холодной войны” (1945–1985): Новое прочтение. М., 1985. С. 217–240.

⁷ Орехов А. М. События 1956 г. в Польше и кризис польско-советских отношений. С. 224.

⁸ Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней. С. 431.

⁹ См., например: Краткая история Венгрии: С древнейших времен до наших дней. М., 1991. Гл. XXI; Венгрия 1956 года: Очерки истории кризиса. М., 1993; Желицки Б. Й. Венгерские события 1956 г. (в свете новейшей венгероязычной историографии) // Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. С. 56–92; Он же. Будапешт–Москва: Год 1956-й // Советская внешняя политика в годы “холодной войны” (1945–1985): Новое прочтение. С. 241–282; Середа В. Т., Стыкалин А. С. Из истории одного противостояния: Союз венгерских писателей в общественно-политической борьбе середины 50-х годов // Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. С. 93–145; Мусатов В. Л. СССР и венгерские события 1956 г.: новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 3–22; и др.

¹⁰ Хайтина Ю. “Братская помощь” ценою в 5640 смертей (интервью с военным историком А. Кыровым) // Московский кемсомолец. 1995.24.X.

¹¹ См.: Желицки Б. Й. Будапешт–Москва: год 1956-й. С. 278–279; Хайтина Ю. Указ. соч. С. 278.

¹² Желицки Б. Й. Указ. соч. С. 278.

¹³ См.: Ярошевский В. О договоре с Россией // Вести Европы (Вестник ИТАР–ТАСС). 1992.27.II. С. 22; Новопапин Ю. С. Вторжение в Чехословакию как воплощение классового подхода // Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. С. 192; Латыш М. В. “Доктрина Брежнева” и “пражская весна” 1968 года (реализация тоталитарных принципов через партийную дипломатию) //

Советская внешняя политика в годы “холодной войны” (1945–1985): Новое прочтение. С. 328.

¹⁴ Организация Варшавского Договора: Документы и материалы. 1955–1985. М., 1986. С. 9.

¹⁵ Там же. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 23.

¹⁷ Подробнее см.: *Новопашин Ю. С.* Восточная Европа после 80-х: Тенденции и проблемы // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 130.

¹⁸ Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней. М., 1992. С. 459; *Новопашин Ю. С.* Непраздничный юбилей // Кентавр. 1995. № 4. С. 5.

¹⁹ Протокол о прекращении действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанного в Варшаве 14 мая 1955 г., и Протокола о продлении срока его действия, подписанного 26 апреля 1985 г. в Варшаве // Известия. 1991.2.VII.

Июньские события 1953 г. в истории, идеологии и литературе ГДР

События 16–17 июня 1953 года в ГДР пока не получили научной оценки в отечественной историографии. Более того, сама тема была явно непопулярна, потому что четкий и однозначный идеологический штамп “контрреволюционный путч”, организованный империалистами ФРГ и США¹, заранее программировал тенденциозное направление исследования в привычном русле поисков “врага”. То же можно сказать и об историографии ГДР, которая при всем желании не могла выйти за пределы оценок, зафиксированных в соответствующих документах Социалистической единой партии Германии (СЕПГ)². Но и историография ФРГ тоже во многом ориентировалась на политиков и идеологов, сразу же обозначивших это событие как “народное восстание” или “рабочее восстание”³. С дистанции сегодняшнего дня видно, что “холодная война” наложила отпечаток на политику, идеологию и общественные науки не только на Востоке, но и на Западе. Ниже предпринимается попытка обратиться к названной проблеме, естественно, лишь в плане ее научной постановки.

После объединения Германии интерес к кризисным периодам в истории ГДР снова оживился в связи с открывшейся возможностью публиковать и анализировать архивные документы и материалы, хранящиеся в ГДР и прежде недоступные для исследования. Новые публикации позволяют заметно уточнить некоторые существенные детали общей картины, но по-прежнему оставляют достаточно места для различных вопросов, потому что и сами источники и их обработка носят несколько односторонний характер. Для примера сошлюсь на богатую фактами книгу военного историка Торстена Дидриха “17 июня 1953 года в ГДР. Вооруженная сила против народа” (1991), где на основе добросовестного изучения доступных источников дается заметно уточненная картина демонстраций и митингов 17–23 июня: в 113 из 181 районных городов ГДР прошли забастовки и демонстрации, в это число входят и 14 из 15 окружных центров. Советскими военными комендатурами было объявлено чрезвычайное положение в 13 окружных цент-

рах и в 51 районном центре⁴. Только 17 июня в демонстрациях участвовало около полумиллиона человек. В ходе разгона демонстрантов и по результатам следствия арестовано 6171 человек, трое из них были приговорены к смертной казни⁵. В результате стычек погиб 51 человек, из них 33 – от пулевых ранений⁶. Число раненых среди населения не поддается точному подсчету, среди служащих народной полиции ГДР было 86 с тяжелыми и 282 с легкими ранениями⁷. Если эти цифры в дальнейшем будут еще уточняться, то, видимо, не столь уж существенно.

В книге Т. Дидриха впервые подробно и по архивным источникам проанализированы действия частей народной полиции ГДР и описано фактическое участие формирований Советской Армии в устрашении демонстрантов и в восстановлении порядка. Представляется, что даже эта, чисто внешняя, сторона событий могла бы быть значительно дополнена, если исследователям удалось бы с такой же полнотой, с какой они используют сейчас источники бывшей ГДР, изучить архивы ФРГ, США и СССР. Т. Дидрих, анализируя лозунги и требования бастующих, неоднократно подчеркивает, что у них не было политической организации и политической воли. В то же время трудно предположить, что демонстрации, охватившие более половины районных городов ГДР, вообще не опирались ни на какую организацию и ни на какую политическую волю и что после стихийной демонстрации 16 июня строителей Аллеи Сталина в Берлине трудящиеся других городов ГДР выступили против повышения норм выработки и вышли на свои демонстрации лишь по объявлению, прозвучавшему по американскому радио: Разумеется, такая серьезная политическая акция, как события 17 июня 1953 года, не могла не продумываться западными политиками и спецслужбами, но новые архивные источники для подтверждения этого пока извлекаются весьма скудно. Т. Дидрих приводит любопытную статистику: в Восточном Берлине после 16 июня арестовали 2380 человек, 322 из них оказались западными берлинцами⁸, а ведь арестованы были, очевидно, далеко не все. Разве не пополнилась бы объективная историческая картина реальных событий, если бы мы могли сегодня более или менее достоверно знать, с какими целями участвовали западные берлинцы в развернувшихся событиях, знать не на основе предложенных ими после ареста версий, а на базе соответствующих архивных источников? К каким выводам могло бы сегодня подвести нас сопоставление архивов ФРГ, ГДР и Советской военной администрации в Германии (СВАГ были переданы 147 арестованных)⁹.

Сказанное, однако, не означает, что отсутствие подобного рода архивно-аналитических исследований, которые могли бы существенно уточнить конкретную картину рассматриваемых событий, вовсе ис-

включает возможность объективных размышлений о сути исторического прошлого. Помимо всяких архивов существует огромная информация из тысяч опубликованных и вполне достоверных источников, которую только надо уметь осмыслить, анализировать и корректировать. Правда, сегодня как никогда очевидно, что даже самый позитивистский и претендующий на полную независимость анализ все равно отражает определенную общественную позицию самого исследователя, которая диктует отбор фактов и, следовательно, подталкивает к тем или иным оценкам. Современный исследователь, видя перед собой многовековую историю общественных наук, должен уже перестать обманываться на этот счет: в его задачу сегодня входит осознание и четкое артикулирование своей позиции, которая неизбежно связана с особенностями собственного жизненного и научного опыта. Ясное осознание объективной субъективности обществоведения, интеграция момента субъективности в саму теорию, методологию и историю общественной науки может стать для нее гораздо более плодотворной, чем продолжение попыток скрыть эту субъективность, затушевать и замаскировать ее.

Настоящая статья основана на базе 25-летнего изучения литературы ГДР, которое началось для меня в 1969–1970 гг. в берлинском университете им. Гумбольдта, где между штудиями “Песни о нибелунгах” и немецкого романтизма я заходил на спецкурс профессора Инге Дирзен по поэтике прозы Анны Зегерс. Позднее пришли личные знакомства со многими литературоведами, писателями и издателями ГДР, еще позднее – с писателями и критиками других немецкоязычных стран. Будучи активным приверженцем социалистической модели мира и инстинктивно отвергая диссидентство как форму личного жизнеутверждения, противоречившую, по моим тогдашним понятиям, плодотворному жизнестроительству, я всегда – именно в силу названной позиции – болезненно переживал конфликты и противоречия реального социализма, в принципе казавшиеся легко устранимыми, но так до самого его крушения на европейской земле и не устранимыми.

* * *

Июньский кризис 1953 года нашел многообразное отражение в литературе ГДР: в произведениях, дневниках, официальных и частных письмах Бертольта Брехта (1898–1956); в романе “Доверие” Анны Зегерс (1900–1983), появившемся в 1968 г.; в многочисленных произведениях Стефана Гейма (род. в 1913 г.), из которых, в первую очередь, необходимо назвать роман-хронику “Пять дней в июне” (вышел в свет в ФРГ в 1974 г.), первоначальный вариант “День X”, написанный в середине 50-х гг. и до сих пор не опубликованный, и автобиографичес-

кий роман “Нскролог” (1988); наконец, в нескольких пьесах Хайнера Мюллера (1929–1995). Для предлагаемой статьи, претендующей не столько на полноту охвата материала, сколько на попытку определить некоторые перспективные направления, вытекающие из самой специфики предмета исследования, названных имен и произведений вполне достаточно. Тем более, что за каждым из них стоят целые поколения единомышленников, обширный круг разнообразных знакомств, международное признание и – при всей разнице жизненных и творческих судеб – вера в возможность иного, более продуктивного в социальном и человеческом плане строя, чем капитализм.

Б. Брехт, несколько месяцев прослуживший санитаром в 1918–1919 гг., воочию удостоверился в печальных последствиях первой мировой войны для Германии и на всю жизнь сохранил стойкую ненависть к тем, кто способен разжигать войны в корыстных интересах, прикрываясь при этом самыми патриотическими фразами. Его “Легенда о мертвом солдате” (1918), к которой он сам сочинил мелодию и исполнял под сопровождение гитары в аугсбургском полевом госпитале, была и после 1933 г. бельмом на глазу для всех национал-патриотов и фашистов. Отрицание капитализма и империализма, постоянно порождающего локальные и мировые войны, было для Брехта аксиомой, которую он, однако, неустанно старался доказывать и утверждать в своем творчестве. Но и демократия по типу Веймарской республики, добровольно проголосовавшей за национал-социалистов, его тоже никак не устраивала. Брехт хорошо знал и негативные стороны американской демократии, испытанные им в годы вынужденной эмиграции в США. Отчасти он передал свои ощущения в цикле “Голливудских эллегий” (1942), из которых процитируем здесь одну, позднее перемещенную им в цикл “Стихотворения в эмиграции”:

Каждое утро, зарабатывая на хлеб насущный,
Я еду на базар, где продаются изделия из лжи.
С надеждой
Я занимаю свое место среди продавцов*.

Брехт прекрасно понимал, что и советская модель социализма весьма далека от идеала и, проживая с 1948 г. в восточной зоне и в ГДР, в 1950 г. получил австрийское гражданство – для сохранения творческой независимости, без которой он не мог существовать как писатель и режиссер. В то же время именно в ГДР, где общество и госу-

* Здесь и далее цитаты без указания переводчиков принадлежат автору статьи.

дарство находились в стадии своего становления, Брехт видел для себя возможности развития выработанной им модели искусства, организуя принцип которой был постоянный контакт и активный диалог с читателем и зрителем. Рационалист до мозга костей, Брехт апеллирует скорее к разуму, чем к чувствам, сознательно стремится быть посредником между социалистическими идеалами, как он их себе представляет, и реальной послевоенной действительностью. Оставаясь всегда беспартийным, он никогда не уходил от общественной активности, используя все доступные ему приемы тактического маневрирования для достижения максимальной свободы творческого эксперимента в тех рамках, которые он сам считал допустимыми и разумными. Отдельные неудачи никогда не могли сломить его волю именно потому, что он был рационалист и диалектик и всегда рассматривал жизнь как диалектическое противоборство различных общественных идей и интересов. Свое искусство Брехт не мыслил вне участия в этом жизненном противоборстве. Сейчас даже трудно себе представить, насколько скуднее выглядела бы жизнь литературы и театра ГДР, если бы Брехт не избрал ее местом своей послевоенной жизнедеятельности. Другое дело, что, ценой огромных усилий добываясь отдельных тактических побед и отдельных уступок со стороны руководства СЕПГ, он не смог одолеть главного – стратегического догматизма партии В. Ульбрихта, стремившегося подчинить естественный ход жизни ложно понятой теории.

Стратегический догматизм СЕПГ во главе с Ульбрихтом в истории ГДР трагически преломился в июньских событиях 1953 года, впервые обнажив зияющую лагуну между руководством страны и значительными группами проживающего в ней населения. Немалую роль в дестабилизации ситуации в ГДР сыграли и события в СССР, прежде всего быстрая смена после смерти отца всех народов Маленкова на Хрущева, арест и расстрел Берии, которые отражали лишь видимую часть айсберга, т. е. назревшие противоречия и попытки сменить ориентацию во внутренней и внешней политике. Как свидетельствуют опубликованные теперь письма Брехта, "Некролог" С. Гейма, мемуары Вальтера Янки и некоторые другие источники, в руководстве СЕПГ тоже происходила скрытая перегруппировка разнонаправленных сил. При этом "группа Ульбрихта", сплотившаяся за годы эмиграции в СССР, победила в значительной степени потому, что лучше улавливала колебания и поветрия в рядах высшего руководства КПСС, быстрее приспосабливалась к меняющимся и порой противоречивым "рекомендациям", предпочитала скорее воспроизводить и даже утрировать наши исторические и текущие ошибки, чем пытаться отстаивать собственную, стратегически оправданную линию.

Попытки ускорить – по нашему образцу – процессы коллективизации и ликвидации мелких собственников, резкое увеличение налогов на самостоятельные крестьянские хозяйства привели в 1952–1953 гг. к усилению массового бегства крестьян и мелких собственников из ГДР: в 1951 г. – 166000 беженцев, в 1952 г. – 182000 и в первой половине 1953 г. – 426000¹⁰. К лету 1953 г. в ГДР оказались незасеянными свыше 13 процентов сельскохозяйственных площадей¹¹. СЕПГ и правительство ГДР собственными руками вызвали в стране продовольственный кризис, что привело к удорожанию продуктов, ужесточению талонно-карточной системы и по-своему уже готовило июньские демонстрации протеста. Спешно создаваемые сельскохозяйственные кооперативы требовали дополнительных капиталовложений, то же требовалось и для предусмотренного СЕПГ ускоренного развития тяжелой промышленности – и все это при дефиците бюджета, в котором для развития легкой и пищевой промышленности средств почти не оставалось. Теория заслоняла элементарные экономические расчеты и реальности жизни. Когда же дело дошло до необходимости все же как-то свести концы с концами, Совет Министров ГДР вынужден был 28 мая 1953 г. принять постановление о повышении норм выработки на 10 процентов, введение которого приурочивалось к 60-летию В. Ульбрихта 30 июня 1953 г. Следовательно, реальное понижение своей зарплаты (в условиях нехватки продуктов и повышения цен) рабочие должны были воспринимать как праздничный подарок высшему руководителю государства!?

С. Гейм в романе “Пять дней в июне” и А. Зегерс в романе “Доверие” достаточно скрупулезно, хотя и очень по-разному, описывают ситуацию на различных заводах ГДР, возникшую в результате целой серии непродуманных решений СЕПГ и Совета Министров ГДР, которую увеичало названное постановление от 28 мая. В романах чувствуется их хорошая информированность во внешне- и внутривнутриполитической обстановке, но у А. Зегерс в объяснении причин июньских демонстраций и волнений превалируют два основных фактора. Во-первых, она живописует подстрекательскую и подрывную деятельность западногерманских и американских спецслужб, сумевших установить контакты с затанчившимися внутри ГДР врагами социалистического строя и разжечь в отдельных местах массовое возбуждение в наименее сознательных слоях населения и даже вовлечь в забастовки отдельных рабочих там, где разъяснительная партийная работа была ослаблена. Во-вторых, в самом названии и на многих страницах в романе актуализируется тема “доверия”. Эта тема представляется сегодня относящейся не столько к реальной ситуации 1953 года, сколько к событиям 1968 года в ЧССР, которые к моменту завершения романа еще только

назревали и на благополучный исход которых А. Зегерс в какой-то мере надеялась повлиять своим романом. “Как же так случилось, что суровые и непримиримые получили столько власти?” – недоумевает молодой рабочий Томас Хельгер¹². “Но приказами никого перевоспитать нельзя, – убеждает партийный секретарь Рихард Хаген директора металлургического завода Ульшпергера, прошедшего идейную закалку в советской эмиграции... – С тем-то я и пришел: не приказывать надо, а объяснять и предлагать”¹³. Для А. Зегерс в 1968 году речь, конечно же, шла о “доверии” к процессам демократизации, развернувшимся в ЧССР, которые – в случае успеха и “доверия” к ним со стороны соседей-союзников – так или иначе должны были повлечь за собой подобную же демократизацию в других странах социалистического лагеря.

В реальной ГДР 1953 года дело было вовсе не в “доверии”, а прежде всего в грубых ошибках и просчетах партийного и государственного аппарата ГДР, сориентированного на сталинскую модель социализма и не сумевшего без серьезных потерь скорректировать ее, когда в мае-июне 1953 г. новое руководство КПСС настоятельно рекомендовало эту корректировку (похоже, что Берия разбирался во внутривнутриполитической ситуации в ГДР лучше, чем В. Ульбрихт)¹⁴. Несмотря на занимательную интригу и присущую А. Зегерс экспрессивную панорамность изображения, роман читается сегодня как весьма конъюнктурное произведение – пускай и написанное с самыми благими намерениями.

Гораздо основательнее с точки зрения исторической правды – в том числе и благодаря искусно проведенному приему по часам и минутам рассчитанной документальности – выглядит сегодня роман С. Гейма “5 дней в июне”, так и не изданный в ГДР и вовлекший писателя после нескольких лет борьбы за его издание на стезю полудиссидентского существования. Поскольку С. Гейм до самого конца оставался в ГДР, не скрывая своей социалистической ангажированности, но и беспрерывно конфликтуя с идеологическим руководством страны, есть смысл проанализировать его позицию в июньских событиях несколько подробнее. Сын еврея-торговца Хельмут Флиг, избравший впоследствии писательский псевдоним Стефан Гейм, покинул Германию в 1933 году, будучи уже антифашистом и социалистом по убеждениям (он остается таковым по сей день, являясь старейшим депутатом Бундестага ФРГ). Прожив некоторое время в Чехословакии, С. Гейм отправился учиться в США, в Чикагский университет. Прекрасно владея английским языком, он половину своих книг написал и издал первоначально на английском языке (в США и в Англии). Приняв американское гражданство, С. Гейм во время второй мировой войны был призван в армию, участвовал в высадке союзных войск в Нормандию и в последующих боевых операциях. Получив чин американского офицера и ряд

воинских наград, Гейм не собирался пересматривать свои социалистические взгляды и, став одним из основателей газеты "Нойе цайтунг" в Мюнхене, открыто обосновывал свои коммунистические позиции. Он был отозван в США и уволен из армии.

Резко выступив в 1950 г. против участия США в войне в Корее, уже приобретший известность писатель демонстративно отказался от офицерского звания, воинских наград и в 1952 г. переехал на постоянное жительство в ГДР. В романе "Крестоносцы" (1948), написанном на английском языке и изданном в США, но вскоре переведенном на немецкий, русский и другие языки, С. Гейм, основываясь на личном опыте солдата и офицера американской армии, разоблачает стратегию и политику "холодной войны", идеологическую подготовку к которой почувствовал задолго до того, как она стала официальной доктриной. Гейма встретили в ГДР с распростертыми объятиями, и ему первому была вручена только что учрежденная в 1953 г. Академией искусств премия Генриха Манна.

Какими глазами мог наблюдать и оценивать события июня 1953 г. этот писатель, умудренный столь богатым и разносторонним жизненным опытом? Естественно, что большое место в романе занимает изображение механизма подготовки июньского кризиса западными спецслужбами, автор дает психологические убедительные портреты тех людей, которые осознанно или неосознанно становились звеньями в цепочке подготовки и непосредственной организации демонстраций и забастовок. В "5 дней в июне" – это 13–17 июня 1953 года – небольшой эпилог отнесен к 14 июня 1954 года, когда рабочий-коммунист Витте, отстраненный перед июньскими событиями от руководства профсоюзной организацией одного из берлинских заводов, принимает предложение учиться в партийной школе, поскольку именно ему удалось 17 июня вернуть с демонстрации на завод большую группу рабочих. Сейчас (да и раньше) остается только удивляться, каким образом партийная цензура ГДР могла превращать в диссидентов людей с однозначно социалистическими и абсолютно партийными взглядами. И все же именно этот роман, где действие рассчитано по часам и минутам и перемежается подлинными историческими документами, дает возможность еще раз взглянуть в некоторые специфические черты тоталитарной модели социализма, которая – при всех нюансах и оттенках – в основном была воспроизведена в ГДР по советскому образцу.

Эта модель в ее развитом состоянии отличалась строгим единообразием и иерархичностью, которые были достигнуты благодаря постоянному устранению "врагов народа", просеиванию и оттеснению на самые обочины всех "инакомыслящих". Эта модель могла самовоспро-

изводиться только при отсутствии гласности и демократии и при условии теснейшей сплоченности небольшой группы партийных лидеров, державших в руках реальную власть в стране. Опасность разрушения этой модели возникала всякий раз, когда “правильно мыслящие” совершали неизбежные ошибки, которые рано или поздно, но все равно нужно было как-то исправлять. В подобных случаях можно было, конечно, “изменить курс”, сделав вид, что ничего особенного не произошло и сославшись в общих фразах на изменение международной ситуации или внутренней обстановки. Но еще виртуознее было извлечь из собственной ошибки “капитал” – политическую и тактическую выгоду, – найдя конкретного “врага” или “виновника”. Этот путь нередко использовался для устранения руководящих партийных работников, по той или иной причине переставших “вписываться” в узкий круг “непогрешимых руководителей”.

В. Ульбрихт, позиция которого после смерти Сталина несколько пошатнулась, сумел в непростой позиционной войне “переиграть” своих явных и кажущихся оппонентов, основательно “прочистив” в 1952–1953 гг. ряды высшего эшелона партийных руководителей и правительства. Были арестованы министр торговли и снабжения Гамани (от Либерально-демократической партии); государственные секретари Альбрехт (Демократическая крестьянская партия Германии) и Бэндер (СЕПГ), министр иностранных дел Дертингер (Христианско-демократический союз); из руководства СЕПГ вывели Ф. Далемана, П. Меркера, Л. Баузера, Б. Гольдхаммера, К. Мюллера и др. Некоторые из них были затем арестованы и осуждены (например Пауль Меркер¹⁵).

Закулисная борьба в высших эшелонах власти ГДР до сих пор мало исследована, но роман С. Гейма, лично знавшего многих партийных и государственных деятелей, дает почувствовать саму атмосферу этой борьбы и способы реагирования на нее тех, кто располагался на более низких ступенях партийной и государственной иерархии. Последовавшие затем романы С. Гейма “Сообщение короля Давида” (1972), “Коллин” (1979, опубликован в ФРГ), а также автобиографический роман “Некролог” (1988, опубликован в ФРГ) заметно уточняют и конкретизируют общую картину, как ее уточняют и конкретизируют многие мемуары, письма и другие документы, опубликованные за последние десятилетия.

Труды историков, литературоведов и культурологов во многом могут и должны дополнять друг друга. У каждого специалиста есть свой, вполне очерченный предмет исследования. Но многообразие жизни не вписывается в рамки научной специализации и, желая понять тот или иной общественный феномен, ученый вынужден выходить за

пределы своей специализации, перепроверять и уточнять свои наблюдения данными из других, смежных областей знания.

В первых числах июня 1953 г. в Москву прибыла делегация ЦК СЕПГ (В. Ульбрихт, О. Гротеволь, Ф. Эльснер). Ей было вручено постановление Политбюро ЦК КПСС "О мероприятиях по оздоровлению политического положения в Германской Демократической Республике", которое предусматривало приостановку репараций и экспорта в СССР продовольственных и других товаров первой необходимости. Это свидетельствовало о том, что новое руководство КПСС правильно оценивало кризисную ситуацию в ГДР и стремилось способствовать ее преодолению. В переговорах с делегацией ГДР принимали участие Л. П. Берия, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, В. М. Молотов, Н. С. Хрущев и В. С. Семенов, только что назначенный Верховным комиссаром СССР в Германии, а также новый главнокомандующий советской Группой войск в Германии А. А. Гречко. В результате обсуждения полученных рекомендаций Политбюро ЦК СЕПГ объявило 9 июня 1953 г. о корректировке курса на построение основ социализма в ГДР. После соответствующего решения Совета Министров ГДР 11 июня был объявлен "новый курс", предусматривавший заметное ослабление нажима на единоличных крестьян и на оставшихся еще мелких производителей и некоторые мероприятия по поддержанию жизненного уровня беднейших слоев населения. Однако в вопросе об отмене объявленного 28 мая повышения норм выработки не было достигнуто полного единогласия, о чем свидетельствуют опровергающие друг друга сообщения в прессе, внесшие свою долю путаницы в июньский кризис.

Газета советской Группы войск в Германии "Тэглихе Рундшау" 12 июня опубликовала передовую статью, в которой среди прочего говорилось: "Политбюро ЦК СЕПГ и правительство ГДР открыто и честно признают перед всем населением ГДР, что в прошлом были совершены ошибки... За совершенные ошибки до некоторой степени ответственность несет и прежняя советская Контрольная комиссия..."¹⁶. Текст статьи давал возможность предположить, что в число "ошибок" входит и повышение норм выработки. 14 июня главный редактор "Нойес Дойчланд" и член ЦК СЕПГ Рудольф Херриштадт опубликовал статью, где утверждал, что пора положить конец административно-командному нажиму на рабочих и что повышение норм выработки может принести пользу лишь в том случае, если рабочие сами убедятся в его необходимости¹⁷. Однако, 16 июня в "Трибуне", центральной газете Союза свободных немецких профсоюзов, в статье одного из руководителей профсоюзов Отто Лемана утверждалось, что об отмене повышения норм выработки не может быть и речи.

Все эти статьи обсуждались рабочими, и они видели противоречия и разнонаправленность содержащихся в них утверждений. В интервью заместителя председателя Совета Министров ГДР и председателя Христианско-демократического союза ГДР Отто Нупке (17 июня 1953 г. он был вместе с автомобилем захвачен группой молодчиков из Западного Берлина) американскому радио статья в газете "Трибюнс" была названа "зажигательным шнуром для поднятия волны возбуждения"¹⁸. В то же время, когда около 2000 рабочих-строителей подошли к зданию министерств на Лейпцигерштрассе (к 14.00 толпа возросла до 10 тысяч человек), то вышедший к ним министр тяжелой промышленности Фриц Зельбман (позднее ставший известным писателем) сказал, что он "уполномочен заявить: нормы выработки будут проверены и отменены"¹⁹. Но к этому моменту на первый план уже выступили политические требования и, судя по роману С. Гейма, выдвигали и выкрикивали их уже не столько рабочие, сколько другие представители собравшейся толпы.

Б. Брехт, находившийся утром 16 июня в загородном доме в Букове, узнав о событиях, срочно вернулся в Берлин, собрал сотрудников своего театра "Берлинер ансамбль" и практически непрерывно обсуждал с ними возникшую ситуацию, пополняя информацию из самых разных источников и обдумывая возможности продуктивного выхода из очевидного кризиса²⁰. Он сразу понял, что выступление народа против собственного "народного правительства" свидетельствует о разрыве между ними продуктивных связей, об отсутствии творческого диалога, о бесперспективности метода всезнающего администрирования, который он так болезненно ощущал на себе и своем театре. Вглядываясь в ситуацию, Брехт понимал, что ее нельзя свести ни к "фашистскому путчу", ни к "народному восстанию" – оба противоположных определения представлялись слишком односторонними, чтобы ими можно было обозначить суть происходивших событий. "17 июня перевернуло все мое существование", – запишет он 20 августа 1953 г. в своем "рабочем журнале".

Суть размышлений Брехта состояла в том, что он вынужден был подвергнуть сомнению свою же собственную формулу, связанную с надеждами на возможность менее конфликтного развития общества при социализме, чем при капитализме: "Трудности гор у нас позади, теперь начинаются трудности равнин". Формула эта так или иначе корреспондировалась с фундаментальным положением научного коммунизма о том, что социализм упраздняет антагонистические противоречия в обществе (и корректирует тем самым одно из фундаментальных положений диалектического материализма).

Вместо того, чтобы учиться распознавать и продуктивно разрешать новые экономические и общественные противоречия, теоретики и практики социализма нередко ограничивались абстрактными идеологическими заклинаниями типа “неразрывная связь партии и народа”, что на практике предполагало безусловное доверие народа к партии и правительству, безоговорочное одобрение всех спущенных сверху планов. Во время июньского кризиса Брехт понял, что на самом деле “трудности равнин ничуть не уступают трудностям гор”. По мысли Брехта июньский кризис 1953 года давал возможность руководству СЕПГ кардинально пересмотреть свою позицию, отказаться от догм и начать плодотворное жизнестроительство. Для этого руководство СЕПГ должно было глубоко проанализировать свои ошибки, чтобы не повторять их в дальнейшем, и провести широкую разъяснительную работу в трудовых коллективах. Но В. Ульбрихт и его окружение вместо критического анализа событий снова свернули на легкую и уже испытанную тропу поиска “врагов социализма”.

Эта “новая” линия четко обозначилась уже 20 июня, когда член СЕПГ, секретарь Союза писателей Куба (Курт Бартель) опубликовал в “Нойес Дойчланд” стихотворный текст, в котором, словно воспитатель в детском саду, пытался пристыдить рабочих-строителей за “плохое поведение” 16–17 июня: “...Стыдитесь ли вы теперь сами себя так же, как я стыжусь за вас? Вы должны будете теперь очень много и очень хорошо работать и в будущем поступать очень разумно, и лишь тогда партия сможет забыть и простить вам этот позор”²¹. Брехт сразу же распознал, какая безысходная дилемма социализма скрывается в подобном “детсадовском” подходе к жизни, и в свойственной ему парадоксальной манере откликнулся на “произведение” Кубы своим стихотворением “Решение”:

После восстания 17 июня
Секретарь Союза писателей
Распространял на Аллее Сталина листовки,
В которых было написано, что народ
Потерял доверие правительства
И теперь лишь удвоенным трудом
Может завоевать его снова.
Но нельзя ли поступить еще проще:
Правительство распускает народ и
Избирает себе другой?

Брехт попал, что называется, в самую точку, и неизвестно, какие дискуссии могли бы развернуться, будь это стихотворение опублико-

вано тогда же в “Нойес Дойчланд” – как ответ, как приглашение к диалогу, как выдвижение иной позиции. Но Брехт уже сам не верил в возможность подобного открытого диалога и, видимо, даже не пытался это стихотворение напечатать²². В то же время опубликованный текст Кубы был сам по себе настолько несуразен, что фактически “саморазоблачался”, обнажая “детсадовскую” позицию партийного руководящего, и незадачливому партийному поэту пришлось уйти с занимаемого поста. Но свою позицию воспитателя в детском саду СЕПГ пыталась сохранить до самого своего окончательного краха в 1989–1990 гг., постоянно отыскивая “врагов” “правильного режима”, сажая их в тюрьмы, исключая из творческих союзов, понуждая к эмиграции – то есть в конкретной исторической практике преобладающей оказалась все же позиция, провозглашенная Кубой, но не Брехтом²³.

В своей критике реальностей социализма Брехт стремился не переступить определенной грани, исходя из представления (в реальности ГДР носившего, правда, скорее характер предположения, мечты, что сам Брехт хорошо понимал) о новом строе, который даже в “плохой” своей форме все же лучше, чем “хороший” капитализм. Июньский кризис 1953 г. настолько потряс Брехта, что в “Буковских элегиях”, написанных летом и осенью 1953 г., появляются несвойственные ему утопические мотивы.

Сохранилось немало свидетельств, что Брехту после возвращения в ГДР нередко приходилось “наступать на горло собственной песне”. То есть в том числе постоянно думать о политическом воздействии своих произведений, о той реакции, которую они должны или могли вызвать не только у простых читателей и зрителей, но и на вершинах власти. В 1952 г. он, например, прекратил работу над пьесой о Розе Люксембург, весьма показательно обосновав это в разговоре с литературоведом Э. Шумахером: “Я не двинулся дальше пролога пьесы. Я беседовал со многими. Мы пришли к выводу, что правдивое изображение только усугубит разлад в рабочем движении, вновь разбередит старые раны. Это было бы на пользу реакции и вопреки необходимости укреплять собственные ряды. Еще не забыты споры между Лениным и Люксембург по поводу лучшего типа партийной организации и теории стихийности. В каком-то смысле мне пришлось бы выступить против партии. Но не стану же я отрубать себе ногу лишь для того, чтобы доказать, что я умелый рубщик”²⁴.

После июньского кризиса Брехт все еще считал возможным творческое преобразование социализма изнутри, без кардинального отказа от самой социалистической идеи и возвращения назад, к капитализму. В тактическом плане он кое-чего добивался: предотвращал (как правило, лишь на некоторое время) отдельные репрессии; содействовал не-

которым решениям о смягчении партийной цензуры, заручившись поддержкой других именитых писателей, сумел даже добиться роспуска партийной контрольной комиссии по вопросам искусства – вместо нее в 1954 г. было создано Министерство культуры ГДР во главе с И. Р. Бехером. Но это были лишь отдельные уступки В. Ульбрихта крупной и умной личности, которая сама умела делать уступки и оказывать в необходимый момент очень весомые политические услуги, связанные в том числе и с международным имиджем ГДР.

Последнюю фундаментальную попытку наладить плодотворное сотрудничество и диалог между искусством, партией и народом Брехт предпринял после июньского кризиса, разработав и выдвинув идею возвращения к просветительскому “дидактическому театру”, которую он и Э. Пискатор активно разрабатывали еще в 20–30-е гг. Модернизируя принципы своего “эпического театра”, Брехт в послевоенные годы предпочитает термин “диалектический театр”. В новых исторических условиях театр, по замыслу Брехта, может правдиво изображать на сцене выхваченные из гуши жизни конфликты социалистического общества, предлагая по ходу пьесы варианты и возможности их разрешения. Молодые и талантливые писатели – Хайнер Мюллер, Петер Хакс; позднее Фолькер Браун и другие с энтузиазмом подхватывали эту идею; легко откликались на нее и зрители той поры, узнававшие в сюжетах и в героях себя и свои проблемы. Но даже в этих, безусловно, социалистических по своей сути драмах В. Ульбрихт (точно так же поступал и Эрих Хоннекер, сменивший В. Ульбрихта в 1971 г.) и его окружение усмотрели опасность для себя: “дети” осмеливаются рассуждать и что-то такое предлагать, когда их высшая обязанность беспрекословно подчиняться и ревностно исполнять. Хайнер Мюллер за пьесу “Переселенка, или Жизнь в деревне” (1961) был исключен из Союза писателей ГДР, а Петер Хакс вытерпел столько разносной критики за свои производственные пьесы “Заботы и власть” (несколько редакций в 1959–1962 гг.) и “Мориц Тассов” (1965), что полностью отошел от “дидактического театра”. Партийные функционеры СЕПГ, принимавшие цензурные и дисциплинарные решения, предпочитали поощрять драмы с искусственно сглаженными конфликтами (К. Хаммель, Х. Байерль, Х. Заковский), где любой сюжет разрешался триумфальной победой социализма и – что настоятельно рекомендовалось – наглядной демонстрацией неоскудевающей мудрости СЕПГ.

Сегодня удивляет не столько то, что бегло рассмотренная здесь модель социализма в конце кощов подточила сама себя и рухнула, сколько другое: как много искренних, талантливых и честных людей привлекала на свою сторону сама идея нового строя, заставлявшая его приверженцев, несмотря на все противоречия, верить в возможности

усовершенствования и плодотворного развития коммунистического режима. Когда диктатура СЕПГ в ГДР рухнула, С. Гейм произнес перед ликующей и митингующей толпой в Восточном Берлине речь, в которой были такие слова: “У меня такое чувство, словно наконец распахнулось окно после долгих лет застоя – духовного, экономического и политического, очищая атмосферу от духоты и затхлости, глухоты и слепоты, болтовни и бюрократического произвола... Сегодня здесь вы, собравшиеся по своей воле, чтобы голосовать за свободу и демократию, за социализм, достойный своего названия”²⁵. Но основная масса населения и подавляющее большинство интеллигенции, жившие все же в условиях “детского сада” (и это относится не только к ГДР, но и к нам, и к подавляющему большинству бывших социалистических стран) и уже в силу этого привыкшие не столько самостоятельно думать, сколько исполнять волю тех, кто “знает лучше”, с радостью согласились разломать свой “детский садик”, когда пришли “новые воспитатели”, заверившие их, что сломав старый и скучный “детский дом”, они смогут быстро выстроить новый, гораздо более роскошный. Почувствовав волю, “дети” принялись весело прыгать и ломать, ссориться и митинговать (а те, кто посмекалистее, стали воровать и припрятывать про запас – не вечно же будет продолжаться баловство и вседозволенность), но, когда наконец устали и проголодались, то вдруг неожиданно для себя обнаружили, что и спать в развороченном “домике” стало не так уютно, да и пища из оскудевших вдруг продуктов тоже не столь вкусна и богата, как это им обещали новые “воспитатели”. И снова мысль стала работать по известным уже за многие десятилетия правилам и привычкам: помрачневшие взрослые “дети” стали озирается вокруг себя в поисках “виновников” или даже “врагов народа”. А поскольку в условиях гласности, многопартийности и отсутствия единообразных указаний сверху каждый вынужден сам определять своего “врага”, то разноголосица и недовольство еще больше усилились...

И все же десятилетие “перестройки”, кажется, не прошло даром – медленно, но неуклонно идет естественный процесс “повзреления”, определяются интересы и позиции, яснее становятся возникающие противоречия. И вновь приобретают актуальность идеи Брехта, выношенные им в результате осмысления ионьского кризиса 1953 года: нужно учиться жить с противоречиями, воспринимать конфликты и столкновения различных интересов как неизбежный элемент развития, отдавая свои голоса на выборах таким общественным силам и партиям, которые не столько обещают быстро или даже немедленно “златые горы”, сколько своими реальными действиями показывают конкретные образцы продуктивного разрешения постоянно возникающих и

неизбежных в обществе конфликтов, а не стремятся затушевать их блестящей приманкой обманчиво красивой идеи.

Примечания

¹ История Германской Демократической Республики. 1949–1973. Краткий очерк. М., 1975. С. 153–164. (См. также второе издание этой книги 1979 г.)

² Die Zerschlagung des konterrevolutionären Putschversuches // Geschichte der Deutschen Demokratischen Republik. В., 1981. С. 156–160.

³ Der Volksaufstand vom 17. Juni 1953. Denkschrift über den Juni-Aufstand in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands und in Ost-Berlin / Hrsg. vom Bundesministerium für gesamtdeutsche Fragen. Bonn, 1953; *Fricke K. W., Splittmann I.* 17. Juni 1953. Arbeiteraufstand in der DDR. Köln, 1982; *Steiniger R.* Deutsche Geschichte. 1945–1961. Darstellung und Dokumente in zwei Bänden. Bd. 2. Frankfurt a. M., 1983.

⁴ *Diedrich T.* Der 17. Juni 1953 in der DDR/ Bewaffnete Gewalt gegen das Volk. В., 1991. С. 132–133. Приведенные цифры не совсем стыкуются со статистикой территориально-административного устройства ГДР, но для целей данной статьи это не имеет существенного значения (см.: *Gohl D.* Deutsche Demokratische Republik. Eine aktuelle Landeskarte. Frankfurt a. M., 1986. С. 243–248).

⁵ *Diedrich T.* Op cit. S. 183.

⁶ *Ibid.* S. 168.

⁷ *Ibid.* S. 189.

⁸ *Ibid.* S. 183.

⁹ *Ibidem.*

¹⁰ *Ammer T.* Stichwort: Flucht aus der DDR // Deutschland Archiv. Köln, 1989. Н. 11. С. 1207.

¹¹ *Diedrich T.* Op. cit. S. 35.

¹² *Зегерс А.* Доверие / Перевод Н. Манн и И. Каринцевой. М., 1969. С. 269.

¹³ Там же. С. 259.

¹⁴ *Diedrich T.* Op cit. S. 47–49. Подробнее см.: *Stockigt R.* Direktiven aus Moskau. Sowjetische Einflußnahme auf DDR-Politik 1952–53 // Brüche – Krisen – Wendepunkte. Neubefragung von DDR-Geschichte. Leipzig – Jena – Berlin, 1990, С. 82. Представляется, что вовсе не случайно накануне событий 17 июня главнокомандующим советской Группы войск в Германии был назначен будущий маршал А. А. Гречко. Характерно, что в подавляющем большинстве западных исследований

сохраняется корректно уважительное отношение к действиям советских военнослужащих во время июньского кризиса.

¹⁵ Любопытные подробности об аресте П. Меркера, исключенного в 1951 г. из Политбюро ЦК СЕПГ и затем осужденного в качестве “американского агента”, содержит книга Вальтера Янки, близкого знакомого И. Р. Бехера и А. Зегера, который возглавлял крупнейшее издательство ГДР “Ауфбау” и был арестован в конце 1956 г. (*Janka W. Schwierigkeiten mit der Wahrheit*. В.; Weimer, 1990).

¹⁶ Документ цитируется в книге С. Гейма “5 дней в июне” (с. 96).

¹⁷ *Steiniger R.* Op cit. Bd. 2. S. 455. Любопытно, что вскоре после июньского кризиса Р. Херриштадт был выведен из состава ЦК СЕПГ, хотя повышение норм было все же “заторможено”.

¹⁸ *Diedrich T.* Op cit. S. 255. Но в тот же день Политбюро ЦК СЕПГ приняло постановление, в котором заявлялось об отказе от административного повышения норм выработки.

¹⁹ Неудачный эпизод “выхода” Ф. Зельбмана к народу задокументирован в книге С. Гейма “5 дней в июне” (с. 212–213).

²⁰ Наиболее подробно и с привлечением труднодоступных источников действия и размышления Брехта в эти кризисные дни описаны в двухтомном исследовании Вернера Миттенцвай: *Mittenzwei W. Das Leben des Bertolt Brecht oder Der Umgang mit den Welträtseln*. Bd. 2. В., 1986. S. 482–510.

²¹ *Ibid.* S. 533.

²² Оно опубликовано в составе 30-томного собрания сочинений Брехта, выходящего в ГДР и ФРГ (*Brecht B. Werke. Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe*. Bd. 12. В.; Weimar, 1988 S. 310). Пародируя Кубу, Брехт вместо “очень хорошо работать” пишет об “удвоенном труде”, обыгрывая тем самым и проблему 10-процентного увеличения норм выработки.

²³ Культурная политика СЕПГ и ее последствия анализируются мною в следующих статьях: *Гугнин А. А.* Год 1990 – что дальше? // Вопросы литературы. 1990. № 10. С. 3–35; *Он же.* Идеология, культурная политика и культура: на примере истории литературы ГДР // Социокультурные процессы в странах Восточной Европы (после второй мировой войны). М., 1982. С. 120–169.

²⁴ *Шумахер Э.* Жизнь Брехта. М., 1988. С. 238.

²⁵ См.: “Sonntag”. В. 1989.19.Х.

**В преддверии взрыва.
Углубление политического кризиса
в Венгрии и политика СССР
(март–октябрь 1956 г.)**

Венгерские события 1956 г. вошли в историю как наиболее серьезное, имевшее широкий международный резонанс антисталинское выступление в Восточной Европе. Попытка демократизации находившейся в глубоком кризисе системы сталинского типа, а в еще большей мере провозглашенный правительством И. Надя выход Венгрии из Организации Варшавского Договора вызвали острую реакцию Кремля, что повлекло за собой локальный военный конфликт, который во многом подорвал доверие к внешнеполитическим доктринам, прозвучавшим с трибуны XX съезда КПСС.

За 40 лет, прошедших со времени тех драматических событий, успела сложиться богатая историография на разных языках. В самой Венгрии поворот к более полному и объективному (хотя еще далеко не всегда свободному от политических пристрастий) изучению этой проблемы произошел в конце 80-х годов с переходом к демократической форме правления. За считанные годы здесь появилось немало публикаций, но на многие конкретные вопросы ответы не могли быть даны, пока оставались недоступными материалы из архивов бывшего Советского Союза. Включение в научный оборот обширного комплекса документов из фондов ЦК КПСС и МИД СССР позволяет дополнить картину венгерских событий новыми существенными штрихами. Это в полной мере касается и роли советского фактора. Как реагировали на внутрисоюзные процессы в Венгрии посольство СССР и постоянно посещавшие Будапешт эмиссары КПСС, какие меры предпринимали они в целях разрешения кризиса, каковы были реальные последст-

* Статья подготовлена в рамках проекта «Советский Союз и венгерские события 1956 г.» при финансовой поддержке Российского гуманитарного фонда (код проекта 95-06-17576).

вия их деятельности эти вопросы находятся в центре нашего внимания.

* * *

Кризис коммунистического режима в Венгрии достиг своей кульминации в октябре 1956 г., но его предыстория восходит к событиям лета 1953 г. Курс ВПТ на форсированное построение социализма советского типа, взятый в конце 40-х годов, крайне болезненно сказался на положении основной массы населения. Резкое снижение жизненного уровня как результат одностороннего развития тяжелых отраслей промышленности, рост цен, низкая эффективность сельского хозяйства вследствие коллективизации, недовольство крестьян, силой загнанных в кооперативы, – все это настоятельно требовало пересмотра экономической политики. Не менее негативную реакцию в обществе вызывали упразднение коммунистами элементарных демократических свобод, легальной политической оппозиции, массовые репрессии, часто носившие превентивный характер. Симптомы явного неблагополучия в экономике, недовольство коммунистическим единовластием становились известными в Москве из дипломатических донесений.

В середине июня 1953 г. делегация ВПТ во главе с ее лидером М. Ракоши, будучи приглашенной в СССР, выслушала резкую критику в свой адрес со стороны “коллективного руководства” КПСС, которое, столкнувшись с необходимостью оценить положение дел в унаследованной от Сталина коммунистической системе, проявило немалую обеспокоенность ситуацией в Венгрии. Через считанные дни, 16–17 июня, в Восточном Берлине и других городах ГДР недовольство рабочих приняло самые острые формы и привело к вмешательству частей Советской Армии. События в ГДР явились самым серьезным сигналом, указавшим официальной Москве на неизбежность определенных корректировок во внутренней политике стран-сателлитов СССР. В те же дни приближалась к драматической развязке острая закулисная борьба между ближайшими сподвижниками скончавшегося 5 марта “отца народов”. Но устранение Берии 26 июня, если в более долгосрочной перспективе и повлияло каким-то образом на восточноевропейскую политику СССР, то во всяком случае не стало тормозом для развития событий в Венгрии.

27–28 июня состоялся пленум Центрального Руководства (ЦР) ВПТ, на котором прежний курс партии был подвергнут резкой критике. Ракоши лишился поста главы правительства, хотя и остался во главе ВПТ. Новым премьер-министром стал Имре Надь.

Через несколько дней после июньского пленума, 4 июля 1953 г., Имре Надь, выступая на сессии Государственного собрания ВНР, изложил основные положения новой экономической программы, и речь его, переданная по радио, произвела эффект разорвавшейся бомбы. “Премьер-министром Венгрии Москва назначила И. Надя. И случилось чудо – Имре Надь впервые за пять лет назвал вещи своими именами. Миллионы в прямом смысле слова рыдали у репродукторов”¹, – вспоминал впоследствии Арпад Гёнц, ставший в 1990 г. Президентом Венгерской Республики.

С трибуны Госсобрания был провозглашен отказ от односторонней ориентации на тяжелые отрасли индустрии, в новой экономической программе главный упор был сделан на производство предметов потребления. Политика в области сельского хозяйства предполагала поддержку мелкого товаропроизводителя и право свободного выхода крестьян из кооперативов. Планы реформ политической сферы общества также во многом противостояли левосектантским доктринам, господствовавшим в предшествовавший период. В ряде последующих выступлений И. Надя ставился вопрос об активизации деятельности Отечественного Народного фронта (ОНФ) – массового движения, призванного способствовать более полному представительству на политической арене интересов всех социальных слоев. По мнению И. Нады, ВПТ была прежде всего выразительницей интересов пролетариата, который “не может подчинять всеобщие интересы нации своим классовым интересам”². Едва ли не главным завоеванием “нового курса” стали меры по пересмотру фальсифицированных судебных дел начала 50-х годов, освобождение многочисленных политзаключенных. Процесс этот, начавшийся в 1954 г., так и не успел набрать полную силу за недолгие месяцы пребывания И. Нады во главе правительства.

Попытки либерализации существующего режима с самого начала вызвали скрытое, а затем и все более откровенное сопротивление со стороны окружения Ракоши, вынужденного под давлением Москвы поступиться частью своих неограниченных прежде полномочий. Партийный лидер, отчаянно цепляясь за власть, прилагал немалые усилия для мобилизации преданной ему основной части аппарата на саботаж проводимых реформ. “Хорошо образованный, обладавший дипломатическим чутьем, умный, изобретательный и гибкий политик, он не знал непреодолимых препятствий, недозволенных средств борьбы и был одержим идеей личной власти, которую отождествлял с властью народной”³, – пишет о Ракоши один из венгерских исследователей.

Отсутствие единства в партийно-государственном руководстве поначалу в соответствии со строгими правилами большевистского этикета тщательно скрывалось от широких масс, да и в Москве первое

время не вызывало слишком больших беспокойств. В 1954 г., когда послом назначили Ю. В. Андропова, “во внутренних событиях Венгрии не ждали чего-либо неожиданного и плохого. Спокойно было”⁴, — вспоминал позднее В. М. Молотов. Постепенно, однако, разногласия становились все более явными. В октябре 1954 г. в ходе дискуссии о перспективах развития ОНФ И. Надь уже не мог не признать существования в высших кругах ВПТ резких противоречий между сторонниками двух концепций построения в Венгрии социализма.

Положение дел в стране, где в сравнении с другими восточноевропейскими государствами наметился гораздо более значительный отход от сталинской модели социализма, с конца 1954 г. стало вызывать все большую обеспокоенность в Москве тем более, что Ракоши во время своего почти двухмесячного пребывания на отдыхе в СССР в октябре–ноябре сумел настроить “коллективное руководство” КПСС против “зарвавшегося” венгерского премьера. В Кремле в те месяцы при закрытых дверях продолжалось выяснение отношений между бывшими фаворитами Сталина. Развернувшаяся, по выражению Черчилля, “схватка бульдогов под ковром” привела в начале 1955 г. к смещению Г. М. Маленкова с должности Председателя Совета Министров СССР. Между тем и Маленков, и Н. С. Хрущев, и другие советские лидеры 8 января 1955 г., когда И. Надь в составе венгерской партийно-правительственной делегации был вызван в Москву для серьезного разговора, проявили полное единодушие в резко критической оценке “правых перегибов” венгерского премьер-министра.

Лишившись покровительства советского руководства, И. Надь весной 1955 г. был вынужден оставить свой пост под давлением сталинских сил во главе с Ракоши, предпринявших массированное контрнаступление на реформы. Кратковременная “оттепель” сменилась новым “похолоданием”: ужесточилась цензура, усилились гонения на инакомыслящих, были свернуты все дискуссии в прессе по проблемам реформ экономического и политического механизма. Застопорился, едва начавшись, процесс реабилитации невинно осужденных. И. Надь, решительно отказавшийся выступить с ритуальной самокритикой и упорно пытавшийся отстаивать правоту своей концепции социализма в письмах, адресованных ЦР ВПТ, был в декабре 1955 г. исключен из рядов партии. Апофеозом антиреформаторского курса явилось принятое в конце 1955 г. постановление ЦР ВПТ “О правых явлениях в литературной жизни”. Группа писателей и деятелей искусств, обратившихся в высшие партийные органы с меморандумом протеста против ряда запретительных акций в культурной жизни, была обвинена в подрыве руководящей роли партии. Развернувшаяся вслед за этим массированная кампания травли многих видных представителей творчес-

кой интеллигенции не приносила, однако, прежнего эффекта. “Оттепель” пустила достаточно глубокие корни в венгерском обществе. Чем более активными становились нападки, тем сильнее накалялась, грозя обернуться мощным взрывом, внутривластная обстановка в стране. В атмосфере все большего недовольства самых широких масс политикой Ракоши и его окружения делегация ВПТ во главе с ее первым секретарем выехала в феврале 1956 г. в Москву для участия в работе XX съезда КПСС.

Этот форум советских коммунистов оказался весьма необычным благодаря в основном антисталинскому докладу Н. С. Хрущева на закрытом заседании съезда, сразу же ставшему известным за границей. Получив такого рода поддержку из самой Москвы, представители венгерской оппозиции активизировали критику партийных догматиков. Усилились требования довести до конца реабилитацию невинно осужденных и, в частности, пересмотреть дело Л. Райка, одного из лидеров компартии, репрессированного в 1949 г. В открытую стал ставиться вопрос и об отставке Ракоши.

Столкнувшись с непривычно резкой критикой, последний был вынужден пойти на уступки. В конце марта, выступая на партактиве в г. Эгере, он признал несостоятельность обвинений против Райка и осужденных вместе с ним коммунистов. Вместе с тем, желая оградить себя от ответственности, Ракоши предпринял усилия для того, чтобы сделать “козлом отпущения” М. Фаркаша, одного из своих подручных, министра обороны в 1948–1953 гг., действительно в немалой мере причастного к организации репрессий. После июньского пленума 1953 г. Фаркаш на некоторое время примкнул к реформаторскому крылу ВПТ во главе с И. Надем. И хотя он позже отмежевался от реформаторов, партийная верхушка не могла простить ему “предательства”, и весной 1956 г. Фаркаша (как за три года до этого руководителя венгерской госбезопасности Г. Петера, тоже, конечно, отнюдь не безвинного) решили принести в жертву ради спасения главного действующего лица преступлений тех лет. Руководитель будапештской парторганизации И. Ковач, в марте 1956 г. возглавивший специальную партийную комиссию по расследованию дела Фаркаша, доверительно говорил послу СССР Ю. В. Андропову о намерении высших органов ВПТ “провести расследование дела Фаркаша как можно организованнее и не дать ему возможности переложить свою вину на т. Ракоши”⁵.

В сложившихся условиях немалую озабоченность как Политбюро ЦР ВПТ, так и внимательно следившего за развитием событий в Венгрии советского посольства вызывало усиление политической активности И. Нада. Основываясь на беседах с функционерами ВПТ, посольство информировало Москву о том, что бывший премьер-министр,

находясь в опале, продолжал поддерживать тесные связи с довольно широким кругом лиц, занимавших ответственные должности в партийном аппарате, министерствах, прессе⁶. Требования восстановить Надя в партии, вернуть его в руководство ВПТ раздавались на партийных собраниях в редакциях ряда центральных газет, Союзе писателей, учреждениях Академии наук. От внимания советской дипломатии не ускользнул тот факт, что весной 1956 г. происходило формирование внутрипартийной оппозиции, фактически возглавляемой находившимся вне партии Имре Надем⁷.

Судя по донесениям, посольство с настороженностью восприняло политическую активизацию ряда видных коммунистов и бывших левых социал-демократов, прошедших через репрессии начала 50-х годов. Выйдя на свободу в 1954–1956 гг., эти люди (Я. Кадар, Д. Марошан и др.) имели стойкую репутацию скрытых политических противников Ракоши. При этом некоторые из них пользовались немалой поддержкой не только выступавшей за реформы части партаппарата, но и партийных организаций крупных заводов Будапешта. “Кадар стал героем, все оппозиционно настроенные элементы сделали его имя своим знаменем в борьбе против партийного руководства”, — говорил Ракоши Андропову во время их встречи 18 апреля⁸. Для того чтобы несколько “попридержать” этого героя, Ракоши задумал ознакомить членов ЦК с материалами о весьма неблагоприятной роли Кадача (в то время министра внутренних дел) в фабрикации обвинений против Л. Райка в 1949 г. Только собственная причастность к расправе над Райком и его соратниками заставляла Ракоши подходить к этому делу с предельной осторожностью, без излишней спешки.

Избрание Кадача на ответственную работу в партийной номенклатуре и его предполагаемое восстановление в Политбюро, членом которого он состоял до ареста в 1951 г., Андропов расценил как “серьезную уступку правым и демагогическим элементам”⁹.

В мае-июне идея обновления социализма все более решительно высказывается в прессе. На страницах газеты Союза писателей “Ирдалми уйшаг” Д. Хай и другие публицисты выступают за прекращение административного вмешательства в культуру, расширение гласности. Главным форумом антисталинистской оппозиции стал в эти месяцы кружок имени Петефи — дискуссионный клуб студенчества и молодой интеллигенции, функционировавший как орган политпросвещения в системе Союза трудящейся молодежи¹⁰. Эти дискуссии по актуальным проблемам экономики, политики, марксистской философии, печати, литературы и искусства собирали огромную аудиторию, доходившую подчас до нескольких тысяч слушателей. Большинство их участников заявляло о своей приверженности марксизму, доминировала идея

очищения социализма от сталинских “искажений”, антисоциалистическая тенденция не находила сколько-нибудь заметного проявления. Тем не менее эти дискуссии вызвали серьезную озабоченность не только партийно-государственного руководства Венгрии, но и советского посольства. В них виделся один из симптомов того, что процессы, происходящие в обществе, начинают выходить из-под контроля властей.

Представители посольства СССР бывали на отдельных собраниях кружка, узнавали о ходе дискуссий из бесед с их участницами и свидетелями. У советских дипломатов был постоянный круг осведомителей, в который входили партийные функционеры высшего звена, ответственные работники государственного аппарата, а также антиреформаторски настроенные деятели культуры, прежде всего из числа представителей бывшей московской коммунистической эмиграции 20-х – первой половины 40-х годов (в частности, писатель Ш. Гергей, в откровенно клеветническом духе преподносивший сведения о положении в литературной жизни)¹¹. Все эти люди, стоявшие в большинстве своем на крайне ортодоксальных позициях и сыгравшие немалую роль в насаждении в Венгрии сталинской модели социализма, естественно, трактовали происходящие события тенденциозно, информация, получаемая от них, была односторонней. Поступавшие в МИД СССР донесения Ю. В. Андропова и его подчиненных направлялись в ЦК КПСС, иной раз становились предметом обсуждения на Президиуме ЦК¹².

По мере того как продолжалось расследование по делу Фаркаша, возглавлявший следственную комиссию И. Ковач в соответствии с установившейся практикой информировал советского посла о ходе ее работы. 7 мая он докладывал Андропову: комиссия выявила материалы, свидетельствующие о том, что Фаркаш был “кровавым убийцей”, при этом косвенная ответственность падает как на Ракоши, так и на советников ГБ СССР, работавших в Венгрии в 1949 г. Эту ответственность необходимо “смазать”, продолжал Ковач. Сложившийся еще во времена Сталина характер отношений между СССР и странами Восточной Европы делал естественным для члена Политбюро обращаться за советом к послу СССР даже по вопросам сугубо внутренним. Андропов, в свою очередь, зная, насколько значим его совет для венгерского руководства, опасался давать какие-либо рекомендации без предварительного согласования с Москвой. Когда Ковач спросил совета, надо ли привлекать Фаркаша к суду, “я уклонился от ответа, сказав лишь, что дело Фаркаша, по моему мнению, следовало бы расследовать так, чтобы от этого укрепился авторитет партии и ее руководства среди венгерского народа”, – докладывал посол в Москву¹³. Как явствует из другого документа, относящегося к тем же дням, Андропов соглашался

с Ракоши в том, что уже само “обсуждение дела Фаркаша на пленуме ЦК неизбежно вызовет известное обострение положения в партии, поскольку правые и враждебные элементы наверняка попытаются перенести огонь с Фаркаша на... Ракоши” и будут добиваться удаления последнего из руководства или его компрометации¹⁴.

Прошел еще месяц работы комиссии, и 4 июня член Политбюро ЦР ВПТ Э.Гере докладывал Андропову: комиссия зашла настолько далеко, что при наличии собранных ею материалов не так-то легко будет принять о Фаркаше “спокойное” решение, как этого хотелось бы Политбюро. Для того, чтобы “избежать весьма вероятных политических осложнений”, необходимо как можно тщательнее подготовиться к пленуму¹⁵. Между тем, некоторые шаги Гере и других представителей политического руководства ВНР (особенно И. Ковача) заставляют несколько усомниться в искренности их желания “смазать” ответственность Ракоши, не допустить его компрометации на предстоящем пленуме. Начиная с мая, эти люди сначала очень осторожно, а затем все более открыто совершают “подкоп” под Ракоши, формируют против него мнение советской дипломатии, а опосредованно и официальной Москвы. Ракоши “за последнее время мало занимается крупными политическими и народнохозяйственными вопросами, работает неровно, временами даже не проявляет должного интереса к важным и неотложным задачам, стоящим перед партией”, – докладывал, например, Андропову 4 мая председатель Совета Министров ВНР А. Хегедош¹⁶. 5 июня Ковач действовал уже более решительно. Ракоши, говорил он Андропову, постоянно нарушает коллегиальность в работе Политбюро, “многие хорошие меры по улучшению руководства... разбиваются о консерватизм т. Ракоши”. В словах Ковача о том, что “надо упорно добиваться от т. Ракоши, чтобы он изменил методы руководства Политбюро в духе решений XX съезда и серьезно переговорить с т. Ракоши относительно его личной роли в осуществлении решений XX съезда”¹⁷, явно прочитывается желание склонить официальную Москву повлиять надлежащим образом на лидера ВПТ. Но Ковач шел и дальше. В дни, когда происходила его беседа с Андроповым, ожидался приезд в Будапешт высокопоставленного эмиссара КПСС. Зная об этом, Ковач стремился заранее прозондировать почву: как поведет себя Москва, если вдруг обнаружит, что об избавлении от Ракоши начинают уже подумывать даже в Политбюро ЦР ВПТ. Как нам поступить, если совет со стороны ЦК КПСС не совпадет с точкой зрения Политбюро и, главное, ЦР на предстоящем пленуме? – в такой осторожной форме Ковач пытается нащупать тот путь, который мог бы в перспективе привести к отстранению Ракоши, не вызвав бы при этом негативной реакции Кремля¹⁸.

Таким образом, И. Ковач и некоторые его коллеги по Политбюро, включая Э. Гере – наиболее влиятельного соратника Ракоши, вели двойную игру. Выражая на словах озабоченность тем, что комиссия по делу Фаркаша зашла слишком далеко в своих разоблачениях, они отнюдь не старались свернуть работу этой комиссии, хотели оставить за собой возможность в случае необходимости использовать материалы следствия уже против Ракоши. Инстинкт самосохранения оказывался сильнее личной преданности вождю.

Встречаясь с Андроповым, члены партийно-государственного руководства Венгрии (особенно Ковач, но в какой-то мере также Гере) наряду с подготовкой почвы для возможного удаления Ракоши решали еще одну тактическую задачу – примирения Москвы с идеей включения Кадара в состав Политбюро. Если Ракоши убеждал Андропова, например в беседе с ним 6 мая, в том, насколько опасно вводить в высший орган ВПТ этого деятеля, “имеющего большой опыт партийной работы и обладающего сильным характером и неплохими организаторскими способностями”¹⁹, то Гере, второй по своему реальному влиянию человек в партии, упорно доказывал послу, что Кадар вне Политбюро опаснее, чем в его составе.

Гере и Ковач вели тонкую игру, стремясь с вовлечением Кадара в Политбюро нейтрализовать попытки более умеренного крыла внутрипартийной оппозиции сделать его своим знаменем, равно как и не допустить блокирования сил, стоявших за Кадаром, с более радикальным крылом внутривнутрипартийной оппозиции, ориентировавшимся на Имре Надя. Выражая опасение, что Кадар “может вести себя в Политбюро не так, как надо”, Ковач вместе с тем успокаивал Андропова на встрече с ним 7 мая, говоря, что Кадар дружественно настроен в отношении СССР, обладает незаурядными качествами партийного работника и от его включения в Политбюро партийное руководство получит несомненный политический выигрыш, укрепит свои позиции²⁰. Надо также иметь в виду (Андропову об этом не говорилось), что у Гере и его единомышленников было на всякий случай припасено сильное оружие против Кадара – возможность использовать против него материалы следствия по делу Райка.

Для того чтобы на месте изучить положение дел и дать рекомендации венгерским коллегам, 7 июня в Будапешт прибыл член Президиума ЦК КПСС М. А. Сулов. В сравнении с донесениями посольства его докладная, переданная в ЦК КПСС в день отъезда (13 июня), отличается большей сдержанностью в оценке масштабов “правой” опасности. Признав, что “допущенные в 1949–1952 гг. действительно серьезные нарушения законности”, “медлительность в исправлении ... ошибок” дают основания для критики в адрес партийного руководства,

Сулов считал неправильным относить "всех недовольных ... к враждебным или к правооппортунистическим элементам"²¹. Возвращение к активной политической деятельности Кадара, по мнению Сулова, не представляло угрозы для режима. "После длительной беседы с Кадаром, – сообщал Сулов, – я сомневаюсь, что он отрицательно настроен против СССР. Введение же его в Политбюро значительно успокоит часть недовольных, а самого Кадара морально свяжет".

Вместе с тем Сулов с явной тревогой воспринял кампанию по расследованию "дела Фаркаша". Он боялся, что это дело перешагнет изначально отведенные ему рамки, и партийная оппозиция использует его "для атаки на т. Ракоши". Сулову удалось убедить своих венгерских коллег отказаться от первоначальной идеи рассмотреть дело Фаркаша на специальном пленуме ЦК без постановки на нем каких-либо других вопросов. Решено было на очередном пленуме ЦК рассмотреть в качестве первоочередного вопрос о новом пятилетнем плане. Обсуждение этого вопроса, предполагал Сулов, "отодвинет дело Фаркаша на второй план"²². Из донесения Сулова отчетливо видно, как посещавшие Венгрию высокопоставленные эмиссары КПСС оказывали воздействие на формирование политической линии ВПТ и принятие сугубо внутривнутрипартийных решений. Подобная форма вмешательства во внутренние дела суверенной партии тогда еще не вызывала протеста в высших органах ВПТ, воспринимаясь как нечто естественное в системе межгосударственных и межпартийных отношений между СССР и КПСС, с одной стороны, странами восточного блока и их правящими партиями – с другой.

Дни пребывания Сулова в Будапеште совпали по времени с новым подъемом в партии выступлений демократической оппозиции. Даже исключенный из ВПТ Имре Надь не отрицал монополии правящей партии и рассчитывал в основном на внутривнутрипартийный характер решения стоявших перед обществом задач. Легальные форумы типа кружка Петефи также изначально были лишь элементом в коммунистической системе политических отношений. Члены ВПТ преобладали среди активистов политического движения в Союзе писателей. Вместе с тем в начале лета 1956 г. уже проявляются первые признаки формирования внепартийной оппозиции, выходят из небытия фигуры, игравшие заметную роль в общественной жизни до 1948 г. и вытесненные после установления диктатуры ВПТ. Так, 30 мая на дискуссии кружка Петефи, посвященной положению в исторической науке, историк Д. Кошари, далекий от марксизма, сорвал бурные аплодисменты молодой аудитории, выступив с убедительной критикой вульгаризаторской официальной историографии, тогда как отвечавшая перед руководством ВПТ за состояние дел на "историческом фронте" партийная функ-

ционерка из рядов московской эмиграции З. Андич была едва ли не оживлена собравшимися в зале.

6 июля Имре Надь праздновал свое 60-летие. Среди пришедших поздравить опального-премьера были некоторые ответственные партийные и государственные работники, писавшие затем объяснительные записки в высший орган партии. В числе гостей оказались также попутчики коммунистов с левого фланга движения "народных писателей" -- классик национальной литературы Д. Ийеш и председатель Союза писателей П. Вереш, до 1948 г. председатель национальной крестьянской партии и министр обороны. Пришел всемирно известный композитор З. Кодай, находившийся в сложных отношениях с коммунистической властью. Пришли и явные оппозиционеры режима. И Политбюро ВПТ, и советское посольство весьма первоначально отреагировали на состоявшееся в доме Имре Надя рукопожатие реформ-коммунистов и внепартийной интеллигенции²³.

Не меньший, а даже больший общественный резонанс имела дискуссия по вопросам философской жизни на кружке Петефи 14–15 июня. Собравшаяся тысячная толпа с триумфом встретила философа Дьердя Лукача, который снова включался в активную общественную жизнь. 28 июня, в лекции "Борьба прогресса и реакции в современной культуре", прочитанной в Политической академии ВПТ, Лукач в общих чертах изложил свою концепцию обновления социализма, рассмотрев значение XX съезда КПСС в широком международном контексте. "Главнейшая аксиома, определявшая сталинскую политику, аксиома о неизбежности непрерывного обострения противоречий проявлялась не только во внутренней политике Советского Союза, о чем мы много говорили, но означала неизбежно и перспективу третьей мировой войны". Только с завершением эпохи, связанной с именем Сталина, говорил он, перед мировым коммунистическим движением открылись новые возможности. Краеугольным камнем новой политики должен стать принцип мирного сосуществования. "Чем серьезнее мы будем относиться к сосуществованию, то есть чем человечнее будем строить социализм, человечнее для нас самих, для нашей же пользы, с точки зрения нашего развития, тем лучше мы будем содействовать окончательной победе социализма в международном масштабе... Потому что, если нам удастся сделать социализм привлекательным, он не будет больше пугающим чудовищем для масс... Будем совершенно откровенны: на Западе есть еще огромные массы рабочих, которые отшатываются от сегодняшних форм социализма, не говоря уже об очень широких крестьянских массах, интеллигенции, чье отчуждение можно преодолеть только делами"²⁴.

18 июня на кружке Петефи собрались ветераны подпольного антифашистского движения. Многие из этих людей оказались не у дел после установления в Венгрии сталинистской диктатуры, некоторые прошли через тюрьмы и лагеря. Всеобщее потрясение вызвало выступление вдовы Л. Райка, не только потребовавшей полной реабилитации мужа и его торжественного перезахоронения, но и сказавшей, что не успокоится до тех пор, пока виновники злодеяния не понесут наказания.

Через несколько дней после этого памятного инцидента Ракоши отбыл в Москву. Перед этим советские лидеры, впервые после восстановления нормальных отношений с Югославией, принимали у себя И. Броз Тито. Июньская встреча 1956 г. в Москве (как и состоявшаяся годом ранее белградская встреча) ознаменовала собой важную веху в сближении советского блока со страной, которая после 1948 г. считалась на положении отщепенца. Среди тем, поднимавшихся в ходе бесед Хрущева и Тито, был и вопрос о венгерском руководстве. На июньских переговорах Тито дал понять Хрущеву: пока у власти в Венгрии находится Ракоши – участник организации нашумевшей антиюгославской кампании 1948–1949 гг., желаемая Москвой нормализация венгеро-югославских отношений весьма проблематична. Однако и после этого Москва не пересмотрела своих установок, продолжая считать, что альтернативы Ракоши в Венгрии нет. Состоявшаяся 22–23 июня в СССР рабочая встреча руководителей компартий стран Восточной Европы подтвердила это. Ракоши вернулся из Москвы в Будапешт совершенно уверенный в поддержке своей персоны со стороны советского руководства.

Развитие событий в последующие дни внесло, однако, заметные коррективы в уже заготовленный и согласованный с Москвой сценарий предстоящего пленума ЦР ВПТ и, более того, заставило советское руководство отказаться от своих первоначальных планов в отношении Ракоши. Прежде всего, 28 июня в польском городе Познани демонстрация рабочих, выступивших за улучшение условий труда, вылилась в вооруженное восстание, подавленное с помощью армии. Было много убитых и раненых. Кровавая познаньская драма не могла не усилить обеспокоенности советских лидеров положением дел в Восточной Европе, нарастанием протеста против существующих политических режимов.

В Венгрии в те же дни происходят события, которые перепуганные партийные функционеры тут же окрестили “идеологической Познанью”. Дискуссия о проблемах печати на собрании кружка Петефи 27 июня превзошла все предшествующие по количеству участников – более 6000 человек заполнило не только вместительный зал будапешт-

ского Дома офицеров, но и близлежащие дворы, слушая эмоциональные речи выступавших через громкоговорители. Небывалым был и накал страстей на дискуссии. Выступлением писателя Тибора Дери был сделан шаг от поверхностной критики отдельных лиц и явлений к стремлению выявить коренные пороки системы. "В нашем отечестве, – говорил он, – мы решили построить социализм, однако по ходу дела случилось нечто неслыханное: мы забыли, более того, исключили из нашей системы именно то, на чем социализм основывается, – доверие к человеку. Самый серьезный недостаток нынешнего руководства состоит, очевидно, в том, что оно не верит в человека, не верит в нас, строит на недоверии свое мышление, методы, практику, недооценивает разум людей, с которыми мы хотим создать социализм, не только их порядочность, но и жажду справедливости, одним словом, нравственную силу народа, его интеллектуальные и творческие способности"²⁵.

Шлагбаум, открытый выступлением Хрущева на XX съезде КПСС, позволил собравшимся на дискуссии устремиться к выяснению самых животрепещущих проблем, волновавших венгерское общество – вопросов гласности, свободы печати. Информацию о происходившем 27 июня на кружке Петефи советское посольство получило от очевидцев, один из которых в беседе с дипломатом отмечал, что никто из выступавших и "не помышлял" о свержении "народно-демократической власти", что речь шла лишь о необходимости найти более гуманный вариант продвижения к социализму, и с такой же энергией, с какой устраивалась овация при упоминании Имре Надя, аудитория кричала "Да здравствует партия!"²⁶. Эти уверения, однако, мало успокоили Андропова, расценившего дискусию как свидетельство дальнейшего усиления тенденций, ведущих к подрыву диктатуры ВПТ. В очередном донесении в Москву его выводы вполне определены: органы государственной безопасности Венгрии "не проявляют должной решительности в борьбе против контрреволюционных элементов, которые стали вести себя недопустимо нагло"²⁷. Подобной оценке суждено было стать определяющей на долгие годы. Характерно, что на протяжении трех десятилетий официальная венгерская и советская историография рассматривала дискусию о печати как главную в те месяцы "ревизионистскую вылазку", важное звено в идеологической подготовке "октябрьского путча"²⁸.

Дискуссия о печати вызвала немалый переполох в партийных верхах: 30 июня состоялся внеочередной пленум ЦР ВПТ, своей резолюцией осудивший "происки" ревизионистов. Полученные за неделю до этого в Москве заверения в поддержке советского руководства придали Ракоши уверенность в борьбе с оппозицией. Как и ранее, до XX съезда КПСС, в ход пошли привычные запретительные меры.

Деятельность кружка Петефи решением МВД была приостановлена. Т. Дери и Т. Гардош за острокритические выступления были исключены из партии. Развернулась шумная кампания в прессе.

4 июля члены руководства ВПТ в беседе с Андроповым с удовлетворением констатировали, что тон венгерской печати стал более "твердым и наступательным"²⁹. Партийное руководство признало ошибочной редакционную статью газеты "Сабад неп" от 24 июня, где о кружке Петефи говорилось в положительном ключе³⁰. Но удовлетворения итогами внеочередного пленума в партийных верхах все же не было. Как информировал Андропова Гере, на пленуме "сложилась обстановка, при которой почти половина членов ЦК или возражала, или проявляла колебания при обсуждениях проекта решения"³¹. Причем такие влиятельные члены ЦР, как З. Вацш и Э. Мольнар, открыто выступили против решения об осуждении кружка Петефи на том основании, что подобное решение может разочаровать партию, которая ждет от своих руководителей в первую очередь самокритики.

Имре Надь не был участником дискуссии 27 июня и вообще не имел какого-либо отношения к кружку Петефи. Тем не менее за этой дискуссией, как и за другими проявлениями оппозиционной линии неизменно виделась "направляющая рука" опального премьера³². Характерен еще один момент. Чем дальше, тем более в своих поисках источников подрывной деятельности партийные лидеры не ограничивались возложением ответственности на И. Надя и его окружение. 6 июля Гере говорил Андропову: венгерская внутренняя "реакция" все более "нагнетает" еще и потому, что получает постоянную моральную поддержку со стороны югославской прессы. Он рассказал, что "Борба", "Политика", югославское радио высказываются недоброжелательно о внутренней политике ВПТ и, в частности, о решениях пленума от 30 июня, что Югославия имеет в Венгрии разветвленную сеть агентуры, а оппозиционно настроенные представители венгерской интеллигенции поддерживают связи с югославским посольством, информируют дипломатов о внутривластных событиях³³. Что же касается активистов кружка Петефи, то они и не скрывают своих симпатий к югославским концепциям социализма.

Обращает на себя внимание та планомерность и последовательность, с которой летом 1956 г. венгерские лидеры через советское посольство настраивали Москву против Белграда. Вероятно, догадываясь об аналогичных шагах, предпринимаемых Тито против ракошистского руководства, последнее стремилось перехватить инициативу в деле формирования в свою пользу мнения официальной Москвы в отношении перспектив венгеро-югославских отношений. Эта задача была нелегкой, потому что в свете XX съезда КПСС политическая

конъюнктура более благоволила лидерам Югославии как жертвам сталинских “искажений”, а не скомпрометировавшему себя проведением твердой сталинистской линии партийно-государственному руководству Венгрии.

Естественным кажется желание Гере придать критике Югославии более весомый характер. В международном коммунистическом движении, говорил он Андропову, все яснее “начинает выкристаллизовываться” правое течение, которое стремится ограничить влияние Москвы. На руководящую роль в этом течении претендовали не только Тито и его окружение, но и лидер итальянских коммунистов П. Тольятти, который в своих выступлениях после XX съезда КПСС пошел гораздо дальше Хрущева, попытавшись от критики культа личности Сталина сделать шаг в направлении вскрытия системных пороков советской модели общества. (Одна из его публикаций имела большой отклик в Венгрии не только в среде оппозиционно настроенной интеллигенции, но даже среди рабочих, о чем венгерские лидеры также с озабоченностью информировали советское посольство.)³⁴

Под влияние правого течения, продолжал Гере, попали многие венгерские коммунисты, и не только рядовые, но даже члены ЦР и часть партийной прессы. И в аппарате ЦР он не всех считал надежными, отметив, что приезжая на периферию, работники центрального аппарата провоцируют местных функционеров на проявления недовольства линией Политбюро. На предстоящем пленуме ЦР возможны осложнения, и его надо хорошо подготовить. Сделав подобное резюме, Гере не упустил случая напомнить Андропову: если у ЦК КПСС есть советы, мы бы с радостью приняли их. А нужда в новых советах была, поскольку за три недели, прошедшие после отъезда Суслова, ситуация значительно изменилась. В конце беседы Гере выложил главное: комиссия по делу Фаркаша получила письмо от находящегося в тюрьме бывшего руководителя госбезопасности Г. Петера. В нем говорится, что главный виновник уничтожения Райка – не кто иной, как Ракоши. Он лично давал Петеру основные указания, редактировал текст обвинительного заключения. “Если это письмо будет оглашено на очередном пленуме ЦК, то т. Ракоши окажется в весьма затруднительном положении”³⁵.

Удочка была заброшена, но в донесении Андропова, посланном в Москву по итогам беседы с Гере, нет и тени сомнения в верности избранной руководством КПСС стратегии на поддержку Ракоши. Вместо этого в очередной раз повторяется: “наши друзья до сих пор слабо реализуют данные им советы ... о проведении твердой линии в отношении враждебных элементов и демагогов”. Ознакомление с докладными Андропова из Венгрии вообще разбивает вдребезги миф о хотя бы отно-

сительном либерализме взглядов этого человека, обладавшего всеми данными для заметного возвышения по ступеням служебной лестницы и ловко воспользовавшегося предоставившейся ему возможностью про- явить себя в Венгрии. Донесения более высокопоставленных эмиссаров, выезжавших в те месяцы в Венгрию (не только слывшего наибольшим либералом в постсталинском коллективном руководстве А. И. Микояна, но также М. А. Суслова), отличались, как правило, большей умеренностью в оценке политической ситуации в Венгрии летом 1956 г., хотя здесь, конечно, надо учитывать, что члены Президиума ЦК КПСС обладали значительно большей свободой суждений, чем посол. В этой связи возникает более общий вопрос – о границах реальных полномочий советского посла, в частности посла в одной из стран “народной демократии”. “Наша дипломатия 30–40-х годов была очень централизованной, послы были только исполнителями определенных указаний”, – вспоминал впоследствии В. М. Молотов³⁶. Однако в середине 50-х годов по мере нарастания в ряде стран Восточной Европы кризисных явлений, требовавших оперативного отклика советской дипломатии, роль послов несколько повысилась. Интересен отзыв Н. С. Хрущева: “Советским послом в Венгрии был тогда Андропов. С посольскими делами он справлялся хорошо и отлично разбирался в других событиях. Он докладывал нам обо всем со знанием местной обстановки и давал полезные советы, вытекавшие из сложившейся ситуации”³⁷.

Визит к Андропову Ковача 11 июля стал следующим после его встречи с Гере звеном в едва ли не скоординированной системе действий высокопоставленных деятелей ВПТ, предпринятых ими с тем, чтобы загодя подготовить Москву к мысли о неизбежном или, по крайней мере, возможном отказе от прежней твердой ставки на Ракоши. Ковач, возглавлявший комиссию по делу Фаркаша, более подробно проинформировал Андропова о ходе следствия. Ракоши, непосредственно руководивший подготовкой процесса над Райком, несет главную ответственность и за “перегибы” в карательной политике в последующие годы, он лично давал распоряжения избивать заключенных.

Свой приход к послу Ковач мотивировал необходимостью посоветоваться перед принятием принципиально важного решения: надо ли на пленуме, докладывая, как было запланировано, об итогах работы комиссии, огласить письмо Петера? Какой выбор сделать: пойти на обман пленума или же поставить Ракоши в явно безвыходное положение? Ведь в сложившейся ситуации после оглашения на пленуме письма Петера оставить Ракоши во главе партии будет невозможно, это означало бы окончательный подрыв авторитета партийного руководства, и пленум на это при существующем раскладе сил ни в коем случае не пойдет. Поскольку Политбюро, продолжал Ковач, “связано в решении

вопроса о тов. Ракоши советами, которые были даны тов. Сусловым”³⁸, оно не хочет действовать вразрез мнению КПСС. Но обстановка изменилась, и вопрос о Ракоши на предстоящем пленуме может возникнуть в гораздо более острой форме, чем можно было ожидать в дни пребывания Суслова в Будапеште. Что делать? Я осознаю, заметил Ковач, необычность своей просьбы, но в интересах партии готов пренебречь формальной стороной. Ведь речь идет о будущем партии, ее авторитете в обществе.

Андропов попытался уклониться от совета по существу дела. В Москву он докладывал о принятом венгерским партийным руководством решении о том, что пленуму ЦР должно предшествовать обсуждение письма Петера на Политбюро в присутствии самого Ракоши. По мнению посла, такое обсуждение заставило бы членов Политбюро более четко определить свои позиции перед пленумом, а Ракоши помогло бы увидеть реальное положение дел. “Из беседы с тов. Ковачем, – резюмировал Андропов, – у меня сложилось впечатление, что упомянутое письмо Петера написано с целью обострить и без того сложную обстановку в ВПТ”. Андропов, таким образом, сделал небезосновательное предположение, что письмо Петера было инициировано в целях компромата Ракоши и, очевидно, с прицелом на оглашение его перед высшим партийным форумом. Андропов не мог не понимать, что Ракоши начинает лишаться поддержки даже своего ближайшего окружения, более того, это окружение, движимое инстинктом самосохранения, хотя и с оглядкой на Москву, но упорно и последовательно подготавливает уход Ракоши, стараясь придать ему, по возможности, форму наиболее безболезненную для других членов Политбюро. Оно пыталось спустить конфликт на тормозах, избежать на пленуме ЦР открытого “бунта на корабле” со всякими непредвиденными последствиями.

Обстоятельно проинформировав Москву о содержании беседы с Ковачем, Андропов, помнивший о рекомендациях Суслова, отнюдь не поставил перед своим начальством вопрос о нецелесообразности дальнейшей поддержки Ракоши. Более того, его выводы прямо противоположны: венгерские товарищи идут к пленуму “без должной ясности и уверенности в успехе”, у многих членов Политбюро “нет должной уверенности и готовности решительно защищать точку зрения, принятую ими в связи с советами, высказанными тов. Сусловым”. Они боятся повредить собственному положению, некоторыми руководят сугубо личные мотивы. Что касается Ракоши, то и он “в последнее время” дает основания упрекать себя в зазнайстве, “не делает все необходимое, чтобы помочь честным работникам укрепить авторитет коллективного руководства”. “В связи с этим, – подводил итоги своего донесения посол, продолжавший придерживаться самой жесткой линии, – было бы край-

не необходимо до пленума ЦР, назначенного на 17 июля, в удобной форме еще раз высказать венгерским друзьям наши опасения относительно создавшейся внутривластительской обстановки, которая опасна не потому, что враги являются очень сильными, а главным образом тем, что Политбюро ЦР ВПТ, оказавшись перед фактом известного вражеского нажима, не проявляет должной уверенности и решительности в руководстве партией и страной". Таким образом, в момент, когда венгерское руководство, готовясь к пленуму, с нетерпением ждало из Москвы благословения на отставку Ракоши, посол Андропов таких взглядов не придерживался, но не решался настаивать и на противоположной позиции. И то, и другое далеко выходило за его прерогативы.

В Будапешт в тайне от широкой общественности прибыл член Президиума ЦК КПСС А. И. Микоян. Самолет с высокопоставленным советским визитером приземлился утром 13 июля, и уже через несколько часов состоялась встреча Микояна с Ракоши, Гере, Хегедюшем и секретарем ЦР ВПТ Б. Вегом. Как можно судить по документам, командировав Микояна в Будапешт, Президиум ЦК КПСС не принял окончательного решения относительно судьбы Ракоши. Если верить тогдашнему послу Югославии в СССР В. Мичуновичу, Хрущев уже после отъезда Микояна, 15 июля, говорил о твердой решимости советского руководства до последнего отстаивать Ракоши, поскольку в сложившейся обстановке его уход может привести к еще большей дестабилизации, будет использован оппозицией для дальнейшего наступления на партию³⁹. Это свидетельство, однако, опровергается телеграммой, посланной ЦК КПСС в адрес П. Тольятти 13 июля: "Положение в Венгрии изменилось, так как руководство партии признало, что сохранить Ракоши генеральным секретарем ЦК, вероятно, будет невозможно. Товарищ Микоян, находящийся в Будапеште, считает, что сейчас, очевидно, другого выхода нет ... прямая поддержка Ракоши, очевидно, в силу изменившихся условий ... была бы несвоевременна"⁴⁰.

Первоначальная тактика Микояна на встрече с венгерскими лидерами не свидетельствовала о его связанности определенной установкой. Судя по всему, Президиум ЦК КПСС наделил своего члена правом, разобравшись на месте с обстановкой, решить принципиальный вопрос о том, целесообразно ли и далее делать ставку на Ракоши. В течение всей своей недельной секретной миссии Микоян подробно информировал Москву о ходе переговоров с венгерскими лидерами, однако главная роль в принятии решения лежала, как вытекает из документов, на нем самом; командировав Микояна в Венгрию, советское руководство предоставило ему максимально широкие полномочия.

В ходе первой беседы с венгерскими лидерами Микоян поначалу в соответствии с принятыми Москвой (не без влияния Андропова) установками напирал на необходимость усиления “репрессий и арестов в отношении главней враждебных элементов”. Но даже Ракоши, более других склонявшийся именно к таким методам, подал реплику, что “положение так осложнилось и напряжение настолько усилилось, что аресты не помогут: арестуем одних – появятся другие, арестуем других – появятся третьи и не будет этому конца”⁴¹. Выслушав сообщения венгерских коллег о политической ситуации и признав ее “очень сложной и острой”, Микоян откровенно высказал свое мнение: “Пока т. Ракоши возглавляет руководство партии, ЦК не сможет защитить себя от обвинений в необоснованных репрессиях ... против честных коммунистов”, преодолеть недоверие со стороны многих рядовых коммунистов, а значит не будет и единства партии.

Вопрос, таким образом, упирался в пребывание Ракоши на посту первого секретаря ЦР ВПТ. Обстоятельства смещения Ракоши показывают, сколь неограниченным было влияние такого высокопоставленного эмиссара КПСС, как Микоян, на принятие ключевых решений руководством “братской партии”. Человек на редкость искусный в аппаратной борьбе, Микоян сразу же понял в ходе беседы, что у многих членов руководства ВПТ давно назрела мысль о необходимости замены Ракоши. Однако они боялись ставить этот вопрос без предварительного согласования с руководством КПСС. “Все ... ожидают постановки вопроса о Ракоши с нашей стороны”, – сообщал Микоян, и он пошел навстречу этим ожиданиям, предложив Ракоши “в интересах партии ... самому подать в отставку, чтобы облегчить партии сохранить свое руководство и разгромить оппозицию и враждебные элементы”⁴². Как доносил в Москву Андропов, “после этого заявления товарища Микояна было видно, что товарищи Хегедюш, Гере и Вег обрадовались такой постановке вопроса”⁴³.

Но вслед за первой проблемой следовало решать и вторую – о премнике Ракоши. И здесь, как и за месяц до этого, в ходе визита Сулова, всплыл вопрос о желательности исправления того не совсем здорового “перекоса”, который издавна сложился в руководстве ВПТ и питает в венгерском обществе ненужные настроения. Речь шла о том, что среди лидеров партии почти нет “лиц венгерской национальности” или, если с привычного партийного жаргона перейти на все более слышимый язык улицы, в руководстве страной наблюдается “еврейское засилье”. Именно поэтому Э. Гере сразу же отвел свою кандидатуру, предложив в первые секретари “кровного венгра” Я. Кадара, которого на предстоящем пленуме только предстояло заново избрать в Политбюро. Помимо всего прочего, он мотивировал это тем, что на пленуме

едва ли удастся миновать обсуждения кандидатуры Кадара, учитывая его немалую популярность. По существу, при отсутствии третьей сильной альтернативы выбор мог идти лишь между Гере и Кадаром (предложенная поначалу Микояном кандидатура 34-летнего Хегедюша не могла рассматриваться всерьез – и сам Хегедюш, и Гере, и участвовавший в обсуждении Ракоши признали, что старые коммунисты, которые будут задавать тон в работе пленума, никогда не допустят избрания столь молодого и к тому же непопулярного в партийной среде человека).

Между тем, предлагая Кадара, Гере делал, несомненно, только тактический ход, призванный замаскировать его стремление самой пробраться на вершину партийного олимпа. Это заметил и опытный Микоян, доносивший в Москву, что последний, “видимо, в душе все время стоял за свою кандидатуру с тем, однако, чтобы это не шло вразрез с нашим желанием”⁴⁴. Гере, вероятно, исходил из того, что кандидатура Кадара (по сути дела единственного его конкурента) наверняка не будет поддержана Москвой, психологически не готовой к тому, чтобы поставить во главе “братской” партии человека, прошедшего через репрессии. На нем, как и на других реабилитированных, оставалось клеймо недоверия, и не столько из-за прежних мифических “проступков”, послуживших основанием для ареста, сколько потому, что в таких вернувшихся к политической деятельности лицах видели людей, которых личная обида может подтолкнуть к каким-либо непредсказуемым шагам. Прошли долгие месяцы, пока Гомулка и тот же Кадар не завоевали делом доверие Кремля. А летом 1956 г. Микояну и его коллегам по Президиуму ЦК КПСС приходилось преодолевать известный психологический барьер, давая согласие на избрание Кадара в Политбюро ЦР ВПТ.

Беседа Микояна с Кадаром убедила его в том, что последний вполне довольствуется своим избранием в Политбюро и не будет претендовать на большее, зная, что “ракошисты” едва ли этого допустят⁴⁵. В конце концов Микоян согласился с выбором в пользу Гере. Кандидатура Гере, ближайшего соратника Ракоши, не была для Москвы ни оптимальной, ни желательной, ни нежелательной. Она означала максимальное сохранение преемственности курсу Ракоши. Проблема преодоления недоверия широких масс к своему руководству оставалась с избранием Гере лишь приглушенной, но не разрешенной, и этого не могли не понимать в Москве. С другой стороны, избрание Гере избавляло руководство КПСС от лишних беспокойств в связи с возможностью слишком резкого изменения курса ВПТ.

В дни, предшествовавшие пленуму, Микоян принял активное участие в его подготовке. “Чтобы не иметь сюрпризов на пленуме

ЦК”, – докладывал он в Москву, – я посоветовал провести неофициальные встречи и беседы членов Политбюро с наиболее влиятельными членами ЦК или теми, которые могут быть против решения Политбюро об избрании Гере⁴⁶. Такие беседы состоялись. Никто из сторонников реформ не решился действовать в пику Москве. Пленум прошел без сюрпризов. “Даже оппозиционные ораторы выступили выдержанно, в духе единства, доверия к составу ЦК и его руководству”, – отмечал в донесении Микоян⁴⁷.

В первый день работы пленума, 18 июля, после того как организационные вопросы были решены, Микоян по предложению Гере выступил с речью, обозначив позицию Москвы. Я “сообщил о том, – докладывал он затем в Президиум ЦК КПСС, – что у нашей партии и у братских партий есть тревога за судьбу Венгрии и что после уроков Познани не хотелось бы, чтобы в Венгрии случилось что-либо подобное”. А к этому уже шло. “Дискуссия в клубе Петефи – это идеологическая Познань без выстрелов”. “Поведение коммунистов на этой дискуссии, – продолжал Микоян, – говорит об элементах распада партийности среди них, ибо там коммунисты растворились в мелкобуржуазной среде”. Это надо решительно пресечь, необходимо “восстановить дисциплину для ... членов партии и начать наступательную борьбу на идеологическом фронте”, ибо “разрядка международной напряженности и лозунг сосуществования не предполагает, а ... исключает уступки в идеологии и примиренчество к враждебным взглядам”⁴⁸.

Дело Фаркаша было рассмотрено на пленуме в качестве одного из текущих вопросов. Используя инспирированное Ковачем письмо Г. Петера в целях окончательной дискредитации Ракоши, члены партийного руководства были теперь в большинстве своем заинтересованы в том, чтобы поставить точку в этом деле. Но вызывало опасения поведение Фаркаша, который в целях самооправдания мог пойти по пути компромата не только Ракоши, но и других лидеров партии. Микоян по просьбе Гере встречался с Фаркашем и убеждал его “в интересах партии” не тянуть за собой бывших коллег по Политбюро, а целью некоторого смягчения наказания смириться с ролью “козла отпущения”. Доклад Ковача подвел итоги работы комиссии по делу Фаркаша. Это дело, как комментировал Микоян, решено было “кончить внутри партии, не выносить его за пределы ее и не устраивать громкого суда”. Встречаясь с членами ЦР ВПТ, Микоян убеждал их, что хотя “Фаркаш сам по себе заслуживает четвертования, но речь идет не о нем, а о партии. ЦК должен вынести высшую меру наказания, которая бывает в партии. На этом лучше кончить дело, если же устроить суд, продолжится лихорадка партии и авторитет ее еще больше упадет в глазах масс”⁴⁹. Июльский пленум исключил Фаркаша из партии, но

уголовного дела решили не возбуждать. Лишь в середине октября, когда обстановка была уже совсем взрывоопасной, после перезахоронения останков главной жертвы режима Л. Райка решено было возбудить против Фаркаша уголовное дело и взять его под стражу.

Таким образом, пленум 18–21 июля прошел в соответствии с заранее подготовленным сценарием. Гере и его соратники по Политбюро ВПТ под давлением обстоятельств склонились к тому, чтобы пожертвовать своим вождем Ракоши ради спасения системы и сохранения своего места в ней. Решение пленума о смещении Ракоши подготовили люди из ближайшего окружения первого секретаря. Москва в лице А.И. Микояна в сложившихся условиях была вынуждена отказаться от первоначальной ставки на Ракоши и поддержала Гере. Но у нее не хватило решимости и психологической готовности на большее – сделать ставку на умеренных реформаторов в руководстве ВПТ, еще не утративших доверие в широких массах. Что же касается более радикальных реформаторов во главе с И. Надем, то на них по-прежнему лежало клеймо правоуклонистов.

Первые несколько недель после июльского пленума характеризовались некоторой стабилизацией обстановки, затишьем в общественно-политической жизни. Как в партии, так и в самом обществе доминировали настроения выжидания. “По мнению т. Гере, дела в стране идут пока нормально”, – отмечалось в отчете посольства о беседе с новым лидером ВПТ 28 августа⁵⁰. Подъем оппозиционных выступлений – опять под лозунгами более гуманного социализма – стал намечаться с сентября. На переднем крае борьбы вновь находилась творческая и гуманитарная интеллигенция Будапешта. В центре общественного внимания оказывается пресса, публикующая острые материалы по самому широкому кругу проблем. Возобновивший критику консервативных сил еженедельник Союза писателей “Иродалми уйшаг” за считанные недели увеличивает тираж с 8 до 30 тыс. экземпляров. Не меньший резонанс вызвал ряд выступлений в газетах “Мювелт неп”, “Сабад ифыошаг”, “Мадьяр немзет”. Тема разрыва со старыми методами, отказа от антидемократической политической практики всё чаще звучит и со страниц центральной партийной газеты “Сабад неп”. Считая отставку Ракоши лишь первым шагом на пути демократизации, публицисты реформаторского направления призывали не останавливаться на достигнутом, продолжать борьбу за обновление. Они все более осознавали, что кадровые изменения на вершине пирамиды власти, как и послабления интеллигенции (некоторые меры по повышению уровня жизни работников умственного труда) нацелены прежде всего на нейтрализацию демократической оппозиции и носят тактический, а не принципиальный характер. Главным тормозом на пути

демократизации представлялись уже не отдельные лица, а сама система, сложившаяся по советскому образцу, бюрократический кастовый аппарат, обросший за короткое время привилегиями и собственными интересами, которые имели мало общего с действительными потребностями общества.

Накануне очередного съезда писателей, назначенного на 17 сентября, в центре общественного внимания оказываются вопросы свободы творчества и самовыражения в качестве неотъемлемых элементов программы демократизации венгерского общества. Съезд писателей закрепил основные завоевания "литературной демократической оппозиции". Впервые за долгие годы на нем свободно, без заранее одобренных инстанциями списков, было избрано руководство творческого союза. Некоторые сектантски настроенные литераторы оказались за пределами правления СП, большинство в котором теперь принадлежало последовательным сторонникам демократизации. Во главе союза остался широко известный в стране писатель и публицист Петер Вереш, в прошлом лидер национальной крестьянской партии, политик, который, пройдя через определенные иллюзии в отношении сталинского "социализма", после 1953 г. все более резко и открыто выступал против линии Ракоши.

В выступлениях на съезде содержались попытки пересмотреть основу основ официальной эстетики – теорию социалистического реализма. Однако ведущей темой обсуждения стали не специфические проблемы творчества, а вопросы актуальной политики. Требования отменить партийные взыскания против авторов меморандума 1955 г. в защиту свободы творчества, а также против активистов кружка Петефи, вернуть в руководство партии и правительство Имре Надя, гарантировать демократические свободы звучали из уст многих выступавших.

Забегая вперед, важно отметить, что основные деятели "литературной оппозиции" (включая Т. Дери, Д. Хая, З. Зелка) после подавления революции понесли наказание по обвинению в подрывной антигосударственной деятельности, идейной подготовке "контрреволюционного путча". Действительно заметная роль писателей и публицистов в общественно-политической жизни Венгрии кануна революции способствовала впоследствии формированию мифа, согласно которому вооруженное выступление народа 23 октября явилось, в первую очередь, результатом подстрекательства узкой группы интеллигенции. Этим мифом жил и Н. С. Хрущев. Когда 22 октября состоявшееся в Центральном Доме литераторов в Москве обсуждение романа В. Дудинцева "Не хлебом единым" вылилось в острокритическое выступление ряда писателей против идейно-политического наследия сталинской

эпохи, а на следующий день из Будапешта пришли сообщения о многотысячных митингах, перерастающих в вооруженные столкновения, разгневанный Хрущев в промежутке между почти не прекращавшимися в те дни заседаниями Президиума ЦК вызвал к себе руководителей Союза писателей и, устроив им головомойку, закричал о международном заговоре писателей против социализма⁵¹.

Не только с трибуны писательского съезда, но и на многих других собраниях начала осени 1956 г. все громче и смелее звучало требование о восстановлении справедливости в отношении Имре Надя. Его имя ассоциировалось с более либеральной политикой, надеждами на обновление, демократические реформы. Поэтому многие венгры так хотели его возвращения в руководство. Как говорится в одном из дипломатических донесений, крестьяне-единоличники "связывают с Надем свои надежды на проведение политики снижения и отмены заготовок, свертывания производственно-кооперативного движения"⁵². Интеллигенция же рассчитывала на расширение творческих свобод.

Документы показывают, насколько проблема Имре Надя занимала в те месяцы официальную Москву. Начиная с конца весны об опальном премьере упоминается в большинстве дописаний посольства, а также отчетах Сулова и Микояна о своих миссиях в Венгрию. Позицию Кремля с предельной ясностью и откровенностью изложил Микоян на встречах с руководством ВПТ 13 июля: "Мы считали и считаем ошибкой исключение из партии Надя Имре, хотя он своим поведением этого заслужил. Если бы Надя Имре остался бы в рядах партии, он был бы обязан подчиняться партийной дисциплине и выполнять волю партии. Исключением его ЦК сам себе затруднил борьбу с ним. Надо со всей откровенностью заявить Надю, что борьбой с партией он не может вернуться в ее ряды. Путь борьбы с партией - это путь, неизбежно ведущий его в тюрьму. Наоборот, если он изменит свое поведение, то он может рассчитывать на восстановление в рядах партии... Когда он сделает ряд шагов в пользу партии и в направлении исправления своих ошибок, тогда можно будет вернуть его в партию"⁵³. Эти строки раскрывают методы политической борьбы, практиковавшиеся в коммунистическом движении.

Учитывая большую популярность Надя, его насильственное устранение с политической арены вряд ли было оправданным. "Строптивного" политика приходилось терпеть и искать более тонкие способы нейтрализации его влияния. Возникла идея "приручения" Надя, причем некоторая ставка делалась и на "большевистскую" сознательность этого человека, без малого 40 лет состоявшего в компартии. В июле на И.Надя пытался повлиять встречавшийся с ним А. И. Микоян. Согласно более позднему, августовскому сообщению Андропова,

И. Надь широко распространялся об этой встрече, пытаясь изобразить ее как “изменение отношения со стороны руководства КПСС к нему, как полную его реабилитацию” и желание видеть его в центральных органах партии⁵⁴. Даже некоторые члены Политбюро ЦР ВПТ, по словам Андропова, верили в это. С конца июля представители венгерского партийно-государственного руководства несколько раз вели переговоры с Надем, пытаясь убедить его в необходимости выступить публично с критикой своих “правых” ошибок, после чего он сможет вернуться в партию без ущерба для ее авторитета⁵⁵. Однако Надь не выражал желания следовать навязываемой ему логике действий и возвращаться в партию на условиях признания собственной неправоты в интересах очередного публичного подтверждения непогрешимости партии. Он предлагал вынести свою деятельность во главе правительства в 1953–1955 гг. на обсуждение внутривнутрипартийной дискуссии, призванной определить: содержались ли в “новом курсе” элементы “правого уклона” или же XX съезд КПСС полностью доказал его правоту. Несомненно, Имре Надь не могло не окрылять развитие событий в Польше, где в соответствии с решениями состоявшегося 18–28 июля VII пленума ЦК ПОРП в начале августа было официально объявлено о полной политической реабилитации и восстановлении в партии В. Гомулки, который, как известно, в конце 40-х годов был обвинен в “правонационалистическом уклоне” и оказался за решеткой. Как и лидеры ВПТ, советское посольство в лице Андропова видело в упорстве бывшего венгерского премьера покушение на “святая святых” большевистской этики – единство партии, о чем с озабоченностью информировало Москву. Уступка И. Надю считалась в высших патристических органах невозможной, так как могла бы повлечь за собой серьезное усиление “правых настроений” и фракционных тенденций в партии.

Среди проблем, занимавших венгерское общество в предшествующие взрыву 23 октября месяцы, последовательное доведение до логического конца процесса реабилитации невинно осужденных постоянно находилось в центре внимания. Под давлением широкой общественности ЦР ВПТ было вынуждено дать согласие на упоминавшееся уже выше перезахоронение останков Ласло Райка и его товарищей. Этому акту в общественном сознании придавалось символическое значение как свидетельству полного разрыва со сталинским наследием. Моросивший весь день дождь не помешал многим тысячам жителей Будапешта прийти 6 октября на Керепешское кладбище, где состоялась эта траурная церемония. Публицистика тех дней хорошо передаст тогдашнее правдивое состояние венгерского общества. “Мы вдруг поняли, – писал от имени молодого поколения коммунистической интел-

лигенции литератор О. Майор, – что служили преступным политическим замыслом и были орудием клеветы и обмана. Нас, конечно, обманывали, но это не уменьшает всей тяжести нашей личной ответственности. У некоторых это вызвало нервный шок. Другие, не в силах облегчить душу слезами, приходили в ярость или впадали в самое мрачное отчаяние... Именно этот кризис привел к моральному сплочению писателей, в основе которого было торжественное обещание никогда впредь не лгать и никогда не служить бесчеловечному делу”⁵⁶.

Состоявшийся 6 октября митинг, а за ним и массовое шествие под лозунгами обновления социализма явились важным психологическим рубежом – народ впервые вышел на улицы, почувствовав в себе достаточно сил для противостояния власти. Власть, со своей стороны, была вынуждена пойти на принципиальные уступки. Это заметил и Андропов. Упреки Политбюро в перешителности – главный лейтмотив его донесений за первую половину октября. “Враждебные оппозиционные элементы, – говорится, например, в телеграмме от 12 октября, – всячески поносят руководителей партии, а наши друзья... уступают”⁵⁷. “Надо предвидеть, что через некоторое время Надя, вероятно, придется взять ... в ЦК; а может быть и в Политбюро, так как нажим в этом направлении очень сильный”, – признавал он сквозь зубы в упомянутой телеграмме⁵⁸. Это признание не замедлило подтвердиться. 14 ноября Имре Надь был восстановлен в партии. А после того, как поначалу мирная демонстрация 23 октября переросла в вооруженное выступление, партийно-государственное руководство, оказавшись совершенно неспособным овладеть ситуацией в Будапеште, призвало на помощь Имре Надя, который тоже уже был не в состоянии разрядить обстановку в городе.

Тезис о “международном империалистическом заговоре”, жертвой которого якобы стала Венгрия в октябре 1956 г., на долгие годы стал общим местом официальной венгерской и советской историографии и, безусловно, себя дискредитировал. Решающую роль в развитии событий в Венгрии играли внутренние факторы, прежде всего недовольство населения медленными темпами десталинизации, экономическим положением, отсутствием полного суверенитета своей страны в сложившемся после второй мировой войны “советском блоке”. Но чтобы в полной мере понять мотивы, которые днем 23 октября вывели на улицы сотни тысяч жителей венгерской столицы, необходимо принять во внимание и импульсы, исходившие извне. Уже говорилось о действии “югославского фактора”. Опыт строительства социализма в этой стране привлекал большой интерес венгерских реформ-коммунистов, нередко идеализировавших “югославскую модель”. На это постоянно обращалось внимание и в донесениях советского посольства. К середине ок-

тября назрел решительный поворот в венгеро-югославских отношениях, которые и после июльского пленума не отличались гладкостью⁵⁹. Пребывание с 15 по 23 октября в Югославии венгерской партийно-правительственной делегации явилось логическим завершением процесса нормализации отношений двух соседних государств, который при всех препятствиях все же ускорился после ухода в отставку Ракоши.

В отличие от “югославского” фактора “китайский” почти не становился предметом научного анализа. Между тем китайский социализм переживал в то время “розовый период”, и мало что в политической жизни КНР предвещало ужасы “большого скачка” и “культурной революции”. На VIII съезде КПК во второй половине сентября 1956 г. выдвигался лозунг “пусть расцветают все цветы”, воспринятый многими в мире как свидетельство известного поворота к плюрализму. Из отзыхов некоторых участников революции 1956 г. можно понять, что съезд КПК также способствовал воодушевлению реформаторски настроенной венгерской молодежи.

Главные внешние импульсы все же исходили из Польши, где в середине октября достигла своего апогея борьба за демократизацию социализма, и проходившие повсеместно массовые митинги постоянно грозили перерасти в вооруженные столкновения. VIII пленум ЦК ПОРП, состоявшийся 19–21 октября, привел к руководству партией В. Гомулку и его сторонников, сумевших несколько разрядить обстановку, не допустить взрыва, подобного тому, что произошел в Венгрии. Прибывшей в Варшаву без приглашения к началу пленума делегации КПСС в составе Н. С. Хрущева, Л. М. Кагановича, А. И. Микояна и В. М. Молотова пришлось выдержать в Бельведерском дворце “холодный душ” и вернуться в Москву, потерпев первое ощутимое поражение в зоне своего военно-политического доминирования. Главные требования демократической оппозиции, касавшиеся кадровых изменений в руководстве ПОРП, были выполнены, несмотря на массивное давление советских гостей, которые так и не были допущены к работе пленума. Решительные действия Гомулки нейтрализовали грозившие обернуться мощным взрывом антикоммунистические настроения в Польше, поскольку, по справедливому замечанию исследователя, “в глазах общественного мнения Гомулка защитил национальные интересы страны перед лицом традиционного давления с Востока”⁶⁰. Длительная традиция польско-венгерских связей в освободительной борьбе против экспансии как с Запада, так и с Востока заработала в те дни в общественном сознании с новой силой.

В знак солидарности с происходившей в Польше борьбой за обновление социализма студенты Будапештского политехнического университета выступили с инициативой проведения во вторник, 23 октяб-

ря, массовой демонстрации с выдвижением широкой программы демократизации социализма в Венгрии. Именно эта демонстрация переросла в вооруженное выступление, положившее начало тем драматическим событиям, которые оставили неизгладимый след в новейшей истории Европы. Развитие событий в Венгрии, начиная с 23 октября, политика СССР, избравшего силовой путь разрешения венгерского кризиса, – предмет уже другого исследования⁶¹.

Советское вооруженное вмешательство в Венгрии отрицательно сказалось на внутривластном развитии СССР, затормозив едва начавшийся процесс десталинизации⁶². Это вмешательство осложнило развитие советско-югославских и советско-американских отношений, вызвало негативный отклик в мире, скомпрометировав те идеи демократического обновления социализма, которые составляли отличительную черту XX съезда КПСС. Можно во многом согласиться с известным венгерским ученым Иштваном Бибо (в конце октября – начале ноября 1956 г. государственным министром в коалиционном правительстве Имре Надя), который весной 1957 г., незадолго до своего ареста и тюремного заключения, писал: “Когда после смерти Сталина его преемники широким фронтом приступили к смягчению сталинской политической практики, затем провалили попытку создания нового культа личной власти, а на XX съезде и принципиально порвали с некоторыми характерными сталинскими тезисами, подвергнув критике самого Сталина, все это породило среди коммунистов надежду на то, что в коммунистическом движении, и прежде всего в КПСС, есть такие силы, которые смогут вывести их на более правильный путь строительства социализма. После того, что случилось в Венгрии с 4 ноября и позже, надежда эта была навсегда подорвана”⁶³.

Примечания

¹ Гёцц А. Будапешт, 1956 // Новое время. 1991. № 35. С. 30.

² Nagy I. A magyar nép védelmében. Vp., é.n. 32 old. Программные выступления И. Надя в качестве премьер-министра в 1953–1955 гг. см.: A Nagy Imre vonal. Dokumentumválogatás. Debrecen, 1989.

³ Дюрко Л. 1956. Предварительное исследование и прагматическое изложение событий // Иностранная литература. 1988. № 7. С. 194.

⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 89.

- ⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ). Ф. 077. Оп. 37. П. 187. Д. 6. Л. 30–33.
- ⁶ К его ближайшему окружению относились Г. Лошонци, Ф. Донат, Ф. Яноши (зять И. Надя), С. Уйхейи, М. Вашархейи и др.
- ⁷ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 187. Д. 6. Л. 60–64.
- ⁸ Там же. Л. 42–43.
- ⁹ См. телеграмму Ю. В. Андропова из Будапешта в МИД СССР от 29 апреля (Исторический архив. 1993. № 4. С. 107). В конце апреля Политбюро ЦР ВПГТ, не считаясь с предостережениями Ракоши, решило на ближайшем пленуме поставить вопрос о кооптации Я. Кадара в ЦР и его избрании в Политбюро. Это мотивировалось тем, что пленум “все равно потребует его ввода в состав Политбюро, даже вопреки воле Политбюро” (Там же).
- ¹⁰ См.: *Negedűs B. A. A Petőfi Kör – a reformmozgalom fóruma // Világosság. 1989. 1 rész.*
- ¹¹ Записи некоторых из его бесед с советскими дипломатами опубликованы: *Niányzó lapok. 1956 történetéből. Dokumentumok a volt SzKP KB levéltárából. Bp., 1993.*
- ¹² Так, телеграмма от 29 апреля обсуждалась на Президиуме ЦК КПСС 3 мая (Исторический архив. 1993. № 4. С. 104–108).
- ¹³ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 187. Д. 6. Л. 61.
- ¹⁴ Там же. Л. 57–59.
- ¹⁵ Там же. Л. 100–104.
- ¹⁶ Там же. Л. 54–56.
- ¹⁷ Там же. Л. 105–107.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Л. 57–59.
- ²⁰ Там же. Л. 60–64.
- ²¹ Исторический архив. 1993. № 4. С. 109.
- ²² Там же.
- ²³ См. запись беседы советника посольства СССР В. В. Астафьева с секретарем ЦР ВПГТ Д. Эгри от 13 июня (*Niányzó lapok... 27 old.*).
- ²⁴ *Lukács Gy. A haladás és reakció harca a mai kultúrában (Előadás). Bp., 1956.*
- ²⁵ Кару. *Különszám. Bp., 1989. 14, 17 old.*
- ²⁶ Центр хранения современной документации (ЦХСД). Ф. 5. Оп. 28. Д. 394. Л. 125.
- ²⁷ Там же. Л. 117.
- ²⁸ См.: История Венгрии. Т. 3. М., 1972. Гл. 13.

²⁹ Беседа Андропова с Ракоши, Гере, Ковачем, секретарем ЦР ВПТ Б. Вегом и министром иностранных дел ВНР Я. Болдоцким (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 187. Д. 6. Л. 134–137).

³⁰ Внеочередной пленум заслушал сообщение Ракоши о результатах московской встречи и обсудил сложившееся внутривластическое положение.

³¹ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 187. Д. 6. Л. 134–137.

³² Докладные Андропова отражают его обеспокоенность тем фактом, что на различных собраниях (особенно в интеллигентской среде) все громче звучали требования о восстановлении И. Нады в партии и возвращении его на руководящую работу. В частности, об этом шла речь в его донесении о беседе с А. Хегедошем от 26 июня. (Hányzó lapok... 33–39 old.)

³³ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 187. Д. 6. Л. 138–143.

³⁴ ЦХСД. Ф. 5. Оп. 28. Д. 394. Л. 120–122.

³⁵ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 187. Д. 6. Л. 138–143.

³⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 113.

³⁷ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 75.

³⁸ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 187. Д. 6. Л. 144–148.

³⁹ In memoriam Nagy Imre. Вр., 1989. 296–297 old.

⁴⁰ ЦХСД. Ф. 3. Оп. 14. Д. 43. Том. 2. Л. 2.

⁴¹ Исторический архив. 1993. № 4. С. 111.

⁴² Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 483. Л. 170.

⁴³ Исторический архив. 1993. № 4. С. 111.

⁴⁴ Там же. С. 123.

⁴⁵ Там же. С. 118–123.

⁴⁶ Там же. С. 124.

⁴⁷ Там же. С. 127.

⁴⁸ Там же. С. 126.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ ЦХСД. Ф. 5. Оп. 28. Д. 394. Л. 194.

⁵¹ Цит. по: Долматовский Е. “Я из-за тебя ночь не спал...” // Родина. М., 1992. № 3.

⁵² АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 188. Д. 10. Л. 166.

⁵³ Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 483. Л. 172.

⁵⁴ ЦХСД. Ф. 5. Оп. 28. Д. 394. Л. 199–200, 204.

⁵⁵ Там же. См. также: Исторический архив. 1993. № 4. С. 128–135.

⁵⁶ Irodalmi Újság. 1956. szept. 29.

⁵⁷ Исторический архив. 1993. № 4. С. 134.

⁵⁸ Там же. С. 132.

⁵⁹ См., напр.: ЦХСД. Ф. 5. Оп. 28. Д. 394. Л. 194–195; Л. 208–212, 226–231.

⁶⁰ *Орехов А. М.* Общественно-политический кризис 1956 г. в Польше (генезис и развитие событий) // Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. М., 1993. С. 50.

⁶¹ Из вышедшей к настоящему времени литературы на русском языке см.: *Дюрко Л.* Указ. соч.; *Мусатов В. Л.* О венгерских событиях: 35 лет спустя // Кентавр. 1992. № 1–2; *Он же.* Трагедия Имре Надя // Новая и новейшая история. 1994. № 4; *Желицки Б. Й.* Венгрия 1956 года. Эволюция оценок венгерских историков // Там же. 1992. № 3; *Он же.* Будапешт – Москва: год 1956-й // Советская внешняя политика в годы “холодной войны” (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995; Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М., 1993; *Малашенко Е. И.* Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. М., 1993, № 10–12; 1994. № 1; *Стыкалин А. С., Орехова Е. Д.* Венгерские события 1956 года и позиция руководства СССР (по материалам ЦХСД) // Славяноведение. М., 1994. № 3; Мемуары Н. С. Хрущева // Вопросы истории. М., 1994. № 5.

⁶² *Зубкова Е. Ю.* Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993. Гл. IV.

⁶³ *Бибо И.* Положение в Венгрии и мировая обстановка // Мост (Будапешт). 1992. № 1–2. С. 31.

Венгерская осень 1956 г. в донесениях западных дипломатов из Будапешта и Москвы

Венгерские события октября–ноября 1956 г. с самого их начала оказались в центре внимания мировой общественности. Не в последнюю очередь это внимание было обусловлено вовлеченностью вооруженных сил СССР, той акцией устрашения населения ВНР с их помощью, которая по своим масштабам далеко превосходила аналогичную акцию в ГДР в июне 1953 года. Дипломатические представительства США и Великобритании в Венгрии и СССР с особым вниманием следили за развитием событий в те дни. Британские послы в Будапеште (Л. А. Фрай) и Москве (У. Хайтер), равно как и полномочный представитель посольства США в Будапеште (Э. Барнес) и американский посол в Москве (Ч. Болен) в своих донесениях регулярно информировали собственные страны о многообразных процессах венгерской демократической революции и действиях ее коммунистических душителей, делились наблюдениями, результатами встреч и бесед с высокопоставленными военными, партийными и государственным деятелями. С научной точки зрения упомянутые донесения являются ценным историческим источником, к тому же историку небезынтересны эти непосредственные наблюдения и оценки иностранных дипломатов, смотревших на происходящее как бы “со стороны”. Какими видели они и как оценивали разворачивавшиеся события, позволяет судить подборка документов, которая впервые приводится здесь в переводе с английского и венгерского.

Руководители представительств Великобритании и США еще до начала народного восстания информировали свои правительства об изменениях в высшем эшелоне власти, общей ситуации в Венгрии. Их сообщения были довольно компетентны и касались сущности явлений. Удаление с поста первого секретаря ЦР ВПТ М. Ракоши и замену его на Э. Герё они расценивали в качестве своеобразного “дворцового переворота”. При этом, как отмечалось в донесении британского посоль-

ства в Будапеште от 27 июля, Ракоши на протяжении 8 лет был “по сути диктатором Венгрии”. Хотя его замена произошла мирно, это не радовало людей, говорилось в донесении, ибо они “считают Герё не меньшим злом, чем был сам Ракоши, а, может быть, еще большим”. Здесь же давалась ссылка на то, что смена партийного лидера мало что изменит в Венгрии, т. к. Ракоши, согласно высказываниям того же Герё, “останется членом Центрального руководства и Совета Президиума, сохраняя также свой мандат депутата парламента”. Подчеркивалось, что в речи нового руководителя только вскользь упоминалось “о восстановлении социалистической законности”, хотя и декларировалась невозможность “возврата к полицейскому террору Ракоши и генерала Фаркаша”¹. Составители донесений, ссылаясь на приезды в Будапешт М. А. Сулова, А. И. Микояна и К. Е. Ворошилова, делали предположения о “московских решениях”, писали, в частности, что “события ярче ясного показали, кто по-прежнему хозяин в этом доме”. Летом 1956 г. дипломаты уже обращали внимание на Я. Кадара как на “восходящую звезду”, а об отстраненном от власти и исключенном из ВПТ коммунисте-реформаторе И. Наде писали, что хотя он и пользуется популярностью в народе, все же “русские не желают его возвращения”².

По мере обострения общественно-политического кризиса в Венгрии шифрограммы в Лондон и Вашингтон из Будапешта стали все более частыми. В первых же сообщениях о мирной демонстрации 23 октября отмечалось, что оправдывается “наша негативная оценка насчет Э. Герё”³, что среди требований масс отставка этого ракошиста называется одним из первых, что выражается солидарность с польскими рабочими, бастовавшими и выступавшими на митингах против власти Охаба-Циранкевича буквально по всей стране. Авторы донесений акцентировали внимание на требованиях венгерских демонстрантов о восстановлении многопартийности, проведении свободных выборов, отмечали антикоммунистический характер части этих требований. Так, ночные и утренние телеграммы посольства США из Будапешта с 23 на 24 октября оперативно извещали госдепартамент о негативной реакции населения на выступление Герё по радио, подчеркивая, что под его воздействием “стремительно возрастает возмущение масс”. Содержалась также информация о событиях у здания венгерского радио, где безоружные студенты и население впервые столкнулись с отрядами УГБ (см. док. 1).

В донесениях от 24–25 октября уже сообщалось о кардинальных изменениях, произошедших в характере и ходе событий, особое внимание обращалось на действия вызванных для “наведения порядка” советских войск. “То, что начиналось во вторник в Будапеште как де-

монстрация протеста, еще в тот же вечер превратилось в революцию", – говорилось в одном из донесений (док. 2, 3). С начала столкновения возле здания радио участники событий уже именовались повстанцами. Телеграммы содержат конкретные сведения очевидцев, в них отмечается доброжелательное отношение солдат и офицеров венгерской армии к восставшему народу, приводятся факты перехода военных на сторону повстанцев (док. 2, 3, 4). Поведение последних (за исключением инцидента сжигания партийных газет и советских книг) в целом квалифицировалось в качестве дисциплинированного, указывалось на отсутствие погромов и разрушений. В документах дипломатических служб подчеркивался стихийный характер выступлений масс, говорилось, что восстание не имеет своего организационного центра, отсутствовало единое руководство им, силы повстанцев были разобщены (док. 4).

Военно-политические аспекты событий и действия советских войск, по-видимому, вызывали особый интерес западных дипломатов. Они зафиксировали появление первых советских танков и военных формирований на улицах Будапешта, следили за их использованием против повстанцев, передвижениями по Будапешту и территории всей страны. В первых же донесениях отмечается как "мрачное настроение граждан" (док. 2), заполнивших улицы Будапешта, так и их попытка установить контакты с экипажами советских танков и бронемашин, чтобы разяснить свои позиции, истинные стремления и цели. В этом плане заслуживают внимания отдельные фрагменты документов, в которых сказано, что на советских танках, выведенных 25 октября на площади венгерской столицы "для устрашения масс", были видны люди с венгерскими флагами. Они говорили, что "русские с нами" и "не хотят стрелять в венгерских рабочих" (док. 3). Эту попытку диалога и братания венгерских повстанцев с советскими солдатами на площади возле парламента в тот же день прервал смертоносный пулеметный огонь, после которого численность убитых и раненых мирных граждан резко возросла.

С этого времени в донесениях западных дипломатов начинает фигурировать термин "революция", правда, с ссылкой на то, что события приобрели революционный характер еще вечером 23 октября (по всей вероятности после столкновения у радио), а усилия по вооруженному подавлению революции впервые названы "маленькой войной" (док. 3). Маленькой потому, что на начальном этапе оказания военной помощи обанкротившимся лидерам ВПТ "советское командование старалось сократить кровопролитие до минимума" (док. 4), что сначала в целях устрашения танки нередко стреляли в воздух над головами людей (док. 3).

Массовый расстрел безоружных людей возле парламента 25 октября усугубил положение в стране, вызвал резкий протест широких слоев венгерского населения. Как отмечалось в этой связи в одном из донесений западных дипломатов, он привел “к очень большому распространению венгерского восстания, к расширению действий повстанцев кроме Будапешта на Сегед, Печ, Мишкольц, Дебрецен, Комаром, Мадьярвар, Дьёр” и другие города Венгрии. Расстрел и его последствия заставили посольство США в Будапеште обратить внимание своего правительства на его моральную ответственность перед лицом случившегося, отмечая что дальше нельзя оставаться на позициях “полнейшего бездействия”, и оно “должно решительно ускорить обсуждение венгерского вопроса в ООН”⁴.

После 25 октября стало очевидным, что устрашение венгров с помощью военной силы не приводит к ожидаемому ослаблению сопротивления восставших, а, скорее, наоборот. Встал вопрос: следует ли продолжать политику “жесткой руки” или пойти на какие-то уступки восставшему народу, в частности оставлять старое партийное руководство во главе с Герё или заменить его Кадаром. В итоге Герё с согласия советских “хозяев” сместили, а сторонники исключительно силового решения были вынуждены уступить место функционерам, готовым на разумные компромиссы.

26 октября на заседании Центрального руководства ВПТ некоторые партийные лидеры уже признавали, что события истекших дней нельзя считать “сплошной контрреволюцией”. Я. Кадар тогда заявил, что “против нас по сути теперь уже стоят рабочие массы”. Секретарь ЦК констатировал: “массы в десятки тысяч рабочих больше нельзя рассматривать как результат какой-то контрреволюции”. По его мнению, “в решающем большинстве” следует говорить “о массовом демократическом движении”. З. Ваш в интересах преодоления противостояния масс считал необходимым вступить в переговоры с повстанцами и отказаться от вооруженной борьбы против них, подчеркивая при этом, что силовое подавление массового движения было бы равносильным “выступлению против самого народа”⁵.

Перед обновленным тогда партийно-государственным руководством Венгрии с особой остротой встал вопрос о необходимости выполнения одного из главных требований повстанцев – вывода советских войск из Будапешта. Кстати, того же и открытого вмешательства США требовали в последующие дни демонстранты перед зданием американского посольства в Будапеште. Поверенный в делах США в Венгрии Э. Барнес в своем донесении предлагал правительству оказать в этом направлении соответствующее “давление на Советы” (док. 6).

Донесения из Москвы также касались проблемы вывода советских войск. Они основывались главным образом на беседах Ч. Болена и У. Хайтера с ведущими партийно-государственными деятелями СССР – первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым, председателем Совета министров Н. А. Булганиным, председателем Верховного Совета К. Е. Ворошиловым, министром обороны Г. К. Жуковым и отражали содержание этих бесед. Вместе с тем эти донесения не лишены личных замечаний, наблюдений и оценок и позволяют судить не только о проблемах большой политики, но и настроениях представителей высшего звена власти, об отношении их к венгерским делам. Из бесед с маршалом Жуковым, например, в высказываниях которого, по словам Ч. Болена, “небылицы и полуправда смешивались с определенными элементами фактов” (док. 11), руководители западных представительств все же получили ценную для себя информацию, в т. ч. и связанную с действиями советских войск. Такого рода беседы наводили на определенные догадки относительно разногласий в высшем эшелоне советской партийно-государственной номенклатуры, о расхождении позиций по происходящим в Венгрии процессам.

Донесения позволяют сказать и о том, что американские дипломаты в Москве так и не сумели правильно определить истинную роль и место И. Надя в событиях, продолжали считать его долгое время прямым ставленником Кремля, защитником интересов СССР. Поэтому-то они сначала не поверили в искренность заявления И. Нады от 28 октября, где говорилось о том, что советские войска будут выведены из Будапешта, расценили данное заявление как маневр, чтобы выиграть время, как “хитрую уловку, подаваемую при помощи Советов”, чтобы склонить повстанцев к прекращению огня (док. 11). В отличие от московской службы дипломаты в Будапеште были более оптимистически настроены и после вывода советских войск из столицы несколько дней подряд считали “венгерскую революцию свершившимся фактом” (док. 10), т. е. как победившую окончательно. Э. Барнес при этом отмечал: произошло то, о чем без сильной западной поддержки и подумать было нельзя. Вывод войск из Будапешта он приписывал “громальной силе народного движения”, которое, по его мнению, и оказало воздействие на советское руководство. При этом Барнес полагал, однако, что конечный исход процессов еще не ясен, видел переходный характер коалиционного кабинета И. Нады и связывал его судьбу с появлением “более стабильных политических партий”. Судя по его донесениям, он до некоторого времени верил в искренность обещаний лидеров КПСС, докладывал об успехах революционных преобразований в Венгрии, о начавшейся стабилизации положения после вывода войск (док. 10, 11). Это и толкнуло его предлагать своему

руководству сделать по отношению к венграм осторожный жест доброй воли.

Оптимистический настрой и надежда на мирный исход венгерских событий стали исчезать из дипломатических донесений лишь после доведенной правительством ВНР до иностранных представительств информации от 1 ноября о том, что на территорию страны начался ввод новых советских воинских подразделений. В шифровке посольства США из Будапешта после этого акцент делался на то, что "советские части ушли не очень далеко от города", высказывалось предположение, что "Советы взвешивают возможность второй интервенции" (док. 15). У. Хайтер в телеграмме из Москвы от 2 ноября также счел "маловероятным, что советское правительство намерено отступить в Венгрии" (док. 16), несмотря на отрицательный ответ Булганина на его вопрос вечером того же дня о вводе дополнительных армейских частей на венгерскую территорию.

Характерно, что послы в Москве вскоре заметили кардинальные изменения в настроениях советских руководителей, особенно маршала Жукова и некоторых других военачальников, на основании чего сделали вывод о принятии окончательного решения по венгерскому вопросу. При этом они высказали догадку, что армейское руководство, возможно, является "сторонником более жесткой линии в Венгрии, чем сама партия" (док. 17). Хотя Булганин 2 ноября еще продолжал отрицать факт вторжения новых формирований в Венгрию, в последующие дни Барнес и Фрай уже сообщали, что "страну наводняют советские боевые части" (док. 19), а "Будапешт почти полностью окружен крупными силами" (док. 20).

3 ноября посол США в Венгрии уже высказывал свою озабоченность накоплением в стране "безнадежно громадного превосходства" военной силы и выразил предположение, что у Советов, видимо, не осталось "другой возможности удержать Венгрию в советском лагере" (док. 20).

Характерно, что хотя и косвенно, но факт отправки в Венгрию свежих подразделений первым из советских руководителей признал Н. С. Хрущев. Отвечая послу США 4 ноября (когда Будапешт фактически уже был в руках армии СССР, но эту весть в Москве еще не обнародовали), он заметил, что там войск достаточно, "но если нужно будет, то пошлем еще и еще". Свой ответ он завершил словами: "Это не шутка" (док. 22).

Действительно, тут лидерам коммуно-большевистской системы было не до шуток. Эта система подвергалась в Венгрии серьезному испытанию на прочность, ее имидж как системы социалистической основательно потускнел. Студенческая молодежь, а вслед за ней другие

слои венгерского населения, не отрицавшие необходимости движения к социализму, тем не менее выступали против тоталитарно-сталинистских методов его построения, требовали восстановления демократической многопартийности, на что, кстати, И. Надь получил полное одобрение от присутствовавших в Будапеште эмиссаров КПСС в лице Суслова и Микояна.

Однако этот “жест доброй воли” был сугубо конъюнктурным, противоречил тоталитарному существу коммуно-большевистской системы, а потому оказался пустым звуком. Советский партийно-государственный ареопаг решил развязать “венгерский узел” с помощью привычных силовых средств, сохранив тем самым свое хозяйское положение в Восточной Европе и свой государственно-монополитический социализм как образец для этого региона.

Великие державы, хотя формально и обнадеживали венгров в их борьбе – западная пропаганда сделала немало в этом направлении, – на деле беспрекословно следовали ялтинским договоренностям о разделении сфер влияния и фактически не помышляли об оказании какой-либо действительной помощи. Характерно, что американская позиция по венгерскому кризису (завершение президента Д. Эйзенхауэра об “отсутствии интересов” США к этому региону, что на практике было равносильно обещанию не вмешиваться)⁶ была доведена до Кремля еще в конце октября 1956 года. Это значительно облегчило принятие окончательного жесткого решения о вооруженном вторжении и повторном силовом вмешательстве в дела Венгрии и, естественно, обрадовало московских “ястребов”, особенно среди военных (док. 17), пообещавших политическому руководству навести там “порядок” за три дня. Что же касается Англии и Франции, то они сами были вовлечены в конфликт вокруг Суэцкого канала, и это обстоятельство дистанцировало их от проблем борющейся Венгрии. Американский посол в Москве не без основания полагал, что поведение этих двух стран в Египте могло даже натолкнуть лидеров СССР на мысль действовать в Венгрии подобным же образом и без оглядки.

Публикуемые ниже документы представляют собой секретные дописания глав или ответственных работников дипломатических служб Великобритании и США, отправленные ими в ходе венгерских событий из Будапешта и Москвы в Форин оффис и госдепартамент в виде зашифрованных телеграмм. Обозначенное на документах время отправления (В. О.) соответствует местному времени той страны, из которой они передавались. Оригиналы этих дипломатических дописаний, равно как и их расшифровки на английском языке составляют фондовые материалы Форин оффиса и госдепартамента и хранятся в соответствующих архивах. В отличие от российской документальной базы по

этой проблеме (источники советского периода, являясь по понятным причинам зачастую более богатыми и основополагающими для выяснения многих вопросов или их деталей, окончательной расстановки акцентов, в настоящее время готовятся в Институте славяноведения и балканистики РАН к публикации) они давно рассекречены и в значительной части изданы на английском языке⁷. Подборка этих документов в 1989 г. была переведена на венгерский язык и выпущена в Будапеште отдельным сборником, который получил название "Секретные донесения" и неоднократно цитировался в настоящем вступительном материале.

Переведенные нами на русский язык дипломатические документы Великобритании и США российскому читателю практически неизвестны. Настоящая подборка в какой-то мере поможет устранить этот пробел. Она включает документы, взятые из указанных американских, английских и венгерских сборников, а также отдельные донесения, любезно предоставленные нам для использования венгерским историком Иштваном Вида, заведующим отделом послевоенной истории Института истории Венгерской академии наук, в виде ксерокопий с английского оригинала архивных расшифровок, за что автор выражает ему глубокую признательность.

Примечания

¹ Titkos jelentések, 1956. október 23. – november 4. Budapest, 1989. 19–21 old.

² Ibidem.

³ Ibid. 31–34 old.

⁴ Ibid. 60–61 old.

⁵ A kormány és a párt vezető szerveinek dokumentumai // *História*. 1989. 4–5 sz. 32–36 old.

⁶ *Történelmi utunk // Társadalmi Szemle*. 1989. Különszám. 34 old; *Molnár M.* A magyar forradalom a nagy hatalmak árnyékában // *Kritika*. 1990. 11 sz.

⁷ Public Record Office (PRO). London, Foreign Office (FO). 371; Foreign Relations of the United States (FRUS). 1956–1957. Vol. XXV. Eastern Europe. Washington, 1990.

Телеграмма посольства США из Будапешта в Департамент иностранных дел

Отправитель: Э. Барнес

№ 153 и 154

23 октября 1956 г.

продолжение телеграммы 24 октября

В. О.: в полночь

В. О.: 5 час. 30 мин.

Демонстрация студентов, которая в послеобеденные часы прошла мирно на площади Бема¹, позже, когда у Парламента Имре Надь² прознес свою призывающую к сдержанности речь, достигла своего апогея; массы восприняли речь холодно. На протяжении вечера массы собрались в трех местах: у Парламента (сейчас отсюда в основном разошлись), на площади Сталина, где с помощью оснащенных лебедками грузовиков в результате четырехчасовой работы свалили памятник Сталину; у здания профсоюзов и резиденции будапештского радио по улице Шандора Броди, где [с фасадов] удалили красные звезды. По сведениям посольства в ранние вечерние часы в здание [радио] вошла молодежная делегация, и начало стремительно расти возмущение масс, когда эта делегация не возвратилась. Сорок пять грузовиков с солдатами попытались въехать в эту улицу, но когда массы не освободили им дорогу, они миролюбиво отступили. Это действие было замечено в 8 часов вечера. Речь Герё³, которая была краткой и не отличалась миролюбием, прозвучала по радио в 8 часов вечера, как и обещали.

Вечером около 10 часов в районе радио, после того как против масс были использованы бомбы со слезоточивыми и/или с удушающими газами, произошло вооруженное столкновение, а затем бой, и убийства продолжались, в ходе которых студенты и население сопротивлялись отрядам УГБ⁴ и солдат. Студенты захватили грузовики и на них стали разезжать по городу. Двое служащих посольства собственными глазами видели молодого человека, застреленного спереди, который лежал убитым на обочине улицы, покрытый венгерским флагом. Других забирают машины скорой помощи, разезжающие по улицам. В округе видны силы безопасности, и по крайней мере был один случай, когда массы освободили задержанных ими. В районе радио замечены танки около 10 часов 45 мин. вечера. Очень много грузовиков, переполненных военными, приехали в это место около 10 часов 30 минут. Советских сил еще не было видно. Позвонил нам неизвестный и сообщил, что насчитывается около 60 жертв, хотя распространялась весть только о 30–40 убитых; при другом таком же звонке к посольству обра-

шались с просьбой оказать воздействие на правительство в интересах прекращения бойни. Из вторичных источников посольство получило сведения о том, что венгерские [воинские] части отказались стрелять в массы, по безоружной толпе огонь открывали знающие по-русски люди, одетые в форму УГБ.

В городе в целом сохраняется нормальное положение, если не считать ситуацию в районе вокруг радио, и в большинстве мест, осммотренных нами, тихо.

Продолжение телеграммы

Надь выступал с балкона Парламента, его речь долго ждали демонстранты и во время этого ожидания требовали отставки правительства и вывода советских войск [из Венгрии]. Очень часто слышалось скандирование: “Долой Герё!” Не было освещения на протяжении 20 минут и люди жгли экземпляры “Сабад Неп”, как при факельном протесте. На шпиле Парламента погасили красную звезду, так же как за короткое время все остальные красные звезды по городу. Массы вновь требовали Имре Надя. Когда он наконец появился, призывал к терпению и просил дождаться естественного развития событий, которые – как он заявил – приведут к демократизации в Венгрии. Массы почти не слушали его, и Надь сказал: “Вы пригласили меня для того, чтобы я выразил свое мнение, и я сделал это”. Он просил спеть “Созат” [“Национальная песнь”] и разойтись по домам. Реакция масс после его первых умеренных слов оказалась очень прохладной. Посольство убедительно просит, чтобы средства коммуникации пока воздерживались от любой оценки по отношению к Имре Надю.

Средства связи могут использовать сказанное выше, за исключением двух звонков в посольство. Для передачи другим восточноевропейским миссиям – по усмотрению министерства.

Барнес

Оубл.: Titkos jelentések (Далее – ТТ). 35–36. old.

¹ Юзеф Бем – польский генерал, участник освободительной борьбы 1848–1849 гг. в Венгрии против Габсбургов.

² Имре Надь был в 1953–1955 гг. председателем Совета Министров ВНР, с его именем связана попытка в то время реформ. На балконе парламента он оказался по требованию масс и с согласия высшего партийного руководства, будучи еще в опале.

³ Эрне Герё – первый секретарь Центрального Руководства ВПГ.

⁴ УГБ – Управление государственной безопасности ВНР.

Телеграмма посольства США из Будапешта в Департамент иностранных дел

Отправитель: [Э.] Барнес

№ 156

В. О.: 13 час.

24 октября 1956 г.

продолжение телеграммы 25 октября

В. О.: 7 час. 47 мин.

Детали, известные посольству о положении в Будапеште, по следам телеграммы № 154.

23 октября в 22 час. 30 мин. заместитель военного атташе вел наблюдение за четырьмя венгерскими танками, следовавшими из Будапешта по мосту Маргит в сторону Пешта. Военный атташе следовал за ними. Танки шли к зданию Венгерского радио. Командир встал на броню и сказал людям, что танки в Венгров стрелять не будут. В 10 час. 10 мин. заместитель военного атташе видел четыре грузовика с венгерскими солдатами в отдалении от радио всего на несколько корпусов. Солдаты были вооружены, но два грузовика с демонстрантами перекрыли путь конвою. Спустя полчаса военные рассеялись в массе, а демонстранты овладели грузовыми автомашинами военных. Подобные случаи описывали и другие западные наблюдатели. Короче: части Венгерской Народной армии вели себя либо нейтрально, либо помогали, а в отдельных случаях даже передавали свое оружие демонстрантам, объясняя, как надо с ним обращаться.

У посольских и военных наблюдателей создалось впечатление, что многие гражданские лица имеют оружие, однажды видели и патроны к личному оружию. Впечатление посольских и военных наблюдателей таково: большинство частей Венгерской Народной армии перешло на сторону восставших, были и такие части, которые остались нейтральными, но братались с демонстрантами. Самые большие бои по-прежнему ведутся вокруг радио. Гражданские лица, которые брали здание "Сабад Неп", жгли костры перед ним, вломились в советский книжный магазин, выбросили книги на улицу и тоже стали их жечь, затем разгромили магазин Общества советско-венгерской дружбы. Другие группы демонстрантов опрокинули и подожгли или же овладели грузовыми автомашинами сил безопасности. Уличные бригады из гражданских лиц останавливали все виды транспорта, чтобы проверить, не везут ли они солдат госбезопасности. Если не считать, однако, эти инциденты, то повстанцы вели себя дисциплинированно и воздерживались от прочих разрушений. С посольскими и военными предста-

вителями, которые вели наблюдение в районе конфликтов, повстанцы обращались как с соратниками.

Продолжение телеграммы

Около 23 часов начала распространяться весть о том, что в Будапешт прибыли советские танковые части, хотя в действительности эти части пересекли границы города только 24 октября на рассвете около 4 час. 40 мин.

По нашим наблюдениям, Советы¹ используют танки Т-54, далее бронестойкие наступательные орудия, бронемашини и 57-миллиметровые противотанковые пушки. Численность советских вооруженных сил невозможно точно определить, но 36 танков видел персонал посольства собственными глазами. Донесение невысокого уровня говорит о том, что на улице Юлши зафиксировано 80 танков. По оценочным данным, здесь находится по меньшей мере целый танковый полк.

Утром по радио от имени Имре Надя было объявлено чрезвычайное положение, а с 10 часов введен также и комендантский час до 14 часов, однако венгерское гражданское население беспрепятственно продолжало ходить по улицам. Надя сказал, что правительство попросило помощи советских войск. В 8.40 в посольство позвонил кто-то, назвавшийся повстанцем, и сообщил, что УГБ все еще ведет бой в здании радио вместе с советскими войсками, которые пытаются взять под свой контроль ситуацию; по улицам, согласно рассказам, лежат убитые, число которых неизвестно. Гражданские лица оказывают сопротивление советским частям на улице Академнай и у здания Министерства обороны. Посольские и военные сотрудники прекратили наблюдение за конфликтом в 3.15, когда советских войск еще не было видно.

В первой половине дня улицы заполнили мрачно настроенные граждане, видно много советских и венгерских (очевидно из сил безопасности) патрулей, все еще слышатся выстрелы.

Министерство иностранных дел [Венгрии] предупредило австрийского посла, что он может на свой страх и риск пренебрегать комендантским часом.

Следующие телеграммы будут как только это позволят средства связи.

Барнес

Оубл.: ТЛ. 36-37. old.

¹ В документах здесь и далее это означает Советский Союз или советское руководство.

Фрагменты телексов, отправленных посольством США из Будапешта для Департамента иностранных дел

25 октября 1956 г.

... 25 октября: на улицах находится масса людей, городской центр и особенно берег Дуная с пештской стороны переполнены советскими танками и войсками. Аппарат [посольства] США передвигается без затруднений. В 10 часов на улице Сталина замечено большое передвижение танков. В 10.30 большие массы людей прошли перед посольством к северу в направлении Парламента.

Из района Парламента слышны частые орудийные выстрелы. Отдельные работники посольства сообщают, что несколько советских танков перешли на сторону масс, на танках люди, венгерские флаги. Будапештское радио сообщило, что в городе стреляют отдельные изолированные группы, и советовало людям не выходить на улицы. Советские танки только что рассеяли большую толпу людей возле Парламента выстрелами в воздух над головами людей. Несколько танков, контролировавших положение, сейчас выведены из района Парламента...

* * *

То, что началось во вторник в Будапеште как демонстрация протеста, еще в тот же вечер превратилось в революцию. Вчера из нее выросло нечто такое, что можно назвать маленькой войной, [это произошло] после того как русские¹ войска были приглашены "для восстановления порядка".

Сегодня в полдень на площади перед Парламентом лежало много мертвых и умирающих венгерских мужчин и женщин, застреленных советскими танками². Революция, однако, казалась еще незавершенной. Новые массы молодых демонстрантов собрались на площади Сабадшаг вблизи американского посольства на расстоянии всего лишь нескольких домов от Парламента. Они несли венгерские знамена и скандировали: "Долой Герё!" Через час Герё был снят с поста главы венгерской коммунистической партии, и на его место заступил Янош Кадар.

Кровопролитие перед Парламентом произошло после того, как туда приехало несколько сот демонстрантов на грузовиках, бронемашинах и даже на русских танках. "Русские с нами! Они говорят, что не хотят стрелять в венгерских рабочих", – кричали они корреспонденту.

Экипажи русских танков, казалось, подтверждают это заявление, они улыбались и махали руками...

* *
*

Около часа ситуация была совсем сумбурной. Несколько венгерских солдат – как оказалось – перешло на сторону повстанцев. Другие, – так же как и русские, – подчинились приказу подавить восстание. Сегодня повстанцы были без оружия. Для того, чтобы противостоять моторизованной силе русских и венгерской тайной полиции, они не располагали ничем, кроме венгерских знамен и собственных тел. Когда на площади Сабадшаг появился грузовик с венгерскими солдатами, которые предупреждали демонстрантов: “Мы вооружены!”, один из демонстрантов высоко поднял находящееся в его руках знамя и ответил так: “Все наше оружие – это знамя!”

Оубл.: Т. 43–46. old.

¹ Здесь и далее в документах по сути это синоним термина “советские”.

² Эти сведения не точны. Убитых и раненых действительно было много, но они пали не от рук советских солдат, а в результате пулеметного огня, который велся с крыши и балконов общественных зданий, расположенных возле парламента и находившихся тогда под усиленным контролем УГБ.

Документ № 4

Телеграмма посольства Великобритании из Москвы для МИДа

Отправитель: сэр У. Хайтер [посол Великобритании в СССР]

№ 1475 и NH 10110.12

В. О.: 15 ч. 30 мин.

Внеочереди Конфиденциально

В. О.: 16 ч. 30 мин.

27 октября 1956 г.

Советская печать сегодня публикует краткое сообщение ТАСС из Будапешта, утверждая, что восставшие все больше изолируются, а правительство контролирует ситуацию. Сообщается также, что объявлена амнистия.

До сих пор нет упоминаний о том сообщении, что венгерское правительство желает вести переговоры с советским правительством о выводе советских войск из Венгрии.

Отличные русскоязычные передачи Би-би-си о Венгрии здесь принимаются хорошо, и можно легко себе представить, какое они оказывают воздействие.

Публичное поведение советских руководителей точно такое же, как всегда, внешне они ведут себя так, как будто ничего не произошло, но с ними невозможно вступать в разговор на эту тему. На одном из приемов вчера Хрущев невольно дал мне возможность спросить его, есть ли какие-нибудь новости из Будапешта. Он раздраженно ответил, что трудно знать, что там происходит, но в военном отношении положение, кажется, находится в хороших руках, хотя "политические и общественные взаимосвязи" еще не упорядочены.

Прошу, чтобы Министерство иностранных дел передало Будапешту информацию по моей телеграмме № 5, а по усмотрению также Варшаве, Бухаресту, Праге, Софии, Белграду и Вашингтону, как и информацию по телеграммам № 40, 9, 23 и 200.

Архив: PRO FO 371, arch. № 12274, NH10110/12; см. также TJ.66. old.

Документ № 5

Телеграмма посольства Великобритании из Москвы для МИДа

Отправитель: сэр У. Хайтер
№ 1502 и NH 10110/167
29 октября 1956 г.
Срочно Конфиденциально

В. О.: 21 ч. 10 мин.
В. П.: 22 ч. 10 мин.

К моей телеграмме № 1500: Венгрия.

На приеме, где состоялся разговор, Булганин и Хрущев были более приветливы, чем обычно к послу Соединенных Штатов и ко мне. Никто из них не сделал даже намека в связи с шагами С[овета] Б[езопасности]. От ответов на вопросы, связанные с Венгрией, они уклонились.

Послу Соединенных Штатов Жуков подтвердил как остающееся в силе решение о том, что ЦК КПСС раньше декабря на заседание не соберется и что это решение отношения к польским и венгерским событиям не имеет. Однако, очевидно, что вчера около полудня заседал Президиум [весьма необычно по теперешним временам, чтобы этот орган заседал по воскресеньям]. Посол Соединенных Штатов считает вероятным принятие на заседании решения о поддержке Нады и о том,

что относительно использования советских войсковых частей определяющим будет считаться то, что тот предлагает. Это, естественно, является лишь предположением, однако определенные публичные высказывания советских руководителей, в частности в беседе с послом Соединенных Штатов, и поведение советской печати по отношению к Надю свидетельствуют, что советская политика готовится сделать ставку на него¹, как и на Гомулку, доверяя его правительству восстановление порядка в Будапеште, если это ему удастся. Видимо, опираясь на И. Надя, Москва рассчитывает добиться того, чтобы в соответствии с Варшавским договором советские войска могли оставаться в Венгрии.

Прошу Министерство иностранных дел передать прежде всего Будапешту и делегации Объединенного Королевства в ООН в Нью-Йорке информацию по телеграммам № 12 и 11, а также по усмотрению – Варшаве, Вашингтону, Праге, Софии и Бухаресту, как и по телеграммам за №№ 65, 207... 16 и 15.

Архив: PRO FO: 371, arch. 12276, NH 10110/167; см. также TJ 69–70. old.

¹ Данное предположение посла не оправдалось.

Документ № 6

Телеграмма посольства США из Будапешта в Департамент иностранных дел

Отправитель: Барнес [поверенный в делах посольства США в Венгрии]

№ 177

В. О.: 20 час. 00 мин.

29 октября 1956 г.

Если откровенно оценивать фактическую обстановку, то нынешняя совершенно ненормальная. Она заключается в следующем: Советы с тремя моторизованными дивизиями удерживают под контролем Будапешт, хотя в городе еще сохраняется несколько точек упорного сопротивления. Советские части в данный момент сосредоточены в различных ключевых регионах и перекрывают мосты. Кажется, что они заняли оборонительную позицию. И все же находящиеся ныне в стране советские части, по оценочным сведениям, достаточны для того, чтобы, если будет решение на такую политику, подавить националистов. Сей-

час большой вопрос: какой сдерживающий фактор не дает им выбрать такое решение.

В этой связи одно предположение: уравнивающее воздействие советских теоретиков – сторонников политики железной руки, с одной стороны, и умеренной поддержки – с другой. Если такое предположение верно и реакция Запада на этот кризис, что называется, с дрожащими коленями¹, это может склонить чашу весов в пользу сторонников железной руки. Посольство предлагает, чтобы давление на Советы было весомым и проявлялось в разнообразных формах, которые, по вашингтонским оценкам, соразмеримы с риском.

Барнес

Архив: FRUS, p. 329; TJ. 70. old.

¹ Т. е. неуверенная, нерешительная.

Документ № 7

Телеграмма посольства Великобритании из Москвы для МИДа.

Отправитель: сэр У. Хайтер

№ 1500 и NH 10110.158

29 октября 1956 г.

Срочно Конфиденциально

В. О.: 21 ч. 08 мин.

В. П.: 21 ч. 40 мин.

Посол Соединенных Штатов вечером на одном из приемов имел беседу с Жуковым. Он направит свой отчет также послу Соединенных Штатов в Лондоне, но основные пункты следующие:

Жуков отрицает отправление в Венгрию каких-либо подкреплений из-за границы. Он сообщил, что достаточны те силы, которые находятся там. Эти силы подчинены не ему, а находятся под командованием министерства обороны Венгрии.

Он сообщил, что советские части будут выведены из Будапешта тогда, когда венгерское правительство сочтет, что этого требует ситуация. Венгерское правительство, однако, до сих пор еще не сделало такого заявления. Передачи Би-би-си в этом плане вводят в заблуждение.

Вывод советских войск из Венгрии это вопрос другой. Это касается Варшавского пакта.

Прошу министерство иностранных дел передать срочно Будапешту и делегации Объединенного Королевства в ООН в Нью-Йорке,

равно как и телеграммы № 11 и 10, а также по усмотрению Вашингтону, Праге, Софии и Бухаресту так же, как и телеграммы № 205, 15, 14 и 13.

Архив: PRO FO 371, arch. № 12276. NH 10110/158; см. также TJ. 71. old.

Документ № 8

Телеграмма посольства США из Москвы в Департамент иностранных дел

Отправитель: Ч. Болен [посол США в СССР]

№ 779/546

без указания даты [вероятно 30 октября 1956 г.]

Секретно Для ограниченного круга

Сегодня вечером на организованном в Кремле приеме Жуков прямо сказал мне, что даны указания советским войскам покинуть Будапешт. С учетом важности его заявления я привожу дословно: "Мы уже дали приказ советским вооруженным силам, чтобы они оставили город". Затем он сделал жест, выражающий нетерпение: пусть [венгры] решат все между собой.

Это заявление прозвучало в связи с тем, что я поинтересовался у Жукова по поводу его вчерашнего заявления, согласно которому советские войска за последние 48 часов не открывали огонь. В то же время все западные радиостанции проинформировали о том, что в Будапеште действует советская артиллерия. Жуков это полностью отрицал и дополнил процитированным выше заявлением о выводе военных частей из города. О том, что возможен вывод войск из Венгрии, он ничего не говорил. Решать это, – как мне он об этом сказал в частной беседе, а также заявлял публично, – является делом Варшавского Договора.

Прежде чем я успел спросить у него, можно ли понимать его заявление так, что в городе достаточно спокойно для того, чтобы Надя взяла верх или же, несмотря на сложившуюся ситуацию, Советы будут действовать в соответствии с пожеланиями Нады, появился и включился в разговор Молотов, повернувший на ближневосточную тематику; об этом рассказу в последующем послании.

Только события покажут, насколько было важным заявление Жукова. Я же в свою очередь могу сказать, и это совершенно однозначно,

что сегодняшнее заявление Жукова прямо-таки противоречило вчерашнему его заявлению по предмету, обозначенному в данной телеграмме.

Советские руководители, включая Хрущева, Булганина, Молотова и Кагановича, были заметно более угрюмыми, чем накануне, и возможно, что заявление Жукова, по сравнению со вчерашним, означает неожиданную модификацию позиций, вытекающую из таких возможных [вариантов] событий в Венгрии, о которых мы здесь не знаем.

Болен

Опубл.: ТТ. 81-82. old.

Документ № 9

Инструкции МИД Великобритании для постоянной делегации Объединенного Королевства в НАТО в Париже

№ 566

В. О.: 21 час. 30 мин.

30 октября 1956 г.

Срочно Конфиденциально

Венгрия.

Ниже даем указание к заседанию Североатлантического Союза 31 октября.

2. С 28 октября не имеем сведений о передвижениях советских войск по Венгрии. Связь с приграничными районами затруднена, поэтому все же возможно прибытие значительных сил подкрепления; имеются свежие сведения о тяжелых орудиях в Будапеште. Идентифицировать точно возможно, однако, лишь бронетанковый полк, прибывший со стороны Румынии 24 октября; сообщения из провинции свидетельствуют, однако, о том, что в страну вводятся [новые] советские военные формирования со стороны Украины и Чехословакии; последние, очевидно, прибыли из Польши. В численном выражении невозможно определить, сколько солдат насчитывают советские войска в Венгрии.

3. Советские вооруженные силы в провинции, по всей вероятности, меньше участвуют в боях, если только на них не нападают. О многих командирах на местах ходят слухи, что они заключили перемирие с местными националистическими силами. В боях же львиная доля участия принадлежит советским [вооруженным силам]. Последние сообщения [в 10 часов утра 30 октября] свидетельствуют о том, что советские

вооруженные силы в Будапеште получили подкрепление. Советские войска от случая к случаю действовали самым беспощадным образом.

4. Часть венгерских вооруженных сил, кажется, перешла на сторону националистов¹. По крайней мере в том аспекте, что они передали им оружие. Представляется, что на стороне коммунистов активно борется только государственная полиция безопасности. Но даже из их числа некоторые перешли [на сторону повстанцев]; в целом же история деятельности полиции безопасности – это что-то ужасное.

5. Правительство, по-видимому, с самого начала не контролирует положение с тех пор, как полиция² возле Радио открыла огонь по демонстрантам, в результате чего и началась борьба³. С тех пор все пытаются убедить националистов сложить оружие с тем, что обещают им уступки, например вывод советских войск, амнистия, перемены в правительстве. Используется различная стратегия: так, призывают сложить оружие, а затем заявляют, что националисты уже сложили его, или же что в различных частях города уже восстановлен мир. Националисты не доверяют обещаемым мнимым уступкам. Последующие события опровергли почти все сообщения будапештского радио.

6. Большая часть страны, за исключением Будапешта, контролируется националистами, очевидно, в сотрудничестве с местными коммунистами. Маловероятно, чтобы они удовлетворились меньшими уступками, чем достигли до сих пор. Например, они настаивают на том, что сложат оружие лишь в случае, если советские войска будут выведены из Венгрии. Это безусловно мудрое дело, но вопрос в том, готов ли Надь пойти на такие уступки, ведь он сам, во всяком случае номинально, несет ответственность за приглашение [в страну] советских войск⁴. И Жуков в разговоре с послом Соединенных Штатов сказал, что вопрос о выводе советских войск из Венгрии – это компетенция всех членов Варшавского Договора.

7. Положение Надь прямая противоположность положению Гомулк в Польше. Народного героя к власти там подняла Польская коммунистическая партия и дала ему возможность своевременно провозгласить программу реформ, в результате чего национальные чувства вошли в русло при его поддержке, а не вопреки ему.

8. Относительно детального анализа перспектив смотри исследование Комитета России, сигнальный экземпляр которого уже находится у Вас. Короче, советские руководители вынуждены выбирать между следующими возможностями: долговременное и беспримерное по своим масштабам подавление или же такие уступки, которые могут только ослабить позицию Советов среди своих сателлитов.

9. Относительно очередного шага в Объединенных Нациях смотри телеграмму № 1395 к делегации Объединенного Королевства в Нью-Йорке; она же направлена и в парижское посольство.

¹ Венгерских повстанцев, участников национально-демократического движения.

² Отряды госбезопасности.

³ Т.е. началось вооруженное восстание, борьба против сталинистского партийно-государственного руководства.

⁴ Данное предположение явно ошибочное, ибо Надя фактически не участвовал в приглашении советских войск. Они были введены в столицу по просьбе первого секретаря Центрального руководства с целью устрашения непокорных масс.

Опубл.: Т. 87–89. old.

Документ № 10

Телеграмма посольства США в Будапеште для Департамента иностранных дел

Отправитель: [Э.] Барнес

№ 200

31 октября 1956 г.

В. О.: очевидно ночью
с 30-го на 31 октября

Текущие изменения, наступившие к сегодняшнему утру в Будапеште, позволяют практически с уверенностью утверждать, что венгерская революция является свершившимся фактом. Личные наблюдения, содержание газетных статей, радиопередач склоняют к тому, чтобы подтвердить полный вывод войск Советов из города, который явно находится под защитой венгров. Заявление Надя [смотри телеграмму посольства № 176] подтверждается сообщением ТАСС о том, что Советы начнут переговоры о выводе войск из Венгрии, в реальность которого население поначалу вовсе не верило. Поворотным пунктом, по нашему мнению, здесь, однако, послужил тот факт, что действительно начался вывод войск¹.

Во время событий на прошлой неделе посольство сомневалось в возможности осуществления без самой сильной западной поддержки того, что сейчас происходит. То, что это все-таки сейчас имеет место, является новым подтверждением громадной силы народного движения, которое несомненно оказывает глубокое воздействие на советскую политику. Представляется логическим предположить, что Советы – после их одностороннего решения сдать боевые позиции столицы без получения гарантий того, какого характера станет наконец правительство,

создающееся после этого, – серьезно взвешивают возможность выйти за относительно короткое время из Венгрии².

Судя по поведению венгерских войск, посольство считает, что общественный порядок в разумных рамках [в стране] будет поддерживаться. Сегодня утром³, однако, партизаны⁴ уже начали гонения отрядов УГБ⁵, местами были слышны перестрелки, что некоторое время, очевидно, и будет продолжаться. Насколько посольству известно, до сих пор практически не было грабежей, нет сведений также о каких-либо проявлениях антисемитизма.

Будущее в политическом плане, естественно, является более туманным. По сведениям посольства, социал-демократы сейчас проводят свои заседания, чтобы избрать членов коалиционной группы⁶. От партизан посольство имеет сведения о том, что население удовлетворится только западной демократией американского типа. Во всяком случае сегодняшняя коалиция представляется правительством переходным, которое будет зависеть от появления более стабильных политических партий. Быстрота и характер этого процесса еще совершенно не ясны.

Не ясна [повторяю: не ясна] и роль Соединенных Штатов в Венгрии, но представляется вполне определенным, что она будет сильно отличаться от старой; венгерское Радио сегодня в первой половине дня справлялось по телефону относительно бюллетеней, содержащих зарубежные новости, и посольство попытается получить их по телексу из Вены.

Сегодня утром наше первое мнение, которое можно считать лишь весьма предварительным, состоит в том, что было бы желательно в ближайшем будущем сделать президентское заявление. Оно выражало бы готовность США выступить с инициативой оказания немедленной экономической помощи [Венгрии], а за ним последовали бы более широкие политические и экономические переговоры. Высылаем предложения к такому заявлению.

Опубл.: ТГ. 98–99. old.

¹ Но только из Будапешта, а не из страны в целом; как раз в это время начался ввод дополнительных советских войск на территорию Венгрии.

² Данное предположение посла ошибочно. Серьезных намерений у Кремля относительно вывода войск из Венгрии никогда не было, а начатые об этом переговоры являлись лишь отвлекающим маневром.

³ На деле это произошло 30 октября и отражало фактическую ситуацию на тот день.

⁴ Повстанцы.

⁵ УГБ с 28 октября было официально распущено правительственным указом с предварительного и единогласного одобрения высшего партийного руководства.

⁶ Имеется в виду состав коалиционного правительства И. Надя, в которое СДПВ еще не выделила тогда своего представителя.

Донесение посольства США из Москвы Департаменту иностранных дел

Отправитель: Ч. Болен

№ 992

31 октября 1956 г.

Вчера после обеда было два приема: один по случаю национального праздника Турции, второй – в посольстве Афганистана по случаю пребывания [в СССР] премьер-министра [страны]. Хрушев, Булганин, Молотов и Шепилов присутствовали на обоих, на турецком, кроме них был и Жуков. Хотя с британским послом мы попытались выйти за рамки привычной вежливости, Булганин и Хрушев ни на одном из приемов не поддались нашим попыткам. Они, очевидно, не хотели, чтобы видели их втянутыми в разговор со мной или с Хайтером.

Советское руководство в целом, казалось, пребывает в намного лучшем настроении, чем в предыдущих двух случаях. Вчера, очевидно, состоялось заседание всего Президиума ЦК КПСС, т. к. британский посол видел изрядное число ЗИСов, въезжающих в Кремль, и советское правительство, видимо, решило, как подойти к венгерскому вопросу. В ходе наших бесед было затронуто несколько интересных позиций, о которых пойдет дополнительное донесение, однако по теме Венгрии мне удалось поговорить более продолжительно только с маршалом Жуковым, который у турок также искал меня.

Жуков строго придерживается партийной линии, и это чувствовалось по его замечаниям относительно венгерской ситуации, в которых небылицы и полуправда перемешивались с определенными элементами фактов. Я спросил Жукова о предыдущем вечернем выступлении Нады по радио, в котором тот заявил, что советские войска немедленно покинут Будапешт и начнутся переговоры об их полном выводе из Венгрии, – прозвучало ли оно с согласия советского правительства и отражает ли действительные советские намерения. Жуков ответил, что Надя высказался не в том плане, что войска незамедлительно покинут Будапешт. Он добавил, что советские войска вошли в столицу по просьбе венгерского правительства и останутся там до тех пор, пока последнее считает это нужным, т. е. пока “не будет восстановлен порядок”. О всеобщем выводе войск он сказал, что эту тему должны обсудить все члены Варшавского пакта, и мне лично он повторял то, о чем говорил для печати.

В связи с ситуацией Жуков далее заявил мне следующее:

1. "Ныиче" не посланы никакие советские подкрепления в Венгрию, т. к. и без этого там достаточно наших войск для реализации целей. Я поставил под сомнение данное заявление, указывая на то, что на сей счет имеется и другая информация и что, по моим сведениям, советский представитель в ООН не опроверг утверждение британского поверенного о прибытии в ВНР подкреплений из Румынии. Жуков сказал, что он не читал дискуссии в СБ¹, но подтвердил свое прежнее заявление.

2. Он отметил, что советские войска открыли огонь лишь после того, как повстанцы убили нескольких офицеров, и что за последние 48 часов с советской стороны огонь не открывался. Я повторил, что располагаю противоположными сведениями, но Жуков назвал их ошибочными [Би-би-си сегодня утром сообщила, что советская артиллерия в Будапеште ведет обстрел казарм].

3. Он утверждал, что советские войска в Будапеште находятся не под его командованием, а подчиняются венгерскому министру обороны².

4. Советские формирования действуют только в Будапеште, и они не выступают против новых органов [революционной власти] на местах, которые возникли в различных частях Венгрии.

5. Не дожидаясь моего вопроса, Жуков сказал, что вопреки сообщениям зарубежной печати не было ни единого случая, когда советский солдат перешел бы на сторону бунтовщиков.

Таким образом, Жуков пытался по-военному взять под защиту советские войска, заявив, что он не политик, а армия для того и существует, чтобы выполнять полученные приказы. В соответствии с принятой линией он пытался представить нынешнее выступление венгров в качестве контрреволюционного путча, отмечая, что когда правительство³ одной из стран-участниц Варшавского пакта обращается за помощью к Советам, они не могут ей в этом отказать. Жуков риторически спросил, что произошло бы в подобной ситуации в лобом из союзов? На это я ему ответил, что в Североатлантическом договоре нет такого пункта, который позволял бы использовать иностранные войска для вмешательства во внутренние дела [своих союзников]. На это он ответил, что поддержка дела социализма в Восточной Европе является задачей Варшавского пакта, из чего вытекает и защита социалистических правительств от всяческой угрозы. Мое замечание, что, насколько мне известно, в тексте Варшавского договора нет ничего, что оправдывало бы вмешательство во внутренние дела, Жуков парировал утверждением, что договор "предусматривает" такие акции. Он попытался поставить акцент, правда в довольно мягкой форме, на "иностранные связи" повстанцев, отметив, что они захватили много

американских винтовок и германских снарядов. Жуков, однако, не утверждал, что это, якобы американское, оружие послано нами, хотя и заметил, что речь идет, очевидно, о тех запасах периода второй мировой войны, которые из Австрии контрабандным путем попали в Венгрию.

Он выразил сожаление, что три западные державы вынесли на Совет Безопасности "венгерский вопрос", хотя то, что там происходит, является внутренним делом ВНР. Это утверждение я тут же поставил под вопрос, отметив, что чего же другого Жуков ожидал, когда войска СССР откровенно вмешались в венгерские дела, что и придало упомянутому им вопросу сильный международный резонанс. На это ответа не последовало.

В связи с предстоящей советской политикой Жуков не пошел дальше того заявления, что войска незамедлительно будут выведены из Будапешта, как только этого попросит венгерское правительство или же наступит фактическое прекращение огня. [Шепилов⁴ в целом говорил то же самое для печати, а сегодня утром Би-би-си передала, что он пошел дальше, заявив: войска останутся в Будапеште до тех пор, пока бунтовщики не сложат оружие].

Говоря о венгерских событиях, Жуков сделал ряд интересных замечаний в связи с польской ситуацией. В подтверждение тому, что Советы не желают вмешиваться во внутренние дела, он в качестве доказательства привел случай с Польшей, куда не бросили войска, хотя для этих целей было больше чем достаточно сил расквартировано в Восточной Германии, Белоруссии и в самой Польше. Здесь он словно загорелся, подчеркнув, что "эти" могут запросто раздавить их как мух. Когда я спросил, что означает "эти", он уклонился от прямого ответа, сказал только, что Советы проявили большую сдержанность в отношении Польши. Жуков заметил, что Конев был им направлен в Восточную Германию для того, чтобы тамошние войска не сдвинулись со своих мест и не вторглись в Польшу. Тем самым он подтвердил то, о чем давно догадывались: советское правительство в очень серьезной форме обсуждало вопрос об использовании силы в Польше. Жуковские слова, быть может, являются ссылкой и на то, что армия настаивала на вмешательстве [и в польские дела].

Никак не могу определить, прав ли Жуков в утверждении, что советские войска ограничивают свои действия только Будапештом и что они не вторглись в другие города страны, где контроль находится в руках национальных сил. По общей тональности его высказываний, по смыслу сделанных им и Шепиловым заявлений для печати можно, однако, предполагать, что имеется твердая советская решимость до конца поддерживать правительство Надя⁵. Хотя возможно, если спро-

тивление [венгров] будет сломлено прежде всего в столице, то произойдет его самоликвидация в провинции и в других городах, а это вселяет надежду, что удастся избежать полной советской военной оккупации Венгрии. В свете этого представляется, что вечернее заявление Надя 28-го октября о выводе советских войск из Будапешта не что иное, как хитроумная уловка, предпринятая при помощи Советов и преследующая цель склонить восставших к прекращению огня.

Поскольку сегодня вечером на приеме в Кремле встречусь с Жуковым, надеюсь, что смогу получить срочные и достоверные разъяснения в связи с теми, сделанными в беседе со мной, заявлениями, которые относятся к действиям советских войск, в частности, о том, каково положение с подкреплениями и ограниченностью их акций в Будапеште.

[Лондону: Свои разговоры с Жуковым я кратко суммировал британскому послу, и он попросил меня предоставить по возможности это донесение и Форин оффису. В этой связи предлагаю передать им те отрывки из донесения, которые касаются высказываний Жукова, но без моих замечаний, повторяю: без них.]

Болен

Оубл.: FRUS. P. 335-338; TJ. 83-86. old.

¹ Совет Безопасности ООН.

² На деле это была компетенция командующего войсками ОВД.

³ Венгерское правительство не обращалось с такой просьбой, а звонил по телефону Э. Герё, лидер ВПТ.

⁴ Министр иностранных дел в тогдашнем правительстве СССР.

⁵ Такая оценка свидетельствует о непонимании реальной ситуации в Венгрии. Советские руководители Надю фактически не доверяли, а американцы считали его ставленником СССР.

Документ № 12

Телеграмма посольства США из Будапешта в Департамент иностранных дел

Отправитель: [Э.] Барнес

№ 201

31 октября 1956 г.

Если будет принято решение о заявлении президента по "венгерскому вопросу", предполагали бы, чтобы оно базировалось в основном на следующем рассуждении:

Весь мир внимательно следит за драматическими событиями в Венгрии, где, как бывало уже неоднократно, венгры отдают жизни за то, чтобы стать независимыми от иностранных господ. Мы видим, что сегодня миру предстает новая Венгрия: та, которая – от всего сердца надеемся на это – будет пожинать плоды всех благ своего национального возрождения. Быть свидетелем исторического события, когда целый народ возрождается к новой жизни, – это весьма трогательно и создает исключительное впечатление.

Соединенные Штаты уже присоединились ко многим другим государствам, чтобы направить медикаменты для раненых в Венгрии. Оказание экономической помощи станет предметом незамедлительного обсуждения, и надеемся, что наши связи с Венгрией начнут развиваться во всех областях в самое ближайшее время.

Барнес

Опубл.: Т. 99. old.

Документ № 13

Телеграмма посольства США из Будапешта в Департамент иностранных дел

Отправитель: Барнес

№ 198

31 октября 1956 г.

Приоритетно

Служащие посольства в первой половине дня объездили центр города на машине. Гораздо меньше видно русских танков, два моста освобождены, а зафиксированные вчера боевые артиллерийские позиции опустели. Партизаны свободно прохаживаются повсюду на увиденных нами улицах, и они проверяют машины. Советские части еще стоят у Министерства обороны, у здания УГБ и в районе партийной академии, венгерские же части, кажется, выполняют роль защитников Советов рядом с постами на перекрестках улиц. На венгерскую армию возлагается поддержка общественного снабжения, для этого ей приданы гражданские грузовики. Идет постоянная раздача продуктов питания; войска и партизаны совместно поддерживают общественный порядок, между ними имеется молчаливое согласие, так что партизаны соблюдают порядок в тех местах, где они боролись, в то же время армия вводится туда, откуда вышли Советы, и она берет эти места под свой

контроль. На основании услышанного нами от венгерских служащих посольства подтверждается то впечатление, что за исключением отдельных ключевых позиций нет присутствия Советов. Будапештское радио передало, что они уходят, персонал посольства ночью слышал передвижение войск; известие о всеобщем выводе [советских войск] из города практически подтверждается, и было также одно неподтвержденное сообщение о том, что несколько советских солдат видели в венгерской форме. Дальнейшая информация и комментарий следует.

Барнес

Опубл.: TJ. 100. old.

Документ № 14

Телеграмма посольства Великобритании из Будапешта для МИДа и Уайтхолла

Отправитель: м[исте]р Л. А. Ч. Фрай, посол Великобритании в Венгрии

№ 536 и NH 10110/233

1 ноября 1956 г.

Вне очереди

В. О.: 18 ч. 04 мин.

В. П.: 18 ч. 38 мин.

Передать для информации: делегации Объединенного Королевства в Нью-Йорке [вне очереди], Москве [вне очереди], Вашингтону [срочно], Парижу [срочно], Вене [срочно], Варшаве [срочно], Белграду [срочно], Бонну [срочно], Праге [приоритетно], Бухаресту [приоритетно], Софии [приоритетно].

Срочно пригласили в [венгерское] Министерство иностранных дел и сообщили, что в районе Закарпатья границу Венгрии пересекли новые советские [воинские] формирования. М[исте]р Имре Надь, председатель Совета министров и министр иностранных дел выразил резкий протест по этому поводу русскому послу. Он потребовал немедленного удаления этих войск и заявил, что венгерское правительство выходит из Варшавского Договора и провозглашает нейтралитет страны. Советский посол пообещал передать ноту своему правительству, дал согласие и на то, чтобы попросить незамедлительного ответа. М[исте]р Надь готовится эти известия по радио довести до [до сведения своей] нации, сказал служащий Министерства иностранных дел. Вместе с тем Надь выразил пожелание, чтобы его вербальную ноту я передал правительству Её Превосходительства.

Он передал ноту, написанную на французском языке. В ней говорится больше, чем было мне сказано, поскольку венгерское правительство обращается к Организации Объединенных Наций и просит помощи четырех великих держав для защиты нейтралитета Венгрии.

Это, как мне сказали, означало бы такие же гарантии, какими располагает Австрия.

3. Полный текст вербальной ноты передам во внеочередной срочной телеграмме.

Архив: PRO FO 371, arch. № 122379, NH 10110/233; см. также TJ. 107. old.

Документ № 15

Телеграмма посольства США из Будапешта для министра Департамента иностранных дел

Отправитель: Барнес

№ 210

В. О.: 22 час. 00 мин.

1 ноября 1956 г.

По оценкам посольства, самым существенным для Венгрии является сейчас срочное восстановление законности и порядка, потому что, как представляется, от этого зависят соответствующие политические процессы и, кроме того, это может служить причиной возможной советской реакции. Идеальным было бы, видимо, такое развитие [событий], чтобы восторжествовал законный порядок, народ принял бы современное правительство в качестве временного, а последнее начало бы безотлагательные подготовительные усилия к проведению всеобщих выборов спустя несколько месяцев после вывода советских войск.

Мы не располагаем сведениями о сегодняшней позиции Советов, но все же должны напомнить, что советские войска не ушли далеко от города; продолжение же анархии или возникновение ультраправых устремлений в предстоящие дни вряд ли понравится Советам, если они вообще взвешивают возможность второй интервенции, то такого рода развитие [событий] может, вероятно, подтолкнуть к превращению этой возможности в действительность.

Барнес

Опубл.: TJ. 111-112. old.

Телеграмма посольства Великобритании из Москвы для МИДа

Отправитель: сэр У. Хайтер
№ 1533
2 ноября 1956 г.
Срочно Конфиденциально

В. О.: 13 час. 00 мин.
В. П.: 13 час. 29 мин.

Считаю маловероятным, что советское правительство намерено дать задний ход в Венгрии. Если бы оно поступило так, то это явилось отказом от его собственного, очерчивающего политику по отношению к сателлитам, заявления от 31 октября¹ (моя телеграмма № 1519), от того заявления, которое до сегодняшнего дня получает здесь столь широкий отклик и которое сегодня поддержано китайским правительством, подчеркивающим на сей раз семь особенностей проявления у СССР в прошлом "великодержавного шовинизма" по отношению к своим сателлитам. Вдобавок такой шаг сделал бы бессмысленной ту очень жесткую политику, которую представляет советское правительство в отношении Суэца.

2. Поэтому думаю, что можно не считаться с очередными возможностями "указанными в пункте "с" и "е" телеграммы мистера Фрая, — они маловероятны, хотя полностью исключить их тоже нельзя. Пункт "в" возможен, но зависит от того, имеет ли под собой какую-то базу на месте; при первом приближении пункт этот тоже представляется мне не особенно убедительным.

3. По моему мнению, наиболее вероятные объяснения следующие:

- а) нет никаких подобного рода движений (могу себе представить, какая неразбериха царит теперь в Венгрии), или
- б) русские вводят дополнительные силы для того, чтобы прикрыть свое отступление.

Пусть министерство иностранных дел срочно переправит Будапешту, а также первоочередно в Нью-Йорк для делегации Объединенного Королевства, по усмотрению Парижу, Вашингтону, Вене, Варшаве, Белграду и Бонну, как и телеграммы № 14, 15, 186, 213, 2, 48, 30 и 49.

Опубл.: ТЖ, 115-116. old.

¹ Фактически заявление от 30 октября 1956 г., а 31-го оно было опубликовано.

Телеграмма посольства Великобритании из Москвы для МИДа

Отправитель: сэр У. Хайтер

№ 1540

2 ноября 1956 г.

Срочно Закрытый материал

В. О.: 19 час. 14 мин.

Мои телеграммы № 1537–201: Будапешт

Посол Соединенных Штатов вечером спросил у Булганина, что намерено предпринимать советское руководство в связи с просьбой венгерского правительства. Булганин ответил, что вчера предложили венгерскому правительству создать совместный советско-венгерский правительственный комитет для изучения всего комплекса вопросов, связанных с пребыванием советских войск в Венгрии. Венгерское правительство в сегодняшнем ответе приняло это предложение.

2. Булганин сказал, что ситуация в Венгрии все еще очень напряженная, но перестрелки, по крайней мере, уже прекратились. Он вновь отрицал отправку или намерение отправить в Венгрию новые советские подкрепления, но сделал это таким образом, что оно звучало не особенно убедительно для моего коллеги из Соединенных Штатов. Жуков вовсе не был склонен разговаривать на эту тему, и посол Соединенных Штатов теперь гадает, не является ли армия сторонником проведения более жесткой линии в Венгрии, чем сама партия.

3. Микоян возвратился [из Венгрии], но Хрущева по-прежнему не видно. Булганин сказал, что "он дома"¹.

Министерство иностранных дел пусть срочно передаст также Будапешту, приоритетно делегации Объединенного Королевства в Нью-Йорке и по усмотрению Вашингтону, Парижу, Вене, Варшаве, Белграду и Бонну, как и мои телеграммы № 17, 217, 189, 4, 33 и 51.

Архив: PRO FO 371, arch. № 1222380 NH 167808/106.

Опубл.: TJ. 116. old.

¹ На деле в это время Хрущев вел переговоры с Титом на острове Бриони.

Телеграмма посольства Великобритании из Москвы для МИДа

Отправитель сэр У. Хайтер
№ 1537
2 ноября 1956 г.
Срочно Конфиденциально

В. О.: 15 час. 12 мин.
В. П.: 15 час. 40 мин.

Моя телеграмма № 1533: Венгрия

Есть одно обстоятельство, которое может перечеркнуть выраженное в указанной телеграмме мнение о том, что советское правительство не изменит свою политику в Венгрии. Это обстоятельство может выступить на первый план, если в Венгрии возьмет верх анархия и в Будапеште не окажется законного правительства [см. телеграмму № 532 из Будапешта для Министерства иностранных дел]. В таком случае Советы окажутся перед соблазном поставить у власти коммунистическое правительство и, "реагируя на его просьбу", оказать поддержку в восстановлении порядка.

2. Хрущев не присутствовал на разных мероприятиях, организованных в честь сирийского президента, хотя обычно он не пропускал такие мероприятия. Возможно, он лично осматривает венгерский театр [будущих военных] действий. Кажется, что Микоян все еще отсутствует.

Министерство иностранных дел пусть передаст срочно Будапешту и приоритетно в Нью-Йорке для делегации Великобритании и по усмотрению в Вашингтон, Париж, Вену, Варшаву, Белград и Бонн, как и мои телеграммы № 16, 215, 5187, 3, 32, 50.

Архив: PRO FO 371; arch. № 122380 NH 167808/105.

Опубл.: TJ. 116-117/ old.

Телеграмма посольства Великобритании из Будапешта для МИДа и Уайтхолла

Отправитель: мистер Л. А. Ч. Фрай

№ 550 NH 10110/255

3 ноября 1956 г.

Срочно Конфиденциально

В. О.: 11 час. 18 мин.

В. П.: 11 час. 46 мин.

Министерство иностранных дел [Венгрии] всем здешним иностранным представительствам передало новую вербальную ноту, датированную 2 ноября.

2. В ней констатируется, что венгерское правительство уже неоднократно выражало свое намерение вести переговоры о выводе советских войск из Венгрии и с этой целью назначило своих представителей на эти переговоры. Данная нота целиком и полностью доведена до сведения советского посла в Будапеште. Тем не менее правительство ВНР имеет достоверные сведения о том, что через венгерскую границу прибывают все новые и более крупные советские военные части, которые движутся в направлении Будапешта и овладевают железнодорожными пунктами. Правительство с учетом этого продублировало свой протест советскому послу и обращает внимание Совета Безопасности ООН на развитие этих событий.

3. Ночью было замечено существенное продвижение русских войск у Данафёльдвара, в восточно-западном направлении, которое, по утверждению моего военного атташе, является главной транспортной линией. Военный атташе сейчас находится у офицера, командующего венгерскими воздушными силами, и как только он возвратится, я передам его сообщение.

4. Колонну машин Соединенных Штатов, которая вчера спустя пару часов вслед за британским конвоем [моя телеграмма № 541] отправилась в направлении Вены, вблизи границы русские силы повернули назад, и их командир сказал американцам, что граница закрыта.

5. С учетом телеграммы за № 1533, которая получена Вами из Москвы, нет сомнения в том, что страну навдвигают советские боевые части. Их состав, а также передвижение совершенно не соотносятся с тем утверждением, что они будто бы идут на замену тех войск, которые предназначены к выводу и были расквартированы здесь раньше. Наоборот, русские неимоверно затрудняют замену даже тех подразделений, которые были потрепаны в уличных боях в Будапеште.

6. Единственный вывод, который здесь напрашивается, состоит в том, что пункт "Г" моей телеграммы № 538 подтверждается. Русские, побаваясь того, что кризис на Ближнем Востоке может привести к войне, укрепляют свои передовые позиции.

Пусть Министерство иностранных дел передаст делегации Объединенного Королевства в Нью-Йорке, Москве, Вашингтону, Парижу; приоритетно Варшаве, Бонну, Праге, Бухаресту и Софии, равно как телеграммы № 37, 74, 43, 36, 33, 14, 29 и 15.

Архив: PRO FO 371, arch. № 122381. NH 10110/255.

Опубл.: TJ. 120–121. old.

Документ № 20

Телеграмма посольства США из Будапешта для министра Департамента иностранных дел

Отправитель: м[исте]р Вейлс

№ 219

3 ноября 1956 г.

В. О.: 15 час. 00 мин.

Советы после их выхода 31 октября из городских районов Будапешта приступили к быстрой и систематической концентрации войск. С востока они передислоцируются к южной части Будапешта, провинция переполнена советскими войсками, которые окружают крупные города, венгерские военные базы и аэродромы. Будапешт почти полностью окружен крупными силами. По оценкам военных, как минимум 15 моторизованных и четыре пехотных дивизии сосредоточены здесь.

Неясно, каковы конечные намерения Советов относительно использования этой угнетающе масштабной военной силы, но, согласно общему мнению, после того как войска сделают свое дело, они предъявят Венгрии ультиматум – возможно, в прикрытой форме, под видом ведения переговоров – об участии в Варшавском договоре, а также о формировании нового правительства. Самая большая беда состоит в том, что венгерское правительство уступит перед лицом бесспорного превосходства сил, а за ним может не последовать восставшее население. А это может привести к кровавой бойне. Обращение венгерского правительства к ООН и его просьба о гарантиях четырех великих держав есть не что иное, как отчаянный поиск путей выхода из сложившейся ситуации. Ходят слухи, что в ближайшее время в Будапешт при-

едет делегация ООН в составе 16 человек. Посольство просит разъяснений о характере и целях этой группы.

Вейлс

Опубл.: ТТ. 123. old.

Документ № 21

Телеграмма посольства США из Москвы для министра Департамента иностранных дел

Отправитель: Ч. Болен

№ 1048

3 ноября 1956 г.

В. О.: в полдень

Советская печать сегодня не упоминает ни о каком совместном комитете [с венграми]. Вчера ночью, однако, Би-би-си в одном из сообщений передала: венгерское правительство в своей ноте, адресованной Советам, выразило просьбу, чтобы в вопросе о советских войсках в Венгрии вновь воспользовались услугами смешанного комитета. Тональность сегодняшней утренней прессы и особенно вчерашних внутрисоюзных передач московского радио не оставляет сомнений в том, что совместная комиссия является лишь средством выиграть время для подготовки военных действий против Венгрии. Если сведения Би-би-си достоверны, то речь идет не о создании новой или более высокого уровня комиссии, а в лучшем случае даже только о существующей, и можно предполагать, что это орган не очень высокого уровня, который со стороны советского правительства вряд ли отражает серьезные намерения вести переговоры с венгерским правительством. Возможно и то, что с этой комиссией Советы намерены разыграть лишь карту в ходе дискуссии в Совете Безопасности, используя ее в качестве предупредительного шага действиям СБ и рассчитывая запугать вопрос. Из моего разговора с Жуковым о венгерской ситуации, как я уже сообщал, получается ясное представление: советские военные высказываются в пользу жестких действий в Польше и Венгрии, а вчера на приеме в сирийском посольстве они оба, Жуков и Соколовский, выглядели удовлетворенными и даже торжествовали победу, что контрастировало с расстроенным состоянием Жукова во время предыдущих бесед.

В советской печати и радио [об этом пойдет отдельное донесение] подходят к этому делу с таких позиций: пытаются представить венгерское правительство "контрреволюционным", стремясь тем самым помешать ему сделать заявление о его отношениях с "социалистическими" странами.

Нельзя точно определить, какое воздействие имеют англо-французские акции против Египта на венгерские дела, но можно предположить, что разобщенность мирового общественного мнения позволяет Советам тешить себя мыслью о свободе действий в венгерских делах. С другой стороны, вооруженные акции против венгерского народа затруднили бы положение советской пропаганды, поставили под вопрос утверждение о том, что Советы являются защитниками независимости малых наций, в т. ч. ближневосточных, т. е. нанесли ущерб советской пропагандистской кампании.

В то же время тон советской печати однозначно убеждает, что очередным шагом Советов явится отправка новых [военных] подкреплений в Венгрию.

В связи с развитием событий в венгерском вопросе, как мы об этом неоднократно сообщали отсюда, Советы имеют возможность выбора между двумя вариантами: в целях уменьшения своих потерь они могут вывести свои войска и для этого найдут какой-то повод, который поможет им сохранить хорошую мину при плохой игре; не считаясь с потерями, Москва возвратится к методам открытого использования силы и практически подвергнет Венгрию военной оккупации. Нет сомнения, что в [советском] руководстве идут большие дискуссии, и тщательно взвешиваются последствия обоих решений. Существуют признаки того, хотя они еще неокончательны, что в основном будет принято решение о применении насилия, коль скоро иначе нельзя удержать Венгрию в советском лагере.

Очевидно, они не сразу прибегнут к насилию, но все же в зависимости от поведения венгерского правительства попытаются с помощью совместной комиссии или с применением иных подобных методов смягчить Нада и венгерских коммунистов, пообещав вывод войск и склоняя повстанцев к сложению оружия. Если же Надя останется непоколебимым, то советские войска, судя по теперешнему положению вещей, начнут действовать.

Независимо от того, что предпримет Совет Безопасности ООН, полагал бы возможным Департаменту иностранных дел обсудить определенные шаги, которые должны быть нами сделаны. Хотя эффективность их может оказаться сомнительной после принятия Советами решения об использовании силы, это все же будет иметь известное значение для [нашего] документа. Если кто-нибудь захочет выступить с та-

ким обращением, я полагаю, что оно должно быть адресовано Бугла-
шину от имени президента.

Болен

Архив: FRUS. P. 370–371.

Опубл.: TJ. 124–125. old.

Документ № 22

*Телеграмма посольства Великобритании из Москвы для МИДа и
Уайтхолла*

Отправитель: сэр У. Хайтер

№ 1546 и NH 10110/283

4 ноября 1956 г.

Срочно Конфиденциально

В. О.: 15 час. 10 мин.

В. О.: 15 час. 23 мин.

Моя телеграмма № 1540

Советское правительство, очевидно, пересмотрело свое решение относительно сокращения потерь в Венгрии, то самое решение, которое изначально базировалось на заявлении от 31 октября. Не думаю, что причину изменения этой политики следует объяснять обеспокоенностью ранним возникновением всеобщей войны [6-ой пункт телеграммы № 550 из Будапешта к Вам], т. к. на это здесь не указывают никакие признаки. Можно, однако, заметить слабые признаки того, что ответственность за это лежит на советской армии, во всяком случае изменение курса пользуется ее полной поддержкой; в поведении маршалов Жукова и Соколовского можно заметить явную модификацию: 31 октября они выглядели весьма подавленными и угрюмыми, по следующие один-два дня очень озарили их.

2. Представляется, что заявление советского правительства 31 октября было принято с верою в то, что это является единственно возможным способом оставить национал-коммунистов у власти. Но затем Советы нашли этих национал-коммунистов больше национальными нежели коммунистами и решили, что если они останутся у власти, это поведет к однозначному выводу советских войск [из страны] и потере советского влияния над Венгрией. Далее я опасаясь, что русские могли рассуждать таким образом, что если Соединенное Королевство и Франция на Ближнем Востоке – как им кажется – могут сами себе определять законы, и это позволено им, то не последует, очевидно,

слишком много критики и в адрес Советского Союза, если он поступит таким же образом в Венгрии.

3. Если в последние пару дней и были расхождения во взглядах между партией и армией, они, кажется, сглажены. Хрущев вновь появился, и вчера во второй половине дня [до того, как сюда поступали вести о советском вторжении] посол Соединенных Штатов спросил его, отправило ли советское правительство новые формирования в Венгрию. Ответ звучал таким образом: "Столько, сколько там находится, этого достаточно. Но если нужно будет, пошлем еще и еще. Это не шутка". Кроме этих слов, он не вдавался более в обсуждение венгерских дел, разговор строго ограничил рамками событий в зоне суэцкого канала, и в этой связи был исключительно вспльщив.

4. Ворошилов, здешний номинальный глава государства, в своей лицемерной речи на вчерашнем вечернем приеме в честь сирийского президента использовал для характеристики споров, связанных с суэцким каналом, такие слова, которые вполне можно применять и в отношении поведения советского правительства в Венгрии; перевод речи отправлено в очередной телеграмме. Когда он говорил, уже, видимо, знал, что дан приказ для вторжения в Венгрию.

5. Советская печать, я об этом сообщу дополнительно, сегодня со злорадством пишет о венгерской ситуации и впервые подвергает критике Надя. Она не упоминает ни о будапештской советской военной акции, ни о передвижениях советских войск.

Министерство иностранных дел пусть направит прежде всего Будапешту и делегации Объединенного Королевства в Нью-Йорке, а по усмотрению Парижу, Вашингтону, Вене, Варшаве, Белграду и Бонну, как и телеграммы № 19, 191, 220, 5, 35 и 53.

Архив: PRO FO 371; arch. № 122382, NH 10110/283.

Опубл.: TJ. 144-145. old.

Советская карательная акция в Венгрии (Хроника событий 1956 г. по материалам военного архива)

В предыдущих статьях настоящего издания подробно рассказано, почему коммуно-ракошистский режим в Венгрии оказался к осени 1956 г. в полнейшем тупике, показана также догматическая кондовость тогдашнего советского руководства (включая и таких представителей дипломатической службы СССР, как Ю. В. Андропов), которое своими неуклюжими и недалёковидными действиями только способствовало взрыву народного возмущения, антисталинистскому восстанию в этой стране. Уже говорилось и о том, что инициировали восстание перезахоронение жертв ракошистского произвола и события в Польше.

6 октября в Будапеште состоялось торжественное погребение останков Ласло Райка, Дьерди Палфи, Тибора Сёни и Андраша Салаи, казнённых в 1949 г. по сфабрикованным делам. На траурную процессию вышли тысячи жителей столицы. Люди хоронили мучеников и прошлое своей страны. Их молчаливая демонстрация выступала приговором коммунистической диктатуре М. Ракоши. Похороны заметно подтолкнули самосознание тысяч будапештцев, которые были готовы бороться за демократическое обновление своей Родины. Главное препятствие на пути обновления люди видели в руководстве ВПТ, опиравшемся на поддержку Москвы и дислоцированные в Венгрии советские войска.

Венгры считали, что с подписанием 15 мая 1955 г. договора между СССР и Австрией и выводом из этой страны подразделений советской оккупационной армий последние должны были покинуть и венгерскую территорию, на которой они находились согласно советско-венгерскому мирному договору от 10 февраля 1947 г. и Варшавскому пакту от 14 мая 1955 г. с целью обеспечения транспортных коммуникаций с Группой советских войск в Австрии. Однако воинские подразделения СССР в Венгрии остались, и стало ясно, что они находятся для поддержания просоветского коммунистического режима и что на пути демо-

кратических преобразований общество неизбежно столкнется с проблемой их полицейских, охранительно-карательных функций.

После событий в ГДР (1953 г.) и в Польше (лето 1956 г.) советское политическое и военное руководство внимательно отслеживало процессы, происходящие в Венгрии. В этой связи, по распоряжению министра обороны СССР Г. К. Жукова, в середине июля 1956 г. группой генералов и офицеров, возглавляемой первым заместителем начальника Генерального штаба – начальником штаба Объединенных вооруженных сил государств-участников Организации Варшавского Договора генералом армии А. И. Антоновым, была проведена проверка боевой готовности дислоцированных в Венгрии войск Особого корпуса. 20 июля 1956 г. командир корпуса генерал-лейтенант П. А. Лащенко утвердил “План действий Особого корпуса по восстановлению общественного порядка на территории Венгрии”¹. План получил условное наименование “Волна”, а сигналом к началу действий по его реализации должен был служить позывной “Компас” (такого рода планы после июньских событий 1953 г. в ГДР военное ведомство СССР разработало для всех соединений своих войск, находившихся в восточноевропейских странах).

План отработали на карте, к нему прилагались перечень объектов столицы, подлежащих захвату и удержанию нашими частями, и специальная инструкция. В соответствии с разработанными документами по плану “Волна” с получением сигнала “Компас” подразделениям и частям корпуса отводилось от 3 до 6 часов времени для установления контроля над важнейшими объектами Будапешта и всей страны. Захват столицы и восстановление порядка в ней возлагался на 2-ю гвардейскую механизированную дивизию. Усиление охраны венгеро-австрийской границы предписывалось 17-й гвардейской механизированной дивизии. 177-я гвардейская бомбардировочно-авиационная и 195-я гвардейская истребительно-авиационная дивизии, артиллерийские, зенитные, инженерные и другие специальные части Особого корпуса должны были удерживать и оборонять важные аэродромы, военные городки, склады, позиции и другие важные объекты в районах дислокации войск.

В разработанной инструкции определялись действия частей и подразделений, порядок применения оружия, использование войск в особых условиях города, связь с местными органами власти и командованием Венгерской народной армии, а также необходимое количество боеприпасов для танков, артиллерии и стрелкового оружия. С утверждением документов командирам соединений и частей Особого корпуса были даны подробные указания².

Посольство СССР в Венгрии, возглавляемое Андроповым, докладывало о ходе развития событий в Президиум ЦК КПСС и МИД СССР. В период с 6 по 19 октября 1956 г. Ю. В. Андропов несколько раз встречался с руководящим составом корпуса и дивизий, разъяснял ситуацию и призывал к повышению бдительности и боевой готовности³. Командование корпуса информировало Генеральный штаб о назревании в Венгрии общественно-политического взрыва⁴.

На территории Советского Союза также принимались меры на случай неконтролируемого развития событий. Уже 19 октября 108-ой гвардейский парашотно-десантный полк 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии был поднят по тревоге и 20-го находился в готовности к вылету с аэродромов Каунаса и Вильнюса⁵. 21 октября офицеры управления Особого корпуса провели проверку готовности подчиненных соединений и частей к действиям по плану "Волна"⁶.

Тем временем в Будапеште события развивались с калейдоскопической быстротой и не сулили ничего хорошего для руководства ВПТ и правительства Венгрии. 16 октября студенты Сегедского университета создали независимую от Союза трудящейся молодежи (МАДИС) самостоятельную организацию – Союз венгерских университетских и институтских объединений (МЕФЕС). 17 октября партийная организация Союза писателей постановлением собрания потребовала созыва внеочередного съезда ВПТ с целью удаления из руководства партии скомпрометировавших себя лидеров и продолжения реформ 1953–1955 гг. На собраниях, прошедших в вузах столицы и других городов, студенты выдвинули политические требования и присоединились к МЕФЕС. 22 октября преподаватели и студенты Будапештского политехнического университета объявили о проведении 23 октября демонстрации⁷.

В первой половине дня 23 октября в вузах столицы решались вопросы участия в демонстрации солидарности с восставшими польскими рабочими. Оставшиеся в Будапеште члены венгерского правительства (партийно-правительственная делегация ВНР из Белграда в то время еще не вернулась) оказались не в состоянии управлять назревавшими событиями. Утром Политбюро ЦК ВПТ пыталось найти выход из назревшего кризиса с помощью привычных запретительно-разрешительных мер. Так, министр внутренних дел Ласло Пирош сначала запретил шествия и митинги, о чем в 12 час. 53 мин. сообщило радио, а в 14 час. 30 мин. разрешил⁸. Неуверенная позиция правительства придавала студентам большую решимость и активность. В 14 часов началось заседание правительства, которое проходило в немалом напряжении.

К 15 часам к памятнику герою венгерской революции 1848–1849 гг. польского генерала Й. Бема прибыло около 50 тысяч демонстрантов.

Они выразили солидарность с требованиями польской молодежи, возложили цветы к основанию монумента, произнесли здравицы в честь укрепления венгеро-польской дружбы, выдвинули лозунги против дискредитировавших себя партии и правительства, после чего направились к зданию Парламента. К вечеру там накопилось уже около 200 тысяч рабочих, служащих, интеллигенции, офицеров, курсантов, солдат⁹. Они требовали возвращения И. Надя в правительство; отмены постановлений ЦР ВПТ, осуждавших деятельность ревизионистов, отставки правительства, отстранения от власти ракошистов, реабилитации невиновно осужденных и др. Значительная часть населения Будапешта и других городов поддержала демонстрантов.

Новый руководитель ЦР ВПТ, поставленный на этот пост летом 1956 г., ракошист Эрне Герё с 19 часов в панике звонил по телефону Ю. В. Андропову и в Москву. Он просил привлечения советских войск для прекращения выступлений демонстрантов. В 20 часов по радио прозвучало его выступление, выдержанное в традиционных коммунистических тонах, т. е. с зачислением всех митингующих в контрреволюционеры и пособники классового врага и неприкрытыми угрозами по их адресу. Это выступление глубоко оскорбило национальные чувства венгров и вызвало их возмущение, еще более обострив обстановку.

После выступления Э. Герё от здания парламента направились две группы демонстрантов: одна к зданию радио, а другая – к памятнику И. Сталину. Около 22 часов огромный монумент “вождя всех времен и народов” был низвергнут, что вызвало у толпы ликование и одобрение действий инициаторов этой акции.

Вооруженная же борьба началась со столкновения у здания венгерского радио, куда прибыла группа студентов-демонстрантов, считавших, что лидер ВПТ выступал оттуда. Прибывшие хотели послать в эфир принятые на митинге требования и изложить Герё свои подлинные намерения, считая, что его неправильно информировали. Руководство радио отказалось выполнить требования делегировавшихся. Тогда в окна полетели камни. Началась рукопашная схватка между защитниками радиокomiteта и повстанцами. Хотя достоверно не установлено, кто выстрелил первым, представляется вероятным, что охрана из УГБ (служба госбезопасности) потеряла самообладание и выстрелила в толпу. Этот момент послужил началу кровавой драмы октября–ноября в Венгрии¹⁰.

В Советском Союзе в 21 час 45 мин. 23-го октября приказом командующего войсками Прикарпатского военного округа генерала армии П.И. Батова были подняты по боевой тревоге 128-я гвардейская стрелковая и 39-я гвардейская механизированная дивизии 3-го стрел-

кового корпуса 38-й общевойсковой армии с задачей (если потребуется с боем) пересечь государственную границу Советского Союза, войти на территорию Венгрии. Сосредоточение было назначено в районах городов Закарпатья: Чоп, Берегово и Виноградово. Предписывалось совершить марш в полосу справа: Чоп–Мишкольц–Хатван; слева: Вьлок-Дебрецен–Сольнок–Ясберень, а затем сосредоточиться в районах: 128-й гвардейской стрелковой дивизии (гв. сд.) – городов Хатван и Ясберень; 39-й гвардейской механизированной дивизии (гв. мд.) – Сольнок, Абоны¹¹. С 2 часов 15 минут до 9 часов утра 24 октября войска перешли границу и прибыли в назначенные районы, а 315-й стрелковый полк 128-й гвардейской стрелковой дивизии утром вступил в Будапешт и действовал с войсками Особого корпуса.

В 22 часа 23 октября по распоряжению начальника Генерального штаба В. Д. Соколовского соединения и части Особого корпуса, дислоцированного в Венгрии, были подняты по боевой тревоге и выведены в районы сосредоточения¹². 17-я гвардейская механизированная дивизия, расквартированная в г. Самбатхей, Кёсег, Кёрменд, Дьёр, Хаймашкери (Веспремского комитата) была поднята по боевой тревоге в 22 часа 10 минут. Командиры 83-го танкового и 1043-го артиллерийского полков этой дивизии получили приказы о готовности войти в Будапешт. 90-му артиллерийскому полку был отдан приказ убыть на прикрытые венгерско-австрийской границы. В 23 часа командование Особого корпуса получило приказ о вводе войск в Будапешт¹³. В 00 часов 35 минут 24 октября 33-я гвардейская механизированная дивизия Отдельной механизированной армии, дислоцированная в Румынии, также была поднята по боевой тревоге с задачей совершить марш, войти в район сосредоточения в 15 км южнее Будапешта и быть в готовности к подавлению “контрреволюционного” мятежа в городе. К 14 часам дивизия закончила марш, а 104-й гвардейский механизированный полк сходу вступил в бой, вышел к парламенту и Министерству обороны и совместно с частями 2-й гвардейской механизированной дивизии вел боевые действия в венгерской столице¹⁴.

В 2 часа ночи 24 октября оперативная группа штаба Особого корпуса прибыла из пункта постоянной дислокации г. Секешфехервара в Будапешт и в здании Министерства обороны Венгерской народной армии (МО ВНА) развернула командный пункт¹⁵. К 5 часам утра 24 октября стали стягиваться в город части 2-й гвардейской механизированной дивизии. Прибывший первым 37-й танковый полк взял под охрану здание Министерства обороны. Другие части дивизии выполняли задачи: 4-й механизированный полк по овладению гостиницей “Астория”, радиостанцией “Кошут”, Национальным музеем и прилегающими к ним кварталами; 6-й механизированный полк захватывал

Парламент, ЦР ВПТ, Госбанк, Главпочтамт, вокзал “Нюгати”, брал под охрану советский военный госпиталь и посольство СССР; 87-й тяжёлый танко-самоходный полк сосредоточил свои усилия по овладению железнодорожной станцией Келети и объектами в районе кинотеатра “Корвин”¹⁶.

Повстанцы за короткое время сумели организовать сопротивление войскам на улицах Вильма, Кирайне, Сталина, Ракоци, Юлעי, Хунгария, Маркушовски, Шорокшари, Ленина. В ночь на 24 октября в Будапешт прибыли группы поддержки повстанцев из Мишкольца, Сталивароша (ныне – Дунайварош), Папы, Ваца. Восставшим удалось разоружить ряд частей ВНА и захватить оружие на складах. Из Эстергома в Будапешт прибыли части 7-й механизированной дивизии ВНА и действовали совместно с советскими войсками. Войска 30-го стрелкового корпуса генерала Дюрко (8-я, 27-я стрелковые и 5-я механизированная дивизии) первоначально не поддержали действия революционеров и 24 октября приступили к их разгрому в г. Кечкемет и Сабадсалаш¹⁷. В Будапеште в течение дня силы Особого корпуса, приданные и поддерживающие части в основном выполнили задачи по овладению объектами.

На сторону восставших перешли ряд подразделений 8-го механизированного полка ВНА, строительные и зенитные части, офицеры академии Зрини, курсанты военных училищ. Оценив соотношение сил своих войск и повстанцев, командир Особого корпуса генерал-лейтенант П. Н. Лашенко для усиления вызвал в Будапешт 56-й гвардейский механизированный полк и разведроту 17-й гвардейской механизированной дивизии. 56-му гвардейскому механизированному и 83-му танковому полкам в 12 часов 24 октября была уточнена задача: развернуться в боевой порядок и не допустить прорыва вооруженных повстанцев в район Буды, не дать возможности овладеть правительственной радиостанцией, спецсвязью, обеспечить охрану вокзала Келенфёльд, аэродрома, артскладов¹⁸. На разведчиков 17-й гвардейской механизированной дивизии возлагалась ответственность за безопасность прибывших утром в Будапешт А. И. Микояна и М. А. Суслова и ведение разведки в интересах наших войск. Части 177-й гвардейской бомбардировочно-авиационной дивизии в этот день совершили 84 демонстрационных и разведывательных вылета над Будапештом и другими городами¹⁹.

С обеих сторон появились убитые и раненые. 24 октября в Сольноке, Ваце, Сентеше, Сталинвароше и Дунаедьхазе были разрушены и осквернены памятники и братские могилы советских воинов, павших в борьбе с фашизмом. В тот же день ТАСС сообщил “О провале антима-

родной авантюры в Будапеште". В столице советское командование ввело комендантский час и установило чрезвычайное положение.

25 октября утром в Будапеште заседало Политбюро ЦР ВПТ. А.И.Микоян от имени Президиума ЦК КПСС рекомендовал снять Э.Герё с должности, а на пост первого секретаря избрать Я. Кадара. С завершением работы Политбюро Я. Кадар и премьер-министр И. Надь выступили по радио с программным заявлением. Было отменено постановление о запрещении массовых сборов, митингов, демонстраций. Во второй половине дня ЦР ВПТ рассмотрело вопросы о прекращении огня и об оценке действий повстанцев. Однако именно в этот день органы УГБ учинили массовый расстрел демонстрантов у здания парламента, что сильно осложнило обстановку. Советские силы "наведения порядка" продолжили свою работу.

2-я гвардейская механизированная дивизия с приданными и поддерживающими частями (за исключением 104 гв. мотопехотной 33-й гв. механизированной дивизий) получила задачу очистить от мятежников юго-восточную часть венгерской столицы в секторе справа: ст. Кабанья-Фельшё-вокзал Келети и далее р. Дунай; слева – р. Дунай и приступила к ее выполнению. 54-й понтонный полк Прикарпатского военного округа (Прик. ВО) к 16 часам навел понтонный мост под тяжелые танки через р. Тиса в районе железнодорожного моста у Сольнока.

Внутриполитический кризис с 25 октября стал приобретать форму национально-освободительного движения в защиту территориальной целостности и национального суверенитета, против иностранных оккупантов²⁰. В этот день действия восставших распространились по всей стране. Во многих городах прошли митинги и демонстрации с требованиями вывода войск СССР. Участники этих выступлений разрушили памятники павшим в борьбе с фашизмом советским воинам в г. Мезеке-вешд, Хатван и др.

С утра 26 октября 104-й, 105-й, 106-й гвардейские механизированные полки, 100-й и 1195-й артиллерийские полки, 1093-й зенитно-артиллерийский, 71-й танковый, 133-й гвардейский тяжелый танко-самоходный полки, 61-й гвардейский минометный дивизион, батальоны связи, саперный и автомобильный, отдельная рота химической защиты, штабные и тыловые подразделения 33-й гвардейской механизированной Херсонской Краснознаменной ордена Суворова дивизии вошли в город и до 29 октября вели ожесточенные бои в заданном секторе²¹.

70-я гвардейская стрелковая дивизия Прик. ВО 26 октября была поднята по боевой тревоге и получила задачу: в течение двух суток

провести доукомплектование личным составом, автотранспортом, совершить 500-километровый марш через горные перевалы Карпат и к исходу 28 октября сосредоточиться в Венгрии в районе Дебрецен–Мишкольц–Ниредьхаза²². 104-й танкосамоходный полк этой дивизии перевозился по железной дороге из Рава-Русской в г. Берегово, совершил марш и к 12 часам 26 октября сосредоточился в районе Ниредьхаза. 2-я механизированная дивизия с приданными и поддерживающими частями в основном подавляла повстанческие силы на указанных объектах Будапешта²³. А в ответ в городах Ниредьхаза, Абонь, Эгер, Дьендьеш, Фюзешабонь, Мишкольц и селах Бешенетелек, Тисанано, Дрманд произошло осквернение памятников советским солдатам.

В ночь с 26 на 27 октября 27-я механизированная дивизия Прик. ВО была поднята по боевой тревоге с задачей совершить марш в район Берегово, а далее – Ниредьхаза–Дебрецен–Сольнок²⁴. 27 октября, когда ТАСС сообщил о новом составе правительства Венгрии, дивизия в 10 часов утра начала переход государственной границы и, совершив марш, сосредоточилась в районе г. Сольнока. В Буда вновь начались активные действия повстанцев. Они контролировали и удерживали также юго-восточную часть столицы, кинотеатр “Корвин” и прилегающие к нему кварталы отрядами в 700–800 человек, возглавлявшимися Ласло Иванковичем. Перешедшие на сторону революции 1221-й, 1222-й, 1226-й строительные батальоны ВНА под командованием полковника Пала Малетера занимали оборону в казармах “Кириан”. Народные выступления усилились и отмечались в городах Дебрецен, Мишкольц, Секешфехервар, Печ, Татабанья и др.²⁵

Командованием Особого корпуса была проведена операция по захвату типографии ВНА “Вереш Чиллаг” и изъятию 200 тысяч отпечатанных антисоветских листовок. Оно предъявило ультиматум о капитуляции повстанцам в районе кинотеатра “Корвин”.

1-ю гвардейскую железнодорожную бригаду Прик. ВО 27 октября также подняли по тревоге с задачей сосредоточиться на ст. Чоп для выхода в Венгрию с целью обеспечения движения поездов, дезорганизованного восставшими железнодорожниками²⁶. 39-я гвардейская механизированная дивизия 3-го стрелкового корпуса 38 общевойсковой армии, находившаяся с 9 утра 24-го октября в районах Сольнок–Абонь, в 13 часов 30 минут получила распоряжение продвинуться по маршруту: Сольнок–Цеглед–Надькереш–Кечкемет–Дунафельдвар, Цене–Пинцехей–Надьконья–Калоча–Домбовар и к исходу дня сосредоточиться в районе населенного пункта Тамаши.

В ночь с 27 на 28 октября 11-я и 32-я гвардейские механизированные, 60-я зенитно-артиллерийская дивизии и отдельные части 8-й механизированной армии приказом командующего Прик. ВО генерала

армии П. И. Батова были подняты по боевой тревоге и совершили комбинированные марши из мест дислокации: Бердичева, Новоград-Вольнского, Житомира, Хмельницкого, Жмеринки в восточные области Венгрии²⁷.

28 октября газета "Известия", между тем, под заголовком "Организаторы контрреволюционного путча в Венгрии просчитались" так информировала своих читателей: "Главную роль в ликвидации венгерской контрреволюции играет само население Венгрии, войска венгерской армии и органы государственной безопасности. Содействие им оказывают советские воинские части, находящиеся в Венгрии по Варшавскому пакту..." Комментарии здесь, как говорится, излишни. Объективно же части ВНА, за исключением названных выше формирований, сопротивления повстанцам не оказывали, приказов о ведении действий против них не получали. В Будапеште был создан Революционный Военный Совет, в который вошли генерал-майор Бела Кирай, Леринц Кан, Иштван Ковач, полковник Пал Малетер и др. 37-й стрелковый полк и 46-й зенитно-артиллерийский дивизион ВНА перешли на сторону восставшего народа и выдали повстанцам оружие²⁸.

В Будапеште шли упорные бои. Восставшие значительными силами удерживали юго-восточную часть города (100–120 кварталов). Продолжался огонь в районах Буды. Защитники "Корвина" в Пеште отклонили требования о капитуляции и отразили атаки подразделений 33-й советской механизированной дивизии. В зоне ответственности 2-й гвардейской мехдивизии снова начались бои. 128-я гвардейская стрелковая дивизия, находившаяся с 9 часов утра 24 октября в районах г. Ясберень и Хатван, также вступила в Будапешт для ликвидации очагов восстания на указанных объектах²⁹.

Советская 27-я механизированная дивизия 28 октября завершила марш и сосредоточилась западнее г. Сольнока. В 8 часов утра того же дня 70-я гвардейская стрелковая дивизия 8-й механизированной армии начала переход границы СССР–Венгрия с задачей к часу ночи 29-го октября сосредоточиться в районе г. Дебрецена.

В 12 часов 28 октября 31-я гвардейская воздушно-десантная дивизия (114-й и 381-й парашотно-десантные полки) также была поднята по боевой тревоге с задачей завершить подготовку к десантированию, выйти к аэродромам взлета (Львов и Хмельницкий) и в дальнейшем десантироваться на аэродром венгерского города Веспрема и подготовиться к выполнению там боевой задачи. В 20 часов 114-й парашотно-десантный полк по двум маршрутам Новоград-Вольнский–Хмельницкий начал свой марш к аэродромам взлета³⁰.

В Будапеште вечером 28 октября по радио выступил И. Надь. Он с согласия ЦР ВПТ сообщил об осуждении взглядов, рассматривающих и

представляющих происходящие в Венгрии события как контрреволюцию, о признании стихийно возникших рабочих советов, о ликвидации ненавистных народу органов госбезопасности, о немедленном выводе советских войск из Будапешта, об отдаче правительством приказа о прекращении огня. Новое коалиционное (на многопартийной основе) правительство приступило к нормализации жизни. Бои в основном прекратились.

Совет Безопасности ООН включил в повестку дня обсуждение положения в Венгрии.

29 октября к часу ночи 70-я гвардейская стрелковая дивизия завершила марш и сосредоточилась в районе г. Дебрецена. В 4 часа утра 381-й парашотно-десантный полк маршрутами 114-го полка выступил к аэродромам взлета. 2-я и 33-я гвардейские механизированные и 128-я стрелковая дивизии в основном прекратили боевые действия. В 22 часа советские войска, находившиеся в Будапеште, получили приказ о прекращении огня³¹.

Повстанцы по-прежнему удерживали юго-восточную часть венгерской столицы. Командиры частей и военный совет ВНА заявили о переходе на сторону восставшего народа. Войска получили указания об упразднении должностей политработников, создании в частях советов офицеров, о замене погон и эмблем трехцветной нашивкой на головном уборе и поддержке рабочих Советов.

30 октября Советское правительство приняло декларацию "Об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами", в которой отмечалось, что "страны великого содружества социалистических наций могут строить свои взаимоотношения только на принципах равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга"³². Эта декларация вызвала международный резонанс, затеплилась кой у кого надежда, что СССР может ослабить свою репрессивно-полицейскую хватку в Восточной Европе.

Однако приведенная в действие советская военная машина продолжала движение на запад. И, конечно же, упомянутая декларация являлась только ширмой для маскировки политических амбиций и истинных намерений кремлевского руководства. Об этом свидетельствуют упрямые факты о передвижении войск, связанные в первую очередь с силовым решением венгерской проблемы (см. приложение № 1).

30 октября в 12 часов 30 минут 114-й парашотно-десантный полк 31-й гвардейской воздушно-десантной дивизии высадился посадочным способом на аэродроме Веспрем. К 22 часам закончил высадку на этом же аэродроме 381-й парашотно-десантный полк названной воздушно-

десантной дивизии. На аэродроме в г. Мукачево была организована материальная база снабжения высадившегося десанта. В этот же день соединения и части 38-й общевойсковой армии генерал-лейтенанта Х. Д. Мамсурова, сосредоточенные в Восточной Венгрии, получили указания и начали подготовку к операции "Вихрь", предусматривавшей "наведение полного порядка" в Венгрии.

Достигнутые на политическом уровне договоренности о выводе войск из Будапешта военным командованием торпедировались под предлогом еще не законченных переговоров с революционными комитетами³³. В ответ на эти проволочки Революционный военный совет Венгрии заявил, что если войска не будут выведены, им объявляется народная война³⁴. В 20 часов к заявлению РВС присоединился личный состав 3-го стрелкового корпуса, первоначально не поддержавший повстанцев. Командир корпуса и начальник политотдела, скрываясь от ответственности за расстрелы рабочих, бежали самолетом в Мукачево и получили убежище в Советском Союзе.

31 октября завершился начатый по требованию венгерского правительства вывод советских войск из Будапешта (за исключением нескольких подразделений, оставленных для охраны Министерства обороны). Командный пункт Особого корпуса был развернут в районе аэродрома Тёкель. Перед выводом войск из столицы были приняты меры к спасению руководящих работников партии и госбезопасности, стоявших на позиции безусловного вооруженного подавления восставших и по локоть обagrивших свои руки в народной крови. Заметим, что из числа офицеров бывшего УГБ создавались группы для участия в предстоящей операции "Вихрь" совместно с советскими войсками. Между тем в выступлении по радио И. Надя прозвучало, с согласия ЦР ВПТ, заявление о намерении поднять вопрос на переговорах с СССР о выводе его армии из Венгрии, выходе страны из Варшавского пакта и занятии ею позиции нейтрального государства.

Эти уже совершенно крамольные с точки зрения московского военно-политического истеблишмента речи только подстегивали подготовку упомянутой операции, в рамках которой в Венгрию прибывали все новые армейские формирования. Процесс этот отнюдь не остановился и после вывода войск из Будапешта. Такой разворот событий вызвал новую мощную волну митингов и демонстраций против советского военного вмешательства.

Освобожденный восставшими кардинал Миндсенти, прибыв в Будапешт, рекомендовал убрать всех священников, которые сотрудничали с коммунистами. Премьер-министр И. Надя объявил о новом составе Министерства обороны Венгрии в количестве 21 человека во главе с произведенным в генералы П. Малетером. На состоявшемся со-

брании 250 представителей армии, погранвойск, революционной молодежи и полиции избрали Революционный военный комитет. Генерал-майор Б. Кирай был назначен командующим всеми силами повстанцев в Будапеште, включая 13 тысяч человек Национальной охраны. Уполномоченные повстанцев и Революционного военного комитета обратились с воззванием к населению страны. Комитет принял программу строительства новых вооруженных сил Венгрии³⁵.

31 октября в 20 часов 45 минут 35-я гвардейская механизированная Харьковская дважды Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова дивизия приказом командующего Одесским военным округом генерал-полковника Гетмана была поднята по боевой тревоге с задачей через 11 часов начать погрузку в железнодорожные эшелоны³⁶. 1 ноября ночью 31-ю танковую Висленскую Краснознаменную орденов Суворова и Кутузова дивизию приказом командующего Прик. ВО также подняли по боевой тревоге с задачей совершить марш по маршруту: Хмельницкий–Берегово и к 20 часам сосредоточиться в районе южнее Мукачево³⁷. Утром военный гарнизон в г. Веспрем численностью около 3000 человек перешел на сторону повстанцев. Командование частей и политработники были отстранены от должностей и арестованы.

В этот же день Имре Надь пригласил к себе посла СССР Ю. В. Андропова и выразил протест по поводу дополнительного ввода в страну советских войск и потребовал немедленно остановить этот процесс, заявив, что в противном случае Венгрия обратится за помощью к ООН и выйдет из организации Варшавского Договора. Андропов пообещал главе венгерского правительства довести заявление И. Нады до сведения советского руководства. И поскольку удовлетворительного ответа с советской стороны не последовало, премьер-министр ВНР заявил о нейтралитете Венгрии, выходе из Варшавского договора, направил Генеральному секретарю ООН просьбу о включении в повестку дня Генеральной Ассамблеи обсуждения венгерского вопроса³⁸. В переговорах с советским послом И. Надь проявил готовность отозвать эти послания в случае остановки военной акции.

С переходом 31-й танковой дивизии советско-венгерской границы соединения и части 8-й механизированной армии генерал-лейтенанта А. Х. Бабаджаняна были сосредоточены в районах у гг. Дебрецен, Сольнок, Кечкемет, Дьендьеш и в других пунктах восточной Венгрии и начали подготовку к выполнению боевой задачи. Командующему армии была оперативно подчинена 70-я гвардейская стрелковая и 35-я гвардейская механизированная дивизии. 177-я гвардейская бомбардировочная авиационная дивизия с 1 по 3 ноября эвакуировала более 600 семей военнослужащих из Венгрии в СССР³⁹.

С 13 часов 108-й гвардейский парашотно-десантный полк 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии начинает перебрасываться по железной дороге на станции Львов и Хмельницкий, а с 17 часов 80-й парашотно-десантный полк (без одного батальона) железнодорожными эшелонами перевозится от ст. Гайжунай (Прибалтийский военный округ - Приб. ВО) до ст. Берегово (Прик. ВО). В 21 час командир 31-й гвардейской воздушно-десантной дивизии получил боевое распоряжение: частью сил 114 и 381 парашотно-десантных полков оборонять аэродром Веспрем, а основной личный состав готовить к выполнению боевой задачи.

С 1 по 2 ноября Я. Кадар и министр внутренних дел Венгрии Ф. Мюнних были вывезены в Советский Союз. 2 ноября в Москве состоялись переговоры Я. Кадара с советским руководством. По сообщению ТАСС в этот день в Будапеште, Мишкольце, Дьере, Дебрецене и других городах Венгрии промышленные предприятия, общественный транспорт, госучреждения еще бездействовали. Продолжалась общая политическая забастовка. Но рабочие советы уже заявили о ее прекращении. Советские центральные газеты информировали о закрытии школ, театров, музеев, стадионов. Задунайский революционный рабочий Совет требовал продолжения забастовки до полного освобождения Венгрии от советской оккупации. Газета "Непсабадшаг", центральный орган Венгерской социалистической рабочей партии (реорганизованная ВПП), писала: "Венгрия нейтральна. Венгерское правительство протестует против ввода новых советских войск. Немедленно порываем с Варшавским договором. Для защиты нашего нейтралитета просим помощи четырех великих держав"⁴⁰.

Командование советских войск продолжало эвакуацию членов семей военнослужащих Особого корпуса из Венгрии в Советский Союз с аэродромов Веспрем и Тёкель, а также из назначенных пунктов в городах Комаром и Дьер через Чехословакию. Часть семей, расположенных в г. Кечкемете и восточнее, ближе к советской границе, была вывезена на автомобилях в г. Чоп, а членов семей офицеров 407-го артиллерийского полка, находившегося на юге Венгрии, вывезли через Румынию. До 4-го ноября была проведена эвакуация раненых советских военнослужащих в госпитали СССР.

2 ноября 1-я гвардейская железнодорожная бригада двумя эшелонами начала движение на территорию Венгрии. В течение дня части 27-й механизированной дивизии, расположенной в районе западнее г. Сольнока, переместились и сосредоточились у городов Дьер, Комаром, Мошонмадьярвар. Соединения и части Особого корпуса генерал-лейтенанта П. Н. Лашенко, 8-й механизированной армии генерал-лейтенанта А. Х. Бабаджаяна, 38-й общевойсковой армии генерал-

лейтенанта Х. Д. Мамсурова общей численностью около 60 тысяч человек готовились к выполнению боевых задач в операции "Вихрь".

В местах сосредоточения советских войск были обнаружены листовки с призывом: "Советские солдаты! Не стреляйте в венгерский народ. Вы бы тоже не терпели иностранную армию на русской земле. Вернитесь домой! Венгерский народ хочет жить в дружбе с советским народом. Пусть не проливается ни советская, ни венгерская кровь. Вы солдаты Великой державы, мы только маленький народ. Но наш лозунг: лучше штык в сердце, чем пятно на чести. Советские солдаты, вернитесь на Родину!"⁴¹. Командиры и политработники, а особенно особы частей и подразделений советских войск принимали меры по изытию печатной продукции у солдат и сержантов, объясняли необходимость их пребывания на территории Венгрии в связи с обязательствами СССР перед Венгрией по Варшавскому договору, необходимостью интернациональной помощи братскому венгерскому народу и защитой государственных интересов СССР.

В Нью-Йорке началось заседание Совета Безопасности ООН для обсуждения вопроса "Положение в Венгрии". Представитель Советского Союза в ООН А. А. Соболев на заседании заявил: "Постановка сегодня западными державами в пожарном порядке в Совете Безопасности вновь венгерского вопроса является отвлекающим маневром, направленным на то, чтобы попытаться отвести внимание общественного мнения от англо-французской агрессии в Египте. Дымовой завесой для этого вторжения призвано служить обсуждение вопроса о положении в Венгрии"⁴². Хотя на этом заседании резолюция и не была принята, большинство членов Совета еще раз убедились в том, что советская сторона не желает разговаривать на языке уважительного отношения к оппоненту и свое военное вмешательство в дела суверенного государства демагогически прикрывает проблемой обострения арабо-израильского конфликта.

3 ноября ночью командир Особого корпуса генерал-лейтенант П. Н. Лашенко в соответствии с приказом № 01 Главнокомандующего Объединенными Вооруженными силами государств-участников Варшавского Договора маршала Советского Союза И. С. Конева и планом операции "Вихрь" отдал приказ командирам 2-й и 33-й гвардейских механизированных, 128-й стрелковой дивизий, приданным и поддерживающим частям о начале штурма Будапешта в 5 часов 50 минут 4-го ноября⁴³.

В 7 часов утра того же дня 31-я танковая дивизия Прик. ВО была приведена в боевую готовность и получила приказ в 10 часов перейти государственную границу и совершить марш по маршруту Берегово-Ниредьхазе-Хайдунаш-Фюзельшабонь-Дбендешь-Хатван⁴⁴. В 10 ча-

сов командующий 8-й механизированной армией генерал-лейтенант А. Х. Бабаджанян отдал боевой приказ командирам соединений и частей по разоружению венгерских воинских гарнизонов и захвату назначенных объектов с 6 часов 15 минут 4-го ноября⁴⁵. Аналогичный приказ отдал командующий 38-й общевойсковой армией генерал-лейтенант Х. Д. Мамсуров командирам подчиненных соединений и частей⁴⁶.

3 ноября в 14 часов в здании парламента в Будапеште начались переговоры делегаций СССР и Венгрии по вопросу вывода из страны советских войск. Советскую делегацию возглавляли посол в Венгрии Ю. В. Андропов и генерал армии М. С. Малинин. Ее членами являлись заместитель начальника Главного политического управления генерал-лейтенант Ф. Ф. Степченко, начальник штаба Особого корпуса генерал-майор М. Г. Щелбанин, полковник Е. И. Малащенко и др.

В ходе первой встречи делегаций, как и предусматривалось советской стороной, соглашения о выводе войск достичь не удалось. Это не входило в советские планы. Главной задачей представителей СССР являлась затяжка времени, отвлечение внимания венгерского повстанческого руководства от практических действий по укреплению обороны Будапешта, продолжение накопления сил и подготовки войск, создание условий для ареста венгерской делегации. Вторая встреча делегаций была назначена на 20 часов по московскому времени на территории советской воинской части в районе аэродрома Тёкель.

С 16 часов этого дня 107-я гвардейская воздушно-десантная дивизия начала разгрузку с железнодорожных платформ и сосредоточение в лесу в пяти километрах южнее Мукачево. К 19 часам 30 мин. на аэродроме Тёкель высадился 108 гвардейский парашютно-десантный полк 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Командир полка на аэродроме получил боевой приказ от генерала армии М. С. Малинина о действиях полка в операции "Вихрь". В 20 часов 80-й парашютно-десантный полк (без одного батальона) начал марш на автомобилях по маршруту Мукачево–Сольнок–Будапешт.

В 20 часов продолжились переговоры советской и венгерской делегаций. Около 22 часов связь венгерской делегации с правительством И. Надя была отключена, а в зал переговоров вошел председатель КГБ СССР генерал армии И. А. Серов с группой офицеров и объявил об аресте венгерской делегации, в т. ч. министра обороны генерал-майора П. Малетера⁴⁷. После этого члены советской делегации отбыли на командные пункты для продолжения руководства подготовкой войск к утрешнему штурму Будапешта. Ни 3, ни 4 ноября И. Надь не мог узнать ни результатов переговоров, ни что произошло с венгерской делегацией.

На рассвете 4 ноября в 4 часа 30 минут И. Надь позвонил по телефону в посольство СССР в Будапеште и выразил протест против ввода советских войск⁴⁸. В 5 часов 5 минут, как и предусматривал московский сценарий, по Сольнокскому радио было сообщено о создании во главе с Я. Кадаром революционного рабоче-крестьянского правительства, которое совместно с советскими вооруженными силами начинает борьбу в интересах ликвидации контрреволюции в Венгрии.

В 5 часов 20 мин. в эфире по будапештскому радио прозвучало: "Говорит Имре Надь, председатель Совета Министров Венгерской Народной Республики. Сегодня на рассвете советские войска начали наступление на нашу столицу с очевидным намерением свергнуть законное демократическое венгерское правительство. Наши войска ведут бои. Правительство находится на своем посту. Я сообщаю эту весть народу страны и общественному мнению мира"⁴⁹.

В это время в советских механизированных, танковых и стрелковых дивизиях прогревались двигатели танков, самоходно-артиллерийских установок, автомобилей, завершалось пополнение танковыми и артиллерийскими выстрелами и другими боеприпасами. Войска ждали сигнала "Гром-444".

Перед началом операции "Вихрь" советское командование, в целях введения в заблуждение оборонительных сил повстанцев, использовало захваченную венгерскую радиостанцию, прибывшую в Тёкель для обеспечения связи венгерской делегации на переговорах со своим правительством. От имени министра обороны генерала П. Малетера была направлена телеграмма в адрес председателя Революционного военного комитета генерала Варанди с приказом не стрелять по советским войскам⁵⁰.

И. Надь, зная о высоком уровне концентрации советских войск вокруг Будапешта и по всей территории Венгрии, об их вооруженности и подготовке, понимал, что военное командование СССР выполнит поставленную задачу во что бы ни стало, любой ценой. Поэтому в целях уменьшения кровопролития с обеих сторон отдал распоряжение не оказывать сопротивления. В назначенное время соединения и части Особого корпуса, 8-й механизированной и 38-й общевойсковой армии приступили к захвату Будапешта, других городов и населенных пунктов Венгрии. К 8 часам 30 минутам десантники 108-го гвардейского парашютно-десантного полка во взаимодействии с 37-м танковым полком 2-й механизированной дивизии захватили 13 генералов и около 300 офицеров МО ВНР и доставили их в ставку генерала армии М. С. Малинина⁵¹. Управление венгерскими вооруженными силами было парализовано... Однако это не значит, что на сей раз советская карательная акция нигде не встретила сопротивления. Оно было ока-

зано во многих местах, но особо жестокие бои с советскими войсками разгорелись в Будапеште за следующие объекты: кинотеатр "Корвин", площадь Москвы, здание парламента, королевский дворец и др.

4 ноября передвижения советских войск по периметру венгерских границ активизировались. Например, 36-я гвардейская механизированная дивизия, закончив утром разгрузку с железнодорожных платформ в районе г. Тимишоара (Румыния), перешла румыно-венгерскую границу и приступила к выполнению поставленных задач. С 9 часов 104-я и 105-я гвардейские воздушно-десантные дивизии также начали переброску железнодорожным транспортом к советско-венгерской границе. В 12 часов дня командир 31-й танковой дивизии, находясь на марше в районе г. Мезёкевешда, получил боевой приказ о задачах в операции "Вихрь" и приступил к их выполнению.

6 ноября в 2 часа ночи Генеральная Ассамблея ООН 50-ю голосами – "за", 8-ю – "против" при 15-ти "воздержавшихся", осудила Советский Союз за совершение агрессии, призвала прекратить вооруженное нападение, обратилась с просьбой к Генеральному секретарю ООН о проведении расследования иностранного вмешательства во внутренние дела Венгрии⁵².

Во второй декаде ноября сопротивление повстанцев в Венгрии в основном было подавлено, венгерская армия разоружена, советские войска повсеместно приступили к созданию военных комендатур. 24 ноября на проводимом в Будапеште совещании советских военных комендантов И. С. Конев объявил решение Советского правительства о создании на базе большинства вторгшихся соединений и частей Южной группы войск.

* *
*

Анализ негативной динамики в советско-венгерских отношениях второй половины 1956 г. показывает: в результате органической неспособности лидеров и дипломатов СССР и ВНР вершить внутри- и внешнеполитические дела демократическим, цивилизованным путем, неспособности, запрограммированной их большевистско-коммунистическим менталитетом, ставка на силовое разрешение обострившихся противоречий между тоталитарной властью и народом, между Советским Союзом и одним из его сателлитов была в то время, в общем-то, предпрещена. Тем более, что, видимо, золотопогонная часть советской номенклатуры никогда не расставалась с мыслью о мощных наступательных соединениях в странах восточноевропейского региона (западная, центральная, южная группы войск) как передовых рубежах своей экспансионистской военной машины, нацеленной на дальнейшее

изменение на континенте геополитической обстановки в пользу коммунистической системы.

Советская армия, получив задачу от политического руководства страны, совершила агрессию против ВНР в форме вооруженного вторжения. Партийно-политические и военные руководители бросили на подавление революции в Венгрии 17 боевых дивизий, из них: механизированных – 8, танковых – 1, стрелковых – 2, зенитно-артиллерийских – 2, авиационных – 2, воздушно-десантных – 2. Это было одно из тягчайших преступлений XX столетия против человечества. Действия наследников Сталина перечеркивали Декрет о мире от 8 ноября 1917 г.; противопоставляли Советский Союз Парижскому пакту Бриана-Келлога 1928 г., запрещающему агрессию и объявляющему ее вне закона; Лондонской конвенции 1933 г., другим международно-правовым документам 50-х годов.

Итак, наши солдаты и офицеры, оказавшиеся по воле начальства втянутыми в эту преступную карательную авантюру, обеспечивали на оккупированной венгерской земле отнюдь не национально-государственные интересы своего Отечества, как они с честью реализовали их в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., а только интересы коммуно-большевистского режима, его геополитические и стратегические претензии по предотвращению утраты контроля над восточноевропейским союзником по Варшавскому блоку, подавлению народного восстания против сталинистско-ракопистского произвола, сохранению тоталитарного режима и советской креатуры. И пусть наши солдаты и офицеры проливали свою кровь за неправоное дело, понимало в то время это абсолютное меньшинство. Большинство же верило лозунгам о помощи братьям по классу, об угрозе контрреволюции и “интернационалистском долге” советских людей и добросовестно старалось этот долг выполнить.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального воинского долга, указом Президиума Верховного Совета СССР свыше 10 тыс. военнослужащих были награждены орденами и медалями, 26 человек удостоены звания Героя Советского Союза (из них 14 посмертно)⁵³. Вместе с тем, по подсчетам автора, около 200 солдат, сержантов и офицеров понесли моральный и иной ущерб за осуждение вооруженного вмешательства Советского Союза во внутренние дела Венгрии.

За период боевых действий безвозвратные потери (убитые, умершие от ран, пропавшие без вести) советских войск составили 730 человек (из них 87 офицеров и 633 солдата и сержанта). Санитарные потери (ранено, травмировано) офицеров – 225, солдат и сержантов 2035 человек⁵⁴. Личные подсчеты автора с этими официальными цифрами в

основном совпадают (см. приложение № 2). Это свидетельствует о том, что российские исследователи, используя различные источники, объективно подошли к оценке потерь советских войск при выполнении боевого задания в Венгрии осенью 1956 г.

В результате советского военного вмешательства и в ходе борьбы повстанцев с силами безопасности общая численность погибших среди них более 5000, а раненых – 19226. Таков печальный итог вооруженных столкновений с 23 октября по 31 декабря 1956 г.⁵⁵ Во время трагедии свыше 1000 венгров, в т. ч. детей, были депортированы в СССР⁵⁶ в тюрьмы городов Ужгорода и Стрый. Новый режим Кадара от 350 до 500 человек за участие в восстании приговорил к смертной казни, более 10 тыс. человек осуждено к тюремному заключению. Около 170 тысяч венгерских граждан вынуждены были покинуть Родину⁵⁷.

Использование советских вооруженных сил в полицейско-карательных целях практиковалось всеми коммунистическими правительствами СССР от Ленина–Сталина до Брежнева–Горбачева. И всегда решение об этом принималось келейно, антиконституционно, т. е. было незаконным. После падения власти коммунистов и развала СССР мало что изменилось. Армия “завязана” в региональных вооруженных конфликтах на Северном Кавказе, в Таджикистане, Приднестровье. Более чем полуторагодовой опыт бесславного участия войск Российской Федерации в боевых действиях в Чечне и столь же бесславного их вывода оттуда свидетельствует, что отход не всего можно достичь с помощью бронированного кулака, что люди, сражающиеся за неправоное дело, теряют уважение общества и деградируют во всех отношениях. Армия превращается тем самым в весьма опасное оружие не только для народа, который ее содержит, но и для власть предержащих, рассчитывающих, что она оградит их своими штыками от любых взрывов народного недовольства. История, похоже, наших властителей ничему не учит, но как бы они не переоценили свою неуязвимость...

Примечания

¹ Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 32. Оп. 701291. Д. 15. Л. 130.

² Там же. Л. 131.

³ Там же. Л. 130.

⁴ Малащенко Е. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. № 10. С. 25.

⁵ Кыров А. Забудет ли Отечество погибших десантников? // Военно-исторический журнал. 1992. № 6–7. С. 62.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 701291. Д. 15. Л. 130.

- 7 Венгрия 1956 года: Очерки истории кризиса. М., 1993. С. 76.
- 8 *Вида И.* Венгрия, 23 октября – 4 ноября 1956 года // Венгерский меридиан. 1991. № 3. С. 38.
- 9 ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 701291. Д. 15. Л. 132.
- 10 *Вида И.* Указ. соч. С. 39.
- 11 ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 701291. Д. 15. Л. 6.
- 12 Там же. Л. 133.
- 13 Там же.
- 14 Там же. Лл. 196–197.
- 15 Там же. Л. 133.
- 16 Там же. Л. 226.
- 17 Там же. Д. 17. Л. 32.
- 18 Там же. Д. 16. Л. 121.
- 19 Там же. Л. 48.
- 20 Там же. Д. 17. Лл. 48–49.
- 21 Там же. Д. 15. Л. 197.
- 22 Там же. Л. 280.
- 23 Там же. Л. 226.
- 24 Там же. Л. 298.
- 25 Там же. Л. 134.
- 26 Там же. Л. 390.
- 27 Там же. Л. 19.
- 28 Там же. Л. 138.
- 29 Там же. Л. 171.
- 30 *Кыров А.* Указ. соч. С. 62.
- 31 ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 701291. Д. 15. Л. 139.
- 32 Известия. 1956. 31 октября.
- 33 ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 701291. Д. 15. Л. 143.
- 34 Там же.
- 35 Там же. Д. 17. Лл. 35–36.
- 36 Там же. Д. 16. Л. 153.
- 37 Там же. Л. 61.
- 38 Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. С. 99.
- 39 ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 701291. Д. 16. Л. 48.
- 40 Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. С. 99.
- 41 ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 701291. Д. 17. Л. 25.
- 42 Известия. 1956. 4 ноября.
- 43 ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 701291. Д. 15. Л. 147.
- 44 Там же. Д. 16. Л. 61.
- 45 Там же. Л. 19.
- 46 Там же. Д. 15. Л. 12.
- 47 Там же. Л. 144.

- 48 Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. С. 105.
 49 Венгерский меридиан. 1991. № 3. С. 119.
 50 ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 701291. Д. 15. Л. 144.
 51 ЦАМО РФ. Ф. 108. гв. пдп. Оп. 733990. Д. 35. Л. 5.
 52 Там же. Ф. 32. Оп. 701291. Д. 17. Л. 46.
 53 Там же. Д. 17. Л. 49.
 54 Гриф секретности снят: Потери ВС СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 397.
 55 Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. С. 163.
 56 Малащенко Е. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 35.
 57 Венгрия 1956 года: Очерки истории кризиса. С. 165.

Приложение № 1

СВОДНАЯ ВЕДОМОСТЬ*

о соединениях советских войск, принявших участие в подавлении народно-демократического восстания в Венгрии осенью 1956 года и динамика их вступления в страну

Соединения, объединения	Место постоянной дислокации	Время и дата приведения в боевую готовность	Время и дата перехода государственной границы
1	2	3	4
2 гв. мд	ВНР	<u>22.00</u> 23.10	
33 гв. мд	Румыния	<u>0.35</u> 24.10	к 13–14 часам 24.10 в 15 км южнее Будапешта
128 гв. ед	СССР (ПрикВО)	<u>21.45</u> <u>23.10</u>	<u>2.15–9.00</u> 24.10
Особый корпус (ген. л-т П. Н. Лащенко)	ВНР	<u>22.10</u> 23.10	

1	2	3	4
31 тд	СССР (ПрикВО)	в ночь на 1.11	<u>10.00</u> 3.11
11 гв. мд	СССР (ПрикВО)	в ночь на 28.10	1.11.56 г.
32 гв. мд	СССР (ПрикВО)	<u>22.15</u> 27.10	28-29.10.56 г.
35 гв. мд	СССР (Од ВО)	<u>20.45</u> 31.10	через Румынию с утра 4.11.56 г.
70 гв. сд	СССР (ПрикВО)	<u>26.10</u>	<u>8.00</u> 28.10
60 Зенит.-арт. дивизия	СССР (ПрикВО)	<u>23.00</u> 27.10	30.10-1.11
8 Механизиро- ванная армия (ген. л-т А. Х. Бабаджаниян)	СССР (ПрикВО)	в ночь на 28.10.56 г.	в ночь на 2.11.56 г.
17 гв.мд	ВНР	<u>22.10</u> 23.10	
27 мд	СССР (ПрикВО)	27.10	<u>10.00</u> 27.10
39 гв. мд	СССР (ПрикВО)	<u>21.45</u> 23.10	<u>2.15-9.00</u> 24.10
61 зенит.-арт. дивизия	СССР (ПрикВО)	<u>21.45</u> 23.10	24.10
38 общевойско- вая армия (ген. л-т Х. Д. Мам- суров)	СССР (ПрикВО)	<u>21.45</u> 23.10	24.10
7 гв. ввд	СССР (ПрикВО)	19.10.56 г.	<u>3.11-108 гв.пдп</u> 19.30 аэр.Текель
31 гв.ввд	СССР (ПрикВО)	<u>28.10</u> 12.00	<u>30.10</u> аэр. Веспрем
177-кв.бад.	ВНР	в ночь с 23 на 24.10	
195 гв. иад	ВНР	в ночь с 23 на 24.10	
1 гв. ждбр	ПрикВО	27.10	29.10

*Составил А. Кыров на основе документов ЦАМО РФ.

СВОДНАЯ ВЕДОМОСТЬ

о количестве убитых, раненых, пропавших без вести, погибших по другим причинам в Венгрии в октябре-ноябре 1956 года*

Войсковые соединения	Убито		Ранено		Пропало без вести		Погибло по другим причинам	
	офицеров	сержантов и солдат	офицеров	сержантов и солдат	офицеров	сержантов и солдат	офицеров	сержантов и солдат
Особый корпус	48	336	78	776	5	49	-	2
8-ая механ. армия	20	109	6	61	-	1	1	2
38-я общевойск. армия	5	33	9	51	-	-	-	3
7-я и 31-я возд.-дес. дивизии	9	76	21	244	-	12	-	-
177-я бомбар. и 195-я истреб. авиац. дивизии	3	-	-	5	-	-	2	-
1-я желез. бригада	-	1	-	-	-	-	-	-
Всего в группировке войск	85	555	114	1137	5	62	3	7

* Составил А. Кыров на основе документов ЦАМО РФ.

К истории польско-советских переговоров 19 октября 1956 г. в Бельведере (по новым материалам)

Кульминацией политического кризиса в Польше в октябре 1956 г. стал VIII пленум ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), избравший лидером партии В. Гомулку. Пленум, как известно, закончился сокрушительным поражением сталинистско-консервативных сил и предложил возбужденному, политизированному обществу конкретную позитивную программу выхода из кризисной ситуации. На всех уровнях общественной системы ПНР существенно обновилась политическая элита.

В ходе пленума, как в партии, так и за ее пределами, весьма активно обсуждался вопрос о польско-советских межгосударственных и межпартийных отношениях всего послевоенного периода. Разумеется, не случайно. Сложный, а нередко и драматический характер взаимоотношений Польши со своим восточным соседом, если их рассматривать в историческом контексте, всегда порождал в массовом сознании поляков своеобразный псеврадикальный комплекс. Что касается середины 50-х годов, то в этот насыщенный важными событиями отрезок времени можно говорить о конкретных обстоятельствах, обостривших такие исторически объяснимые для Польши социопсихологические факторы, как антисоветизм и антирусские настроения значительной части населения. Они стали едва ли не самой главной – по крайней мере так многим казалось – причиной прибытия в Варшаву в день открытия VIII пленума делегации Президиума ЦК КПСС во главе с Н.С.Хрущевым. В тот же день в Бельведере, резиденции Председателя Государственного Совета ПНР, состоялись переговоры высших руководителей Польши и Советского Союза, основным содержанием которых и были актуальные вопросы взаимоотношений ПНР и СССР, ПОРП и КПСС. Именно здесь, в Бельведере, а не в помещении Совета Министров ПНР в Аллеях Уяздовских, где происходило пленарное заседание ЦК ПОРП, были приняты важнейшие политические решения, предопределившие на

ближайшие 10–12 лет новое содержание взаимоотношений двух стран-соседей.

Польско-советские переговоры 19 октября 1956 г. – одно из ключевых событий в послевоенной истории Польши. И именно поэтому они находят отражение во всех исследованиях кризиса 1956 г., о них рассказывается – хотя бы в нескольких строках – в обобщающих курсах польской истории, в школьных учебниках¹. Но при этом изученность данной темы оставляет желать много лучшего. Дело в том, что источниковая база ее крайне недостаточная: в научном обороте имеются два документа, вышедшие из партийно-бюрократических сфер, и несколько воспоминаний участников переговоров, в том числе Н. С. Хрущева, записанных много лет спустя после самого события, что не может гарантировать качества этих источников, ведь с течением времени утрачивается острота восприятия, забываются важные детали и обстоятельства, допускаются хронологическая путаница и т. п. Ценную, но отнюдь не исчерпывающую информацию содержат недавно обнаруженные краткие записи хода переговоров, сделанные “для себя” В. Гомулкой (только изложение выступления А. И. Микояна) и А. Завадским. До сих пор ни польские, ни тем более российские исследователи не располагают таким необходимым документом, как запись переговоров (в виде протокола или стенограммы). Более того, такой эрудированный исследователь и одновременно активный участник событий 1956 г. как А. Верблян (в то время член ЦК ПОРП и высокопоставленный сотрудник аппарата ЦК) категорически утверждает: “Протоколы польская сторона не вела [...]”².

Тем не менее в целом картину переговоров можно восстановить по имеющимся источникам, что и является целью настоящей статьи. Помимо опубликованных в литературе сведений, мною использованы малонизученные или недавно ставшие известными документы из архивов Варшавы (Архив новых актов – ААН) и Москвы (Архив внешней политики Российской Федерации – АВП РФ; Центр хранения современной документации – ЦХСД).

Симптомы кризиса в экономической, политической, культурной и идеологической сферах Польши вполне проявились, хотя и в разной степени, на протяжении 1955 г. Средства массовой информации, обсуждая все новые и новые проблемы, доставшиеся польскому обществу в наследство от непродолжительной, но суровой эпохи сталинизма, создали в стране атмосферу обостренного критического подхода к лю-

бым акциям партийного и государственного аппарата. Все же ПОРП и государственным структурам удавалось до поры до времени удерживать под контролем пробуждавшуюся массовую общественную активность³. Ни в верхних эшелонах власти, ни в политизированных кругах интеллигенции и студенческой молодежи, ни, тем более, в широких слоях населения не было еще осознания того, что страна все быстрее продвигается к тяжелым потрясениям, острым общественным конфликтам.

Не было такого ощущения и у дипломатических представительств зарубежных стран в Польше⁴. Внимательно наблюдая жизнь страны пребывания, советские дипломаты могли установить, что польская экономика функционировала с большими сбоями, а жизненный уровень населения непрерывно падал⁵, порождая недовольство правящим режимом. Однако на протяжении 1955 г. все происходившее в Польше не рассматривалось еще в категориях назревавшего кризиса, даже понятия такого в направляемой в Москву по дипломатическим каналам информации не встречается.

В исследованиях польских историков, посвященных событиям 1956 г. в Польше, подчеркивается большое значение XX съезда КПСС и особенно доклада Н. С. Хрущева на закрытом заседании, оказавших воздействие на охватившее страну брожение умов⁶. На коммунистическом форуме в Москве со всею очевидностью обнаружилось глубокое несоответствие провозглашавшихся советскими вождями постулатов их не всегда благовидным деяниям. Такого шока давно не испытывало мировое общественное мнение.

Неожиданная смерть Б. Берута внесла свои коррективы в развитие событий: в стержневой политической силе страны – ПОРП – начались противостояния различных группировок, стремившихся овладеть рычагами власти; самый главный партийный пост тем не менее занял член Секретариата ЦК Э. Охаб, выразивший центристские позиции; обозначились процессы политической дифференциации в Объединенной крестьянской и Демократической партиях; самая массовая общепольская молодежная организация – Союз польской молодежи вступил в стадию идеологического и организационного распада. Такого рода проявления нестабильности свидетельствовали о вползании общественно-политических структур в кризисную фазу. Развившиеся спонтанно волнения населения Познани 28 июня 1956 г., до основания потрясшие Польшу, только подчеркнули реальность драматического конфликта между властью и обществом. Глубина его со всей силой обнаружилась на VII пленуме ЦК ПОРП (18–28 июля). Польское общество нуждалось в реформах. Вопрос заключался лишь в том, что и как реформировать, к чему и какими путями идти.

На этом фоне существенную роль в умонастроениях играл фактор весьма сдержанного, если не сказать критического, отношения к СССР. В глазах общественного мнения польско-советские отношения – вопреки публичным заявлениям официальных институций и партийных идеологов – были неравноправны, поскольку реально ставили Польшу в политическую и экономическую зависимость от восточного соседа.

Для советской политической элиты Польша 1956 г. была в сущности краем мятежным: неким скопищем ревизионистов, распахивающих настежь ворота для проникновения в страну буржуазной идеологии, ненадежным звеном в системе безопасности на западных рубежах СССР. Вероятно, к такому неутешительному выводу должна была приводить вся информация, стекавшаяся по различным каналам в Кремль и на Старую площадь. Рассмотрим только один пример.

30 августа 1956 г. отдел ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями представил “наверх” так называемую информационную записку, озаглавленную “О некоторых вопросах внутриполитического положения в Польской Народной Республике после VII пленума ЦК ПОРП”. Этот любопытный документ возник в недрах центрального партийного аппарата в связи с ожидавшимся прибытием в Москву 11 сентября (проездом в Пекин на съезд китайских коммунистов) первого секретаря ЦК ПОРП Э. Охаба, который высказал пожелание встретиться с А. И. Микояном⁷. В записке была суммирована информация, полученная в летние месяцы из Варшавы по дипломатической линии и касавшаяся идеологической тематики. Высокопоставленные партийные аппаратчики рекомендовали советским лидерам обсудить с Э. Охабом два круга вопросов: во-первых, направленность общепольской дискуссии в печати; во-вторых, деятельность так называемых дискуссионных клубов интеллигенции. Авторы записки утверждали, что “польская печать продолжает систематически предоставлять свои страницы антипартийным, враждебным выступлениям”, направленным острием против ПОРП, “на ослабление и ликвидацию руководящей роли ПОРП” в политической системе ПНР⁸. Такая ситуация полностью отвергалась ЦК КПСС как неприемлемая, порождавшая ощущение фронтальной угрозы общественному строю в Польше. В связи с вопросом о печати отдел ЦК рекомендовал также обсудить весьма щекотливую тему проявлений антисемитизма и полемики вокруг этого на страницах польской печати. Что касается дискуссионных клубов (по состоянию на август 1956 г. их в Польше насчитывалось до 130); то они рассматривались в записке как благоприятная среда для враждебных социалистическому строю сил, потенциальный источник оппозиции ПОРП. Советский посол в ПНР П. К. Пономаренко специально

зондировал почву в ЦК ПОРП, чтобы выяснить, какие меры будут приняты для пресечения попыток консолидации оппозиционных сил. В МИД СССР он сообщал: "ЦК ПОРП известно, что клубы молодой интеллигенции приносят большой политический вред, т. к. сеют семена дезорганизации и недоверия к партии и ее руководству. В настоящее время польскими товарищами подготавливаются меры по ликвидации этих клубов"⁹.

По замыслу авторов записки, собранный ими материал должен был убедить высших руководителей КПСС в том, что политическая ситуация в Польше непрерывно ухудшается и требует решительных действий. Заключительный вывод документа звучит так: "Серьезные отрицательные явления, наблюдавшиеся в Польше в первой половине 1956 г., продолжают иметь место и после VII пленума ЦК ПОРП. Партийные организации ПОРП продолжают либерально относиться к различного рода вылазкам враждебных элементов и не принимают достаточных мер к обеспечению должного партийного руководства идеологической работой"¹⁰.

Мы не знаем, как протекала запланированная встреча Э. Охаба и А. И. Микояна — ни стенограммы, ни протокольной записи: ее у исследователей пока нет¹¹. Но зато достоверно известна центральная тема переговоров. Об этом сообщает Н. С. Хрущев в своем письме в ЦК ПОРП на имя В. Гомулки 22 октября 1956 г. Оказывается, польский ЦК поставил вопрос об упразднении института советских советников в системе службы государственной безопасности Польши. А. И. Микоян, не выдвигая никаких конкретных предложений, заявил, что предложение поляков "соответствует принципиальной линии" КПСС. Обсуждался также вопрос об отзыве советских советников, находившихся на командных должностях в Войске Польском¹². Однако вопросы эти рассматривались, очевидно, лишь в общей форме и конкретное разрешение получили только в конце октября — первой половине ноября, уже после кардинальной смены политического руководства в Польше.

Заручившись моральной поддержкой китайцев на случай прямого вмешательства СССР в польские дела, Э. Охаб 30 сентября возвратился в Варшаву и уже 2 октября созвал Политбюро ЦК, чтобы проинформировать о своей поездке. На том же заседании было принято решение поручить первому секретарю ЦК "провести разговор" с В. Гомулкой, "а затем пригласить" на ближайшее заседание Политбюро¹³. Тем самым Гомулке практически открывался путь в высшие эшелоны политических руководителей Польши. Однако очередное заседание (оно продолжалось два дня — 8 и 10 октября) все же прошло без него, возможно потому, что Э. Охаб хотел лучше вникнуть в общеполитическую ситуацию после своего длительного отсутствия.

Вторым пунктом повестки дня стал вопрос “Политическая ситуация в стране и в партии”. Взаимоотношения ПНР и СССР неизбежно выходили на передний план как одна из составляющих набравшего обороты кризиса, прежде всего кризиса общественного сознания. Политбюро констатировало, что внутривластительное положение в стране крайне обострилось вследствие усилившегося противостояния административно-командной системы и общества. Антисоветизм и антирусские настроения были проявлениями как давних исторических стереотипов, так и новых, послевоенных, которые отражали стихийное неприятие бесцеремонной политики советских вождей по отношению к союзникам по Варшавскому договору.

Судя по протокольной записи, антисоветизм рассматривался как “одна из причин кризисной ситуации в партии”. О причинах антисоветизма было сказано буквально следующее: “На рост антисоветских настроений, кроме враждебной пропаганды, повлияли неправильная система взаимоотношений между ПНР и СССР (как, например, вопрос о цене угля, высшие офицерские кадры в армии очень часто не знают польского языка, не имеют польского гражданства; вмешательство советского посла во внутренние дела страны)”¹⁴. К сожалению, протокольная запись заседания не зафиксировала чрезвычайно важного для историков-исследователей обстоятельства: хода рассмотрения данного вопроса, различий в подходах участников обсуждения (а они были).

Политбюро поручило К. Рокоссовскому отрегулировать проблему советских граждан в Войске Польском: тем, кто занимал высшие командные должности, предложить принять польское гражданство, а советских офицеров, не владеющих польским языком, передвинуть с командных должностей на должности советников. Ю. Циранкевич и С. Ендрыховский обязывались “представить проект письма к КПСС по вопросу поставок угля в СССР в 1946–53 гг.”, А. Рапацкий и Ю. Калинин — подготовить записку по вопросу репатриации польских граждан из СССР¹⁵. Одним словом, на уровне партийно-государственного руководства началась подготовка к неизбежной конфронтации с советской стороной.

12 октября заседание Политбюро происходило уже при активном участии В. Гомулки. Это означало, что политический кризис вступил в новую фазу: на развитие событий теперь стала оказывать влияние волевая натура человека, который в глазах польской общественности рассматривался не только как альтернатива официальному лидеру ПОРП, но и как единственная фигура в политическом руководстве, способная вывести страну из трудного положения. Сторонники модернизации правящего режима приобрели в его лице серьезного союзника.

Вновь обсуждалось положение в стране и ПОРП. По этим вопросам с информацией выступил Э. Охаб. Он констатировал наличие кризиса в партии в результате «ошибок, допущенных в прошлом»; говорил о возбужденном состоянии общества, причем занял категорическую позицию: «Мы должны решительно бороться с антисоветскими настроениями. Дружба с Советским Союзом – это фундамент нашей политики, мы всегда и при всех обстоятельствах пойдем с Советским Союзом»¹⁶. Публичную критику в адрес КПСС он считал неприемлемой, особенно в тех средствах массовой информации, которые находились под патронатом ПОРП.

В. Гомулка резко критиковал проводившуюся экономическую политику, призывал не уклоняться от ответственности за допущенные деформации в ходе строительства нового общественного строя. «Вопрос польско-советских отношений – это большая проблема, это связано со всем комплексом антисоветских настроений [...]», – заявил он¹⁷, не вдаваясь в конкретику вопроса, но как бы подчеркивая, что проблема взаимоотношений ПНР-СССР и ПОРП-КПСС не может быть отодвинута на второй план.

Очень важное значение для расстановки сил на готовившемся VIII пленуме ЦК ПОРП, на выработку программных концепций, которые намеревались предложить партии и обществу в целом, имело заседание Политбюро 15 октября. (На заседании присутствовал и В. Гомулка.) Оно было посвящено обсуждению доклада Э. Охаба и проекта постановления VIII пленума, который первоначально намечали открыть два дня спустя. Протокольная запись заседания, хотя и не полная и, вероятно, не во всем точная; является тем не менее достоверным источником для выяснения позиций, занятых участниками обсуждения. Так, Ю. Циранкевич, Е. Моравский, В. Матвин, Р. Замбровский сразу же взяли «быка за рога», обрушив на текст доклада уничтожающую критику, и в конечном итоге добились того, что он был отвергнут подавляющим большинством участников заседания как не соответствующий актуальным задачам, стоящим перед ПОРП. Среди многих проблем обсуждались и польско-советские отношения. Речь шла о проявлениях антисоветизма. По мнению Е. Моравского, ослабить антисоветские настроения в стране можно было только устранив причины, их порождающие. Развивая эту мысль, Р. Замбровский указал на то, что в Польше после прихода к власти коммунистов слишком много и явно копировали «все, что было в СССР». Е. Альбрехт высказывался так: «В народе есть беспокойство, сумеем ли мы биться за равноправие в отношениях с СССР, не подвергая сомнению нашу дружбу». С. Ендрыховский и Э. Ставиньский подняли вопрос о советских советниках в военном ведомстве и советских гражданах в Войске Поль-

ском, упрекая их в нежелании овладеть польским языком, что задевало национальное достоинство поляков. К. Рокоссовский, напротив, защищал их, утверждая, что они приносят большую пользу. Ту же точку зрения отстаивал А. Завадский. Он проявил себя сторонником “взвешенных” оценок при характеристике польско-советских отношений в проекте постановления пленума: “У нас не может быть антисоветских настроений, и это мы должны сказать ясно; польско-советскую дружбу надо взять за основу. Вопросы, которые между нами являются спорными, необходимо откровенно поставить перед советскими товарищами”. Его поддержал В. Двораковский. Подводя итоги дискуссии, Э. Охав согласился с тем, что об отношениях ПНР и СССР в постановлении следует сказать так, чтобы не дать повода для политических спекуляций (“Вопрос об отношении к Советскому Союзу [...] поставлен неправильно и может привести к опасным последствиям”)¹⁸.

В заключительной части протокола говорилось, что проект решения принимается “как основа для дискуссии на VIII пленуме ЦК. Решено отказаться от доклада, а во вступительном слове доложить об обстановке в Политическом бюро”. Начало работы пленума переносилось на 19 октября¹⁹. Но еще предстояло познакомиться с основными тезисами программной речи В. Гомулки, которую он предполагал произнести на пленуме, а самое главное – обсудить кандидатуры в новый состав Политбюро.

Нет никакого сомнения, что о всех этих перипетиях советское посольство в Варшаве было осведомлено своевременно и достаточно полно, оно ставило в известность и руководство КПСС. Как же реагировали на развитие событий Н. С. Хрущев и его ближайшее окружение?

Имеются данные (пока нет возможности проверить их достоверность по материалам архивов), что посол СССР в Польше передал Э. Охабу приглашение Н. С. Хрущева прибыть в Москву всем составом польского Политбюро, вместе с В. Гомулкой как вероятным кандидатом на роль нового лидера ПОРП, чтобы обсудить спорные вопросы и ситуацию в целом, однако польская сторона корректно, но решительно отклонила предложение²⁰. Видимо, этот факт имел место 16 октября.

Главные, решающие события развернулись 17 октября на очередном заседании Политбюро ЦК ПОРП. В этот раз в повестке дня стояло четыре вопроса: три первых – вполне рутинных, а четвертый – “Вопрос VIII пленума ЦК” – предопределил ход и итоги пленума, подготовил крутой поворот в развитии политического кризиса в ПНР, а вместе с тем внес новое содержание в межгосударственные отношения ПНР и СССР.

Э. Охаб, потерпев чувствительное поражение во время обсуждения своего доклада, представил теперь новый, собственный вариант проекта постановления предстоящего пленума, однако вновь натолкнулся на критику со стороны своих коллег (Р. Замбровский, А. Завадзкий). Было решено представить письменные поправки к первому варианту; вариант Охаба, стало быть, снимался с дальнейшего обсуждения. Затем было принято решение кооптировать в ходе пленума В. Гомулку, И. Лёга-Совиньского, З. Клишко и М. Спыхальского в состав ЦК, что, по расчетам реформаторов, должно было изменить соотношение сил в их пользу в ходе дискуссии на пленуме.

При обсуждении вопроса о количественном составе будущего Политбюро, которое предполагалось избрать на пленуме, Э. Охаб сделал следующее заявление: "Мы не овладели положением в партии, этому способствовала слабая работа первого секретаря ЦК. Мы идем на пленум, а мой доклад не нашел поддержки в Политическом бюро. Есть существенное различие между моей линией в докладе и постановлением. В таких условиях считаю, что дальнейшее выполнение мною обязанностей первого секретаря невозможно"²¹. Действующий состав Политбюро Охаб считал недееспособным ввиду невозможности выработать общую платформу. Далее он заявил, что считает необходимым ввести в состав Политбюро В. Гомулку. В соответствии с заранее обусловленным сценарием Ю. Циранкевич предложил кандидатуру Гомулки на пост первого секретаря ЦК, а А. Рапацкий – поручить Гомулке и Охабу совместно определить новый состав Политбюро²². Сам же Гомулка пожелал обсудить будущий состав Политбюро в кругу Э. Охаба, Ю. Циранкевича и А. Завадзкого²³. Именно такой состав "комиссии" и был утвержден. Понятно, что В. Гомулка имел решающий голос в комплектовании той "команды", которой предстояло выводить страну и партию из кризиса.

Политбюро VIII пленуму решено было предложить в составе: В. Гомулка, С. Ендрыховский, А. Завадзкий, Р. Замбровский, И. Лёга-Совиньский, Е. Моравский, Э. Охаб, А. Рапацкий и Ю. Циранкевич. В Секретариат рекомендовались: Е. Альбрехт, Э. Герек, В. Гомулка, Р. Замбровский, В. Матвин, Э. Охаб, В. Ярославский. Как видим, сторонники безусловной ориентации на Советский Союз подлежали выводу из высшего политического руководства, центристы же сохранили свои позиции. Особенно неприятным должно было показаться советским лидерам отстранение К. Рокоссовского, занимавшего вдобавок один из ключевых государственных постов, ведь его пребывание в роли министра национальной обороны, очевидно, ставилось под вопрос. Усиливалась также роль так называемых молодых секретарей

(Е. Моравский, Е. Альбрехт, В. Матвиш), имена которых ассоциировались в Москве с "польским ревизионизмом".

В Кремле такое развитие событий вызывало нервозность. В тот же день, по озакакомлению с депешей из Варшавы, Н. С. Хрущев начал действовать. В его воспоминаниях находим следующие ценные свидетельства, относящиеся к описываемым событиям. "Я позвонил в Варшаву, разговаривал с Охабом, спросил, верна ли информация, полученная нами через советское посольство. Он подтвердил. Тогда я спросил, правда ли, что в Польше стал бурно проявляться антисоветизм и что приход Гомулки к власти осуществляется при опоре на антисоветские силы?", — писал Н. С. Хрущев. Он выразил также пожелание приехать в Варшаву вместе со своими коллегами, чтобы "поговорить с Вами на месте". Э. Охаб попросил время на ответ, а позднее сообщил, что советскую делегацию ждут только после окончания работы VIII пленума. Далее следуют очень важные признания советского лидера: "[...] в то время у нас уже доверие к Охабу исчезло. Лучшее всего, конечно, нам было бы не появляться там. Но теперь мы именно за этим и хотели приехать, чтобы оказать соответствующее давление. Отказ же Охаба еще больше возбудил наши подозрения, что там нарастают антисоветские настроения, которые могут вылиться в такие действия, когда поправить положение будет уже трудно"²⁴. Хрущев настаивал на приезде, подчеркнул, что Польша для СССР имеет большое стратегическое значение, поскольку через ее территорию проходят важные коммуникации к советским гарнизонам, расположенным здесь согласно Потсдамским соглашениям 1945 г.²⁵

Разговор Н. С. Хрущева и Э. Охаба состоялся 17 октября, ближе к вечеру. Но, столкнувшись с упорным сопротивлением своих польских контрагентов, Хрущев стал "давить" на них через посла П. К. Пономаренко. Последний связался по телефону с Охабом и поставил в известность, что советская партийная делегация все-таки прибывает в Варшаву, требовал отложить начало работы VIII пленума. Была уже ночь, но Э. Охаб собрал срочное заседание Политбюро²⁶. Это было 18 октября. В протоколе заседания читаем: "Тов. Охаб проинформировал, что посол Пономаренко уведомил его, что руководство КПСС хочет прислать свою делегацию для встречи с руководством нашей партии с целью обсуждения текущей ситуации в партии и в стране. Руководство КПСС оценивает очень серьезно ситуацию в стране, особенно на фоне роста антисоветских настроений"²⁷. Было принято решение не откладывать начала пленума, советскую делегацию пригласить на второй или третий день работы. Лишь К. Рокоссовский возражал, считая, что советскую делегацию следует пригласить накануне открытия пленума²⁸. По-видимому, уже в ходе заседания советское посольство

во вновь связалось по телефону с первым секретарем ЦК ПОРП, и в протоколе появилась следующая запись: "Тов. Пономаренко уведомил тов. Охаба, что делегация, состоящая из 4 членов Президиума ЦК КПСС во главе с тов. Хрущевым, прибудет в аэропорт в пятницу утром, т. е. 19.X.56". Фактически польская сторона была поставлена в безвыходное положение, и оставалось лишь назвать тех, кто должен был встретить настоячивых гостей в международном аэропорту Окенче. Выбор пал на Охаба, Гомулку, Завадзкого и Циранкевича²⁹.

В. Гомулку о визите Н. С. Хрущева предупредил лично посол СССР³⁰.

Накануне открытия VIII пленума ЦК ПОРП обстановка в Польше достигла крайней степени напряжения. С 17 октября и до последнего дня работы пленума в Варшаве проходили бурные многотысячные митинги студенческой и рабочей молодежи в поддержку демократических реформ. Митинговали не только в высших учебных заведениях, но и на крупных промышленных предприятиях, в военных академиях, в учреждениях. То же самое наблюдалось в Кракове и Новой Гуте.

Рано утром 19 октября Э. Охаб, В. Гомулка, Ю. Циранкевич и А. Завадзкий отправились встречать непрошенных гостей. Историки располагают описаниями встречи советского лидера. Они любопытны, поскольку в какой-то степени рисуют нравы московской политической элиты.

Итак, делегация Президиума ЦК КПСС – таково было официальное наименование кремлевского "десанта" – прибыла двумя самолетами: сначала В. М. Молотов, А. И. Микоян и Л. М. Каганович, немного позднее – Н. С. Хрущев³¹. Спустившись по трапу, он направился к группе встречавших его советских военачальников, одновременно грозя кулаком в сторону польских руководителей³². К советским генералам присоединился К. Рокоссовский и отрапортовал Хрущеву, что было расценено поляками как некорректный жест по отношению к ним. После этого Хрущев подошел к членам польского политбюро, избегая рукопожатий, по-прежнему грозя кулаком и рассыпая угрозы в их адрес. Его ничуть не смущало, что в непосредственной близости эту неприглядную сцену наблюдали функционеры госбезопасности, водители правительственных автомашин и иной обслуживающий персонал. "Было ясно, что этот инцидент станет публичной тайной", – свидетельствует Э. Охаб³³. "Мы проливали свою кровь за освобождение этой страны, а вы хотите отдать ее американцам, но это вам не удастся, этого не будет!", – кричал Хрущев в ярости. Заметив В. Гомулку, обратился к советскому послу с вопросом: "А это кто?". Прежде чем П. К. По-

номаренко смог ответить, сам Гомулка сказал по-польски: “Я – Гомулка, которого вы три года держали в тюрьме”³⁴.

Теперь обратимся к чрезвычайно ценному документу, который пока еще не рассматривался в исследовательской литературе. Речь идет о протоколе заседания Политбюро ЦК ПОРП от 19–21 октября³⁵, составленном в буквальном смысле слова по следам событий. О встрече делегации КПСС информировал В. Гомулка. В протоколе зафиксирована его прямая речь: “Разговора такого я никогда не вел с партийными товарищами, не понимаю, как можно в таком тоне, с такими эпитетами разговаривать с людьми, которые обращаются к ним с добрыми намерениями. Хрущев поздоровался прежде всего с тов. Рокоссовским и генералитетом – “это люди, на которых я опираюсь”. Обратившись к нам сказал: “Предательская деятельность тов. Охаба обнаружилась. Этот номер Вам не пройдет!”³⁶. Нужно было много выдержки, чтобы не реагировать на такие слова. Вся эта речь была высказана сильно повышенным тоном, так что все в аэропорту ее слышали, даже шоферы. Я предложил поехать с ними в Бельведер и спокойно поговорить. Они сказали, что прежде всего надо отложить пленум. Мы с этим не согласились”³⁷.

Делегация КПСС предпочла сначала направиться в советское посольство. Открытие же VIII пленума состоялось в объявленные сроки.

Пленум начался с заявления Э. Охаба о том, что традиционный вводный доклад (“о некоторых актуальных проблемах, стоящих перед нашей партией”) не подготовлен, поскольку не позволила обстановка, “которая создалась в последнее время в руководстве”³⁸. Таким способом было замаскировано фиаско Охаба с проектом доклада, отклоненным его коллегами по Политбюро. Участникам пленума раздали список кандидатов в новый состав Политбюро и Секретариата ЦК³⁹, после чего было предложено обсудить проект постановления по политическим и хозяйственным вопросам, вытекающим из требования программы, которую предлагали В. Гомулка и его сторонники – программы выхода из кризиса. Далее было принято предложение кооптировать в состав ЦК В. Гомулку, М. Спыхальского, З. Клишко и И. Лёга-Совиньского. Тем самым придавалась легитимность участию В. Гомулки как в работе самого пленума, так и в предстоявших переговорах с советской партийной делегацией. Затем в работе пленума был объявлен перерыв, а члены Политбюро переместились в Бельведер.

Взгляд с исторической перспективы отчетливо показывает, что именно польско-советские переговоры 19 октября стали ключевым, поворотным моментом в развитии кризиса 1956 г. в Польше. События могли пойти совсем по другому руслу, если бы в ходе ожесточенных перепалок под бельведерскими сводами стороны не достигли согласия в

принципиальных вопросах взаимоотношений ПНР и СССР, а импульсивный, несдержанный советский лидер не проявил прагматической уступчивости.

Согласно представленной пленуму информации А. Завадзкого, на переговорах обсуждались три вопроса: антисоветские выпады в польской прессе; новый состав польского политического руководства, которое предстояло избрать на пленуме; состоянии польско-советских межгосударственных и межпартийных отношений⁴⁰. На самом деле круг вопросов был шире. Просто в более пространное описание переговоров Завадзкий не углублялся. Таковы были правила игры в тогдашнем коммунистическом мире: чем меньше информации для публики – тем лучше.

Частично о восприятии В. Гомулкой хода переговоров дает представление протокол Политбюро. “В Бельведере разговор имел такой же тон. Они сказали, что мы, собственно говоря, наплевали им в лицо, поскольку не согласились принять делегацию [КПСС] до пленума, – отмечал Гомулка. – Они в претензии на нас за то, что комиссия Политического бюро предложила состав нового Политического бюро без нескольких товарищей, которые являются выразителями польско-советского союза, а именно товарищей Рокоссовского, Новака, Мазура, Юзвяка. Я заявил, что у нас нет таких тенденций, мы не хотим разрывать дружбы с Советским Союзом. Дошло до стычки. Товарищ Хрущев сказал: “Этот номер вам не пройдет, мы готовы на активное вмешательство”⁴¹. Я понимаю, что можно говорить в повышенном тоне, но если разговоры идут с пистолетом на столе, то тогда почвы для разговора нет”⁴². Угроза Н. С. Хрущева прозвучала тем более зловеще, что польские руководители уже знали о движении советской танковой колонны к Варшаве.

Сопоставляя воспоминания участников событий, а также записи (правда, не полные и не всегда точные) В. Гомулки и А. Завадзкого, можно попытаться реконструировать, хотя бы частично и гипотетически, ход переговоров. Р. Замбровский, в 1956 г. член Политбюро ЦК ПОРП (он присутствовал на первом заседании), пишет, что председательствовал на правах “хозяина” Э. Охаб⁴³. Первым слово получил А. И. Микоян. Он выразил беспокойство по поводу развития событий в Польше, занимающей важное геополитическое положение на Европейском континенте, упрекнул персонально Э. Охаба за то, что тот очень скупо информировал руководство КПСС о ситуации в стране и ПОРП, усомнился в том, что СССР и Польшу могут разделять какие-либо экономические проблемы. По его мнению, в вопросе о так называемых репарационных поставках угля в СССР советское правительство готово пойти на уступки. Микоян предупреждал об опаснос-

ти, грозившей со стороны реакционных сил, критиковал польских руководителей за терпимость к проявлениям "антисоветской агитации", совершенно не находил объяснения стремлениям вывести из состава высшего политического руководства К. Рокоссовского и других "сторонников дружбы с Советским Союзом"⁴⁴.

Вторым, судя по записям А. Завадзкого, выступил В. Гомулка. Он подтвердил наличие глубоких разногласий в польском политбюро, указал на неспособность этого высокопоставленного партийного органа консолидировать партию и решать актуальные практические задачи, встающие перед политическим режимом. Применять силовые методы в отношении оппозиционной печати Гомулка считал бесполезным. Он заверил советских представителей в том, что предполагаемая смена польского руководства не повлияет на политику дружбы с СССР⁴⁵.

Следующим слово получил Р. Замбровский. Он вспоминал позднее, что ему пришлось защищать своих коллег от упреков, ими вовсе не заслуженных, если иметь в виду их отношение к СССР. Он высказал тривиальную мысль о том, что разбалансированность в ПОРП и в стране в целом требует нового политического курса, а последний невозможен при существующих в высшем эшелоне политиков взаимоисключающих подходах, видении способов выхода из кризиса. Новая команда, следовательно, должна быть коллективом единомышленников.

Затем, продолжил Р. Замбровский, слово взял Н. С. Хрущев. Сначала он выразил сожаление по поводу несправедливых репрессий против В. Гомулки, возмущался тем, что К. Рокоссовского не хотели включить в новый состав Политбюро, что забываются заслуги маршала в разгроме гитлеровской Германии. Потом он затронул тему "идеологических искривлений в польской партии" и заявил: польские рабочие не согласятся с политической линией руководителей ПОРП. Гомулка подал реплику, что готов немедленно вместе с Хрущевым пойти на любое предприятие и убедиться, кого станут поддерживать рабочие. В словесной перепалке с советским лидером Гомулка впал в состояние транса, перешел с русского языка на польский, Хрущев беспомощно смотрел на окружающих, прося переводить ему. Разрядил ситуацию Э. Охав, объявив короткий перерыв⁴⁶. Впоследствии Н. С. Хрущев вспоминал, что на него произвел неизгладимое впечатление именно этот момент нервного срыва Гомулки. "Я теперь проникся особым доверием к Гомулке, хотя и раньше доверял ему, – говорил Хрущев. – Несмотря на его вспыльчивость, в его словах звучала искренность"⁴⁷.

Во время перерыва произошли очень важные события, переломившие ход переговоров. Во-первых, польские руководители получили

новую информацию спецслужб, наблюдавших за передвижением советских военных подразделений⁴⁸. В своих воспоминаниях Н. С. Хрущев также подтверждает эти данные. Вот что он пишет: “С нами в Варшаву приехал и маршал Конев, который в то время был главнокомандующим войсками стран Варшавского пакта и казался нам необходимым в Варшаве. Через Конева мы приказали привести наши войска в Польше в боевую готовность. Потом дополнительно приказали подтянуть одну танковую дивизию к Варшаве. Конев доложил, что войска снялись с казарменного положения, а танковая дивизия уже движется в направлении Варшавы”⁴⁹. От Рокоссовского он также знал, что войска министерства внутренних дел Польши приведены в боевую готовность и подтянуты к столице.

Во-вторых, польские руководители хорошо знали, что в Варшаве нарастает напряженное ожидание развязки, на крупных предприятиях, в частности на автомобильном заводе в Жерани, рабочие готовятся к обороне⁵⁰. По свидетельству С. Сташевского, в то время первого секретаря Варшавского городского комитета ПОРП, для формирования отрядов самообороны и рабочей милиции было выделено 800 единиц огнестрельного оружия⁵¹. Нет нужды пояснять, что могло бы произойти, сойдись эти силы в открытой схватке.

Переговоры продолжились выступлением Председателя Государственного Совета ПНР А. Завадзкого. Он пытался направить спор в более спокойное русло, сосредоточившись в основном на критике выпадов польской прессы против СССР. Он также признал наличие в Политбюро фактически двух лагерей – сторонников и противников демократизации⁵². Ф. Юзьвяк и З. Новак высказывались, судя по заметкам А. Завадзкого, против того состава Политбюро, который намечалось предложить VIII пленуму.

Председатель Совета Министров ПНР Ю. Циранкевич, говоря о состоянии польско-советских отношений, среди прочего указал на некорректность поведения Н. С. Хрущева в момент прибытия делегации КПСС в польскую столицу. Советский лидер прерывал его нетерпеливыми репликами. Внезапно польская сторона потребовала объяснить причины выхода советских подразделений из мест дислокации. В ответ было сказано, что начались запланированные учения. Дальнейший ход переговоров отражает цитата из мемуаров Н. С. Хрущева: “Продолжалось между тем бурное, нервное заседание. Мы резко спорим с поляками. Вижу, направляется ко мне Гомулка и с беспокойством заявляет: “Товарищ Хрущев, на Варшаву движется русская танковая дивизия. Я очень прошу Вас дать приказ не вводить ее в город. Вообще было бы лучше, если она не подступит к Варшаве, потому что я боюсь, что произойдет нечто непоправимое”. Гомулка экспансивный человек,

у него даже пена на губах появилась. Выражения он употреблял крайне резкие. Мы стали отпекиваться, дескать, нет ничего подобного. Я решил не говорить ему, что одновременно с приказом Коневу двинуть на Варшаву советские войска соответствующие указания получил и К. Рокоссовский, который предпринимал какие-то шаги в тех польских войсках, на которые он мог положиться. Спустя некоторое время Гомулка вновь поставил тот же вопрос⁵³. А. Завадзкий зафиксировал в своих заметках точное время этого демарша В. Гомулки – 9 часов вечера⁵⁴.

Последовал новый перерыв – советская делегация удалилась на совещание, причем был приглашен и К. Рокоссовский. На совещании Н. С. Хрущев предложил поддержать В. Гомулку. Возражений не последовало, и И. А. Коневу немедленно был отдан приказ остановить продвижение танковых колонн на Варшаву. “Тут и Гомулка успокоился: ему сразу же доложили, что наши войска никуда не движутся, – вспоминал советский лидер. – Обстановка разрядилась. Поляки поняли, что можно договориться. Думаю, ввод наших войск в Варшаву действительно мог стать непоправимым явлением и породил бы такие сложности, что трудно даже представить себе, куда мы могли пойти. Считаю, что положение спас Гомулка, когда столь убедительно высказал свои соображения. Остальное оказалось второстепенным делом”⁵⁵.

Разумеется, цитированные воспоминания участников переговоров не дают исчерпывающей картины. Они, как нетрудно заметить, касаются лишь наиболее острого, не терпевшего ни малейшего отлагательства вопроса, ибо ставка – быть или не быть советскому вооруженному вмешательству в Польшу! – представлялась слишком большой. Но картину можно дополнить и другими источниками, хотя даже в этом случае многие важные детали останутся непроясненными.

Советскую делегацию раздражало нежелание поляков предварительно обсудить с ЦК КПСС намечавшийся состав нового польского политбюро. К ее нескрываемой досаде список кандидатов – как дело уже решенное – был помещен на доске объявлений у ворот Варшавского университета еще до открытия VIII пленума ЦК и живо обсуждался всеми желающими⁵⁶. Молва связывала этот факт с инициативой Варшавского городского комитета ПОРП⁵⁷. Как бы там ни было, позиция поляков не требовала комментариев: В. Гомулка, приняв решение вновь вернуться на партийный Олимп, позаботился о значительном перевесе своих сторонников в высшем политическом руководстве, и дело здесь было не только в нежелательности кандидатуры К. Рокоссовского. В выступлении А. Завадзкого на пленуме подчеркивалось: “Что касается проекта нового состава руководства, то хочу сказать, что этот вопрос от начала до конца обсуждался как внутренний вопрос нашей партии и

ее ЦК"⁵⁸. Стало быть, и здесь польская сторона не пошла на уступки, что, вероятно, также произвело соответствующее впечатление.

Наиболее трудным оказался вопрос о польско-советских межгосударственных отношениях. В сущности он был центральным в ходе разгоревшихся споров. Именно о нем шла речь в официальном сообщении для печати⁵⁹. Несколько существенных деталей сообщает рабочая запись заседания Президиума ЦК КПСС 24 октября 1956 г., сделанная Яном Свободой, помощником первого секретаря ЦК КП Чехословакии А. Новотного. Дело в том, что, возвратившись в Москву, Н. С. Хрущев собрал указанное заседание, чтобы информировать о переговорах с Политбюро ЦК ПОРП, причем в заседании приняли участие такие представители международной коммунистической элиты, как В. Ульбрихт, О. Гротеволь, В. Штоф, А. Югов, Т. Живков, Г. Дамянов, А. Новотный и Лю Шаоцы⁶⁰. Как сообщил Н. С. Хрущев, при обсуждении в Варшаве вопроса о польско-советских отношениях вновь первую скрипку играл В. Гомулка: он заверил советскую делегацию в том, что ПОРП предпримет все усилия для стабилизации обстановки в Польше и удержания страны на социалистических позициях. При этом Гомулка, как утверждал Хрущев, неоднократно подчеркивал, что не позволит внешним силам (читай: СССР) вмешиваться в польские дела. Обсуждались вопрос об отзыве советских советников из Польши и чрезвычайно болезненный вопрос экономического характера – о компенсации за продажу в СССР польского угля по необоснованно заниженным ценам. Что касается передвижения советских войск по польской территории, то Хрущев в своем выступлении об этом упомянул буквально мимоходом. Он признал также, что сама дискуссия протекала в весьма нервной обстановке⁶¹.

Рассмотренные документальные источники о переговорах в Бельведере следует дополнить свидетельством самого В. Гомулки. Он довольно скоро сумел понять главную, подспудную причину беспокойности своих контрагентов: советские лидеры очень опасались выхода Польши из системы Варшавского договора, ибо из сообщений посольства знали, что в польских оппозиционных коммунистическому режиму кругах такая идея неоднократно высказывалась. В сложившемся к тому времени контексте международных отношений выпадение из блока европейских социалистических стран столь важного с геополитической точки зрения звена неизбежно породило бы обострение ситуации в этой части Европейского континента, угрожая непредсказуемыми последствиями вплоть до возможности вооруженных межгосударственных столкновений. Это и объясняет стремление В. Гомулки убедить делегацию КПСС в том, что Варшавский договор отражает насущные национальные интересы Польши и потому она будет забо-

титься об укреплении восточного блока. Такая аргументация достигла цели⁶².

Как курьез можно отметить столкновение между В. Гомулкой и В. М. Молотовым. Когда советский министр иностранных дел пытался в ходе дискуссии подать какую-то реплику, Гомулка бесцеремонно прервал его: «А вам, товарищ Молотов, нечего здесь говорить. Польский народ помнит Ваше выступление на Верховном Совете Советского Союза о том, что “уродливое дитя Версальской системы перестало существовать”». Молотов стушевался и оставил попытки участия в спорах⁶³.

В конечном итоге стороны достигли взаимоприемлемых решений. В официальном заявлении для печати говорилось, что в скором времени в Москве состоится второй раунд переговоров в целях обсуждения “проблемы дальнейшего углубления политического и хозяйственного сотрудничества” между ПНР и СССР, “дальнейшего укрепления братской дружбы и совместных действий” ПОРП и КПСС⁶⁴. Ранним утром 20 октября делегация КПСС покинула Варшаву.

В глазах польского общественного мнения руководители ПОРП, и прежде всего В. Гомулка, одержали серьезную моральную победу. Чем же объяснить уступчивость Н. С. Хрущева и довольно скоро наступивший перелом в ходе переговоров? Тут имел место комплекс причин. Конечно, свою роль сыграли заверения В. Гомулки, его твердая защита избранной руководством ПОРП линии поведения. Имела свое значение и информация, полученная главой делегации КПСС о том, что положение К. Рокоссовского в качестве министра национальной обороны ПНР существенно поколебалось – правительственные круги, армия потеряли доверие к нему, обвиняли в проведении антипольской политики, на многочисленных митингах нередко высказывалось требование отправить маршала в СССР⁶⁵. А. Верблян считает, что решающую роль сыграла, однако, позиция лидеров китайской компартии, сдерживавшая советских политиков в их стремлении вмешиваться в дела своих партнеров по Варшавскому договору⁶⁶. Доводы польского историка заслуживают самого пристального внимания. Но был еще один фактор, который повлиял на ход дискуссий в Бельведере. Именно в это время к своей кульминации подходил глубокий политический кризис в Венгрии, где коммунистический режим подвергался ожесточенной критике слева и справа, антисоветские настроения охватили подавляющую часть венгерского общества, выдвигались требования о выводе советских войск из страны, выхода Венгрии из Варшавского договора. Таким образом, вполне реальной становилась перспектива возникновения в рамках пакта своеобразного блока Польша–Венгрия,

оппозиционного “старшему брату”. С такой возможностью Н. С. Хрущев не мог не считаться.

Тем временем VIII пленум ЦК ПОРП возобновил работу, В. Гомулка уже как признанный лидер партии занял место за столом президиума. А. Завадзкий сделал сообщение об итогах польско-советских межпартийных переговоров, после чего К. Рокоссовский по требованию пленума поднялся на трибуну для объяснений по поводу передвижения советских танков по польской государственной территории. Он заверял, что танки двигались вовсе не на Варшаву, а в направлении Быдгощи и Лодзи, осуществляли давно запланированные маневры, что было, как мы видели, тривиальной дезинформацией. Речь маршала прозвучала малоубедительно: для большинства стало ясно, что дни пребывания его на посту министра национальной обороны сочтены, несмотря на уверения, что именно по его просьбе командующий войсками Варшавского договора маршал И. С. Конев приказал войскам вернуться в казармы⁶⁷.

Затем выступил В. Гомулка. Польско-советским отношениям в его программной речи уделялось значительное внимание. В концептированном виде суть польской позиции в данном вопросе была сформулирована предельно ясно: “Эти отношения должны формироваться по принципам международной рабочей солидарности, должны основываться на взаимном доверии и равноправии, на оказании взаимной помощи, на взаимной дружеской критике, если она окажется нужной, на разумном и вытекающем из духа дружбы и из духа социализма решении всех спорных вопросов. В рамках таких отношений каждая страна должна пользоваться полной независимостью и самостоятельностью, а право каждого народа на суверенное управление в независимой стране должно соблюдаться полностью и взаимно”⁶⁸. В таком же духе проблема польско-советских отношений рассматривалась и в итоговом документе пленума.

В ходе дискуссии высказались многие члены ЦК. Сформулированная польским лидером концепция польско-советских отношений получила полную поддержку. Отмечалось, что советский опыт “строительства социализма” не подходит к польским историческим, социальным и культурным реалиям и, следовательно, неприемлем. Постулировался собственный путь Польши к “обществу социальной справедливости” – так называемый польский путь к социализму, базировавшийся на критическом осмыслении сталинизма. Все выступавшие осуждали антисоветские высказывания в польской периодической печати. Раздавались даже призывы ужесточить контроль в средствах массовой информации⁶⁹.

Ближайшим последствием заявленного на пленуме нового курса были кадровые изменения в Войске Польском, а также в партийном и государственном аппарате. Уже 23 октября от должности заместителя министра национальной обороны отстранили генерала К. Виташевского, скомпрометировавшего себя приверженностью к "завинчиванию гаек", что ассоциировалось со сталинизмом. 24 октября в отпуск отправили К. Рокоссовского, а 13 ноября в ходе реорганизации Совета Министров ПНР маршала принудили к отставке, после чего он сразу же вернулся в СССР. Институт советских советников в армии практически ликвидировался⁷⁰. То же самое можно сказать и о ведомстве государственной безопасности: в 1956 г. из ПНР было отозвано 49 человек, а для поддержания контактов с польской стороной осталось всего четверо⁷¹. Многочисленные замены произошли на уровне первых секретарей воеводских комитетов ПОРП.

* *
*

Октябрь 1956 г. отделил кульминационную фазу политического кризиса от последующей, посткризисной фазы. Конфликт между властью и обществом разрешился на пути формирования нового политического руководства, которому широкие слои населения выразили свое доверие. В рамках ПОРП, обладавшей командными высотами в сфере политики, конфликт в высшем, элитарном слое, а также между руководящими звеньями всех ступеней и членской базой значительно ослаб.

Полностью соответствовала общественным ожиданиям сформулированная В. Гомулкой идея суверенитета Польши и постановки отношений с Советским Союзом на новую, более справедливую основу. Сам факт избрания Гомулки первым секретарем ЦК ПОРП подавляющее большинство граждан расценило как отвечающий интересам нации. Не случайно многие современники и участники событий, именно с Гомулкой связывали надежды на демократизацию страны, а в ПОРП – на реформирование политической системы и выправление экономической ситуации⁷².

Эйфория победы прореформаторских сил в Польше не должна была заслонить от руководителей КПСС той бесспорной истины, что следовало примириться с реальностью и пойти на уступки, чтобы продолжать удерживать нити управления блоком европейских социалистических стран. Два дня спустя после окончания работы пленума Н. С. Хрущев в телефонном разговоре с В. Гомулкой подтвердил, что "не видит никаких препятствий к тому, чтобы партийные и государ-

ственные взаимоотношения между СССР и Польшей основывались на принципах, изложенных VIII пленумом ЦК ПОРП⁷³.

Интервенция советских войск в Венгрии 24 октября 1956 г. породила в Польше новую волну эмоций, носивших нередко антисоветский и антирусский характер. Какими бы аргументами ни прикрывался этот неправовой и бесцеремонный акт вмешательства в жизнь другого государства, иной реакции он в польском обществе вызвать не мог. На массовом митинге в варшавском политехническом институте 30 октября, в котором активно участвовали члены ЦК ПОРП А. Старевич и М. Нашковский, по поручению партийного руководства побывавшие в Будапеште для изучения ситуации, была принята резолюция, выражавшая "полную поддержку революционным силам Венгрии" и протест "против участия советских войск в подавлении восстания"⁷⁴. В польском общественном мнении такой постулат безусловно доминировал.

В связи с венгерскими и польскими событиями в третьей декаде октября советское политическое руководство было поставлено перед необходимостью публично отнестись к тому, что происходило в этой части восточноевропейского региона. В Кремле избрали форму торжественного заявления о вступлении взаимоотношений социалистических стран в новую, более высокую фазу. Так появилась "Декларация правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами", датированная 30 октября и опубликованная в советской прессе на следующий день (тогда же ее опубликовала и польская пресса). Текст документа состоит как бы из двух тематических блоков. Сначала формулируются основные принципы взаимоотношений социалистических стран. Нетрудно заметить, что эта часть носит явные следы дискуссии в Бельведере 19 октября. Во-первых, признавалось, что эти взаимоотношения должны впредь строиться на базе равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, а также невмешательства во внутренние дела друг друга. Во-вторых, подчеркивалась необходимость учета исторического прошлого и национальных особенностей каждой страны. В-третьих, проявлялась готовность обсудить меры по обеспечению развития экономических связей между странами блока на основе взаимной выгоды и равноправия в экономических отношениях. В-четвертых, ставился вопрос о ликвидации института советских специалистов-советников. В-пятых, Советский Союз соглашался рассмотреть совместно с заинтересованными сторонами вопрос о выводе советских войск, дислоцировавшихся в социалистических странах. Что касается советских войск в Польше, то указывалось, что они находятся

там на основании Потсдамского соглашения и Варшавского договора⁷⁵. Все эти актуальные для советско-польских межгосударственных отношений вопросы после октября 1956 г. игнорировать было уже невозможно. Второй тематический блок декларации касался событий в Венгрии.

Второй тур польско-советских переговоров на самом высоком партийно-государственном уровне состоялся в Москве 15–18 ноября 1956 г. Принятая в последний день переговоров совместная декларация, подписанная с советской стороны Н. С. Хрущевым и Н. А. Булганиным, а с польской – В. Гомулкой и Ю. Циранкевичем, не внесла каких-либо новых принципов, призванных регулировать взаимоотношения ПНР и СССР на государственном уровне. Она подтвердила те базисные положения, которые были выработаны в Бельведере и затем интегрированы в Декларацию правительства СССР от 30 октября: полное равноправие, уважение территориальной целостности, независимости и суверенитета, невмешательство во внутренние дела каждой страны⁷⁶. Самое существенное, что фиксировалось в совместной советско-польской декларации, касалось трех весьма актуальных для Польши проблем: урегулирования экономических взаимоотношений СССР и ПНР, определения статуса советских войск на территории Польши, дальнейшей репатриации поляков, оказавшихся в СССР после окончания второй мировой войны.

Весьма болезненно воспринимавшаяся польским обществом проблема неравноправия экономических отношений между ПНР и СССР – в первую очередь, так называемая “угольная проблема”⁷⁷, – в результате переговоров снималась: образовавшаяся задолженность Польши по советским кредитам (по состоянию на 1 ноября 1956 г.) была аннулирована. Одновременно правительство СССР согласилось предоставить Польше в 1957 г. зерно (1 400 000 т), а также долгосрочный кредит (700 млн рублей) для покрытия стоимости доставляемых из Советского Союза товаров. Это было очень важное достижение польской стороны в ходе переговоров. Вероятно, без каких-либо споров решился вопрос о репатриации поляков. Советская сторона обязалась содействовать разрешению проблемы во всех ее аспектах. 25 марта 1957 г. в Москве состоялось подписание межправительственного соглашения о сроках и порядке дальнейшей репатриации из СССР в ПНР лиц польской национальности. В том же году на основании этого документа в Польшу вернулось 94 000 человек⁷⁸.

Вопрос о пребывании советских войск на территории ПНР порождал трудности. Не случайно в тексте совместной декларации были очерчены лишь самые общие контуры механизма разрешения проблемы: советские войска оставались в Польше ввиду международной

конъюнктуры; все передвижения советских военных подразделений строго согласовывались с польскими компетентными органами, так же как их количество и места расположения; советские войска обязывались уважать и соблюдать польское право, не вмешиваться во внутренние дела страны. Принятие специального соглашения откладывалось на более позднее время. Его подписали 17 декабря 1956 г.⁷⁹. Переговоры же об эксплуатации советскими войсками различных объектов и пользовании услугами продолжались еще в 1957–1958 гг., как сказано в одном документе, “в связи с большими расхождениями в позициях, занимаемых сторонами”⁸⁰.

Примечания

¹ См.: *Albert A. [Roszkowski W.] Najnowsza historia Polski 1918–1980*. Londyn, 1989; *Eisler J., Kupiecki R. Na zakręcie historii – rok 1956*. Warszawa, 1992; *Trusiewicz R. Historia 4. Polska współczesna 1944–1989. Podręcznik dla klasy IV liceum ogólnokształcącego*. Warszawa, 1993.

² Rozmowy kierownictwa PZPR z delegacją KPZR. Nieznane dokumenty z października 1956 r. Do druku przygotowali A. Werblan i J. Stępień // *Dziś* (Warszawa). (IV) 1995. N 4. S. 106. Э. Охаб, в тот момент еще занимавший пост первого секретаря ЦК ПОРП, утверждает, что ход переговоров фиксировался в текстовом виде (*Torańska T. Oni*. Warszawa, 1989, s. 228). Какие бы мнения ни высказывались участниками и свидетелями событий, вопрос о “протоколах” (или стенограмме) переговоров на данном этапе исследования темы не может считаться закрытым. В каком архиве вести поиск документа (или документов)? В современной польской научной литературе никаких следов на этот счет не встречается. Что касается российских архивов, то, учитывая самый высокий ранг переговоров в Бельведере, соответствующие документы, кажется, должны храниться в Архиве Президента Российской Федерации. По крайней мере такое предположение напрашивается при знакомстве с некоторыми опубликованными документами об архиве так называемого VI сектора Общего отдела ЦК КПСС (см.: *Находившиеся на хранении в Кремле* // *Источник*. 1995. № 1. С. 115–116).

³ *Machciewicz P. Polski rok 1956*. Warszawa, 1993. S. 15.

⁴ *Kula M. Paryż, Londyn i Waszyngton piaszą na Październik 1956 r. w Polsce*. Warszawa, 1992. S. 17, 19, 28.

⁵ См. справку “Анализ сравнительных данных о жизненном уровне рабочих, крестьян и служащих и перспективы его повышения в новой пятилетке”, направленную в VI Европейский отдел МИД СССР

28 апреля 1956 г. (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40 1956 г. П. 340. Д. 50. Л. 9–58).

⁶ *Rykowsky Z., Władyka W.* Polska próba. Październik 56. Kraków, 1989. S. 118; *Machcewicz P.* Op. cit. S. 27–28.

⁷ АВП РФ. 122. Оп. 38 1956 г. П. 9. Д. 126. Л. 1.

⁸ ЦХСД. Ф. 5. Оп. 28. Д. 398. Л. 164.

⁹ Там же. Л. 121.

¹⁰ Там же. Л. 171.

¹¹ Э. Охаб выступил 2 октября 1956 г. с информацией о своей поездке в Китай на заседании Политбюро ЦК ПОРП. Протокол заседания не содержит никаких данных о переговорах в Москве (ААН: VI PZPR 1674 k. 167).

¹² ААН: VI PZPR 2627 k. 176–177.

¹³ *Rykowski Z., Władyka W.* Op. cit. S. 228.

¹⁴ ААН: VI PZPR 1674 k. 173.

¹⁵ *Ibid.*, k. 174. Подготовить справочные материалы о поставках угля в СССР Комиссия по планированию экономики получила указание еще в июле 1956 г. См.: *Łoś R.* Przełom 1956. Od protektoratu do ograniczonej suwerenności // *Więź* (Warszawa). 1995. N 1. S. 118; ААН: VI PZPR 1674 k. 113.

¹⁶ ААН: VI PZPR 1674 k. 187–188.

¹⁷ ААН: VI PZPR 1673 k. 34.

¹⁸ *Ibid.*, k. 40, 42, 45, 47, 50, 53, 54, 55.

¹⁹ ААН: VI PZPR 1674 k. 189.

²⁰ *Сырон К.* Весна в Октябре. Польская революция 1956 года. Нью-Йорк, 1961. С. 92; Ср.: *Łoś R.* Op. cit. S. 119.

²¹ ААН: VI PZPR 1673 k. 59.

²² *Ibid.*, k. 60–61.

²³ *Ibid.*, k. 64.

²⁴ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 74.

²⁵ В своих мемуарах Н. С. Хрущев пишет, что разговор с Э. Охабом состоялся в период работы пленума ЦК. Но это ошибка памяти. Имеется свидетельство В. Гомулки о том, что Хрущев намеревался прибыть в польскую столицу именно 17 октября. См.: АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 108.

²⁶ *Torańska T.* Op. cit. S. 227.

²⁷ ААН: VI PZPR 1674 k. 192; *Łoś R.* Op. cit. S. 119.

²⁸ См.: *Rykowski Z., Władyka W.* Op. cit. S. 232.

²⁹ ААН: VI PZPR 1674 k. 192.

³⁰ Skrzypek A. Polska we wspólnocie socjalistycznej (1956–1969). Zarys stosunków politycznych. Warszawa, 1988. S. 26.

³¹ См.: Мемуары... С. 74.

³² Torańska T. Op. cit. S. 227.

³³ Ibidem.

³⁴ Цит. по: Сырон К. Указ. соч. С. 101–102. Автор книги опирался на сообщение “хорошо осведомленного корреспондента” парижской “Монд” от 22 ноября 1956 г.

³⁵ Политбюро собиралось во время перерывов между заседаниями VIII пленума.

³⁶ Слова Н. С. Хрущева впечатаны в протокол по-русски.

³⁷ AAN: VI PZPR 1673 k. 66. Ср.: Władyka W. Październik 56. Warszawa, 1994. S. 61.

³⁸ Nowe Drogi. 1956. N 10. S. 14.

³⁹ См.: АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 99.

⁴⁰ Nowe Drogi. 1956. N 10. S. 17–18.

⁴¹ Эта фраза впечатана в протокол по-русски.

⁴² ANN: VI PZPR 1673 k. 66–67. Ср.: Władyka W. Op. cit. S. 61.

⁴³ Вероятно, в тот момент произошел эпизод, о котором рассказал Э. Охаб в своем интервью Т. Тораньской. Открывая заседание, первый секретарь ЦК ПОРП твердо заявил: “Мы отвечаем за свою страну и делаем то, что считаем уместным, ибо это наши внутренние дела. Мы не делаем ничего, что угрожало бы интересам наших союзников, а особенно интересам Советского Союза”. На это А. И. Микоян примирительным тоном заметил, что делегация КПСС приехала с намерением дружески обсудить все интересующие ее вопросы. Охаб, однако, парировал его высказывание, имея в виду грубое давление лидеров КПСС: “Мы таких методов по отношению к друзьям не применяем [...], пленум не перенесем и о всех польских делах решения будет принимать наш Центральный Комитет” (Torańska T. Op. cit. S. 227).

⁴⁴ См.: Rozmowy... S. 107–109; Zambrowski R. Dziennik // Krytyka (Warszawa), 1980. N 6. S. 71–72.

⁴⁵ Rozmowy... S. 109.

⁴⁶ Zambrowski R. Op. cit. S. 71–72.

⁴⁷ Мемуары... С. 76.

⁴⁸ Zambrowski R. Op. cit. S. 72.

⁴⁹ Мемуары... С. 75. Любопытные сведения о передвижении советских частей сообщает Р. Лось (Łoś R. Op. cit. S. 122–125).

⁵⁰ Zambrowski R. Op. cit. S. 72.

⁵¹ См.: Torańska T. Op. cit. S. 386.

⁵² Rozmowy... S. 110.

⁵³ Мемуары... С. 75–76.

⁵⁴ Rozmowy... S. 110.

⁵⁵ Мемуары... С. 76.

⁵⁶ *Micewski A.* Współrzadzić czy nie kłamać? Pax i Znak w Polsce 1945–1976. Warszawa, 1981. S. 86.

⁵⁷ См.: АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40 1956 г. П. 336. Д. 10. Д. 100. Э. Охаб признал, что именно он дал соответствующее распоряжение (Rozmowy... S. 110).

⁵⁸ Nowe Drogi. 1956. N 10. S. 17.

⁵⁹ Trybuna Ludu. 1956. 20.X. “Заседания происходили в атмосфере партийной откровенности”, – читаем в этом сообщении.

⁶⁰ Подробнее см.: *Мусатов В. Л.* СССР и венгерские события 1956 г.: новые архивные материалы // Новая и новейшая история, 1993. № 1. С. 9.

⁶¹ Archiv ÚV KSČ, 07/16/ Ксерокопиро рабочей записи Я. Свободы любезно предоставил автору американский историк М. Крамер (Гарвардский университет).

⁶² *Ptasiński J.* Drugi zwrot: Gomułka u szczytu powodzenia. Warszawa, 1988. S. 37–38.

⁶³ Польские историки Е. Эйслер и Р. Купецкий утверждают, что этот факт засвидетельствован Ю. Циранкевичем (*Eisler J., Kupecki R.* Op. cit. S. 40–41).

⁶⁴ Trybuna Ludu. 1956. 20.X.

⁶⁵ Мемуары... С. 75.

⁶⁶ Daltonista. Z Andrzejem Werblanem o Władysławie Gomułce rozmawiają Ireneusz Bialecki i Andrzej Chojnowski // Res Publica (Warszawa). 1990. N 11. S. 33.

⁶⁷ Nowe Drogi. 1956. N. 10. S. 20.

⁶⁸ *Гомулка В.* Речь на VIII пленуме ЦК ПОРП 20 октября. Варшава, 1956, с. 37–38.

⁶⁹ В связи с опубликованной в журнале “Новые дроги” версией стенограммы VIII пленума ЦК ПОРП (журнал подписан в печать 6 ноября 1956 г.) необходимо следующее замечание источниковедческого свойства: Изучение опубликованного текста приводит к заключению, что все высказывания участников обсуждения, касающиеся польско-советских отношений, как бы отредактированы под копирку, строго дозированы с точки зрения содержания. Вероятно, имело бы смысл сопоставить опубликованную стенограмму с подлинником, чтобы выявить возможные смысловые расхождения.

⁷⁰ См.: *Łoś R.* Op. cit. S. 131. Для нужд координации с Советской Армией оставалось только пять советников.

⁷¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 42 1958 г. П. 353. Д. 16. Л. 3.

⁷² Rykowski Z., *Władysław W.* Op. cit. S. 258.

⁷³ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40 1956 г. П. 336. Д. 10. Л. 108. Ср.: *Łoś R.* Op. cit. S. 129.

⁷⁴ *Sztandar Młodych.* 1956.31.X.

⁷⁵ См.: *Известия.* 1956.31.X.

⁷⁶ *Правда,* 1956.19.XI.

⁷⁷ Подробнее см.: *Łoś R.* Op. cit. S. 136–141.

⁷⁸ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 42 1958 г. П. 353. Д. 16. Л. 3.

⁷⁹ См.: *Советский Союз – Польша 1944–1974: Документы и материалы.* М., 1974. С. 88–93.

⁸⁰ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 42 1958 г. П. 353. Д. 16. Л. 4.

Инстинкт самосохранения: советская партократия и “пражская весна”

События в Чехословакии делят историю социалистического содружества на два хронологически примерно равных периода. Если первый период, несмотря на кризисы внутри отдельных стран социализма и в отношениях между ними, можно назвать движением (хотя и затухающим) по восходящей линии, то после чехословацкого кризиса оно шло неизменно под уклон. Значение чехословацкого кризиса 1968 г. отнюдь не ограничивается рамками одной страны. Он стал, собственно говоря, последней попыткой в восточноевропейском регионе демонтажа изнутри авторитарно-бюрократической коммунистической системы, придания этой системе некоего демократического облика, так сказать, гуманистического, человеческого лица. На протяжении нескольких месяцев “пражской весны” были выдвинуты идеи и концепции, которые в условиях советской “перестройки” пробивали себе путь в течение нескольких лет (и, скажем прямо, не оправдали возлагавшихся на них надежд). Интервенция пяти социалистических государств прервала на исходе 60-х годов эксперимент по созданию неперепрессивного социализма, допускающего политическое многообразие. Видимо, еще не окончены споры, был ли вообще возможен такой эксперимент. Или же неоднократное силовое подавление проявлений недовольства снизу и реформаторских усилий сверху придало социализму иммунитет против такого рода усилий, сделало его неспособным к внутреннему развитию и предопределило крушение. Чем, например, руководствовались при принятии решения об “интернациональной помощи” лидеры пяти социалистических стран, в первую очередь — тогдашние руководители Советского Союза? Ответ на этот вопрос не потерял своей актуальности и в наши дни.

* *
*

К началу – середине 60-х годов коммунистическая система явно исчерпала свои возможности. Поэтому в ряде социалистических стран – в Советском Союзе, Венгрии, Польше, Чехословакии, ГДР и др. – стали предприниматься попытки экономических преобразований. Дальше всего они продвинулись в Венгрии, где с 1 января 1968 г. началась “реформа экономического механизма”, учитывавшая некоторые особенности рыночного хозяйствования и управления. Реформы сразу же выявили неразрывную связь между экономическим ростом и политической организацией. Последняя же стала непреодолимой преградой для глубоких преобразований, поскольку опиралась на незыблемые марксистские догмы. Как и в других странах, в Советском Союзе попытки реформ под руководством А. Н. Косыгина лишь несколько упорядочили управление промышленностью, но не внесли принципиальных изменений в советскую экономику.

Наряду с экономическими трудностями и усложнением внешнеполитических проблем в середине 60-х годов во всех социалистических странах стали складываться и усиливаться оппозиционные движения. В Советском Союзе появились лица, открыто оспаривавшие официальные доктрины. Позднее их стали называть “диссидентами” – термин, носивший явно религиозную окраску. Широкую известность получили имена академика А. Д. Сахарова и писателя А. И. Солженицына. Последовали судебные процессы против диссидентов – писателей А. Синявского и Ю. Даниэля (февраль 1966 г.) и А. Гинзбурга и Ю. Галанкова (январь 1968 г.). Однако они лишь привлекли внимание общественности и вызвали волну сочувствия. Появление подпольной печати – “самиздата” – нарушило монополию государства на информацию. Аналогичные настроения и течения, подчас гораздо сильнее выраженные (например в Польше), наблюдались и в других социалистических странах. В рядах советской партократии усиливалось беспокойство за судьбы своей европейской сферы влияния.

Советское руководство и различные ведомства, оказывавшие влияние на формирование внешнеполитического курса, не могли не видеть, что в 60-е годы Чехословакия постепенно становилась слабым звеном социалистического содружества. Желание укрепить его проистекало из геополитических и стратегических соображений, из экономической роли ЧССР в СЭВ, наконец, из политического положения социалистического содружества или, по западной терминологии, восточного блока. После фактического выхода из него Румынии (в Москве откровенно рассматривали Чаушеску как “блокбрехера”) позиция Чехословакии приобрела особое значение для стабильности Организации Варшавского Договора (ОВД). С ним же советское руководство связывало проблемы своей безопасности, причем не только в Европе.

Это обстоятельство определяло высокую степень вовлеченности советских военных кругов в решение всех проблем, связанных с Чехословакией.

В Москве с беспокойством наблюдали за усилением внутривнутрипартийной борьбы и политической напряженности в Чехословакии. Поступали многочисленные и подробные сообщения о положении, как тогда говорили, на “идеологическом фронте” в ЧССР, причем выхватывались отдельные факты и подвергались обобщению (вроде “мая-леса” в 1966 г.). Подчеркивалась активизация антисоциалистических элементов, нападки на марксистско-ленинскую идеологию, участвовавшие негативные высказывания в адрес СССР. Впервые такие явления получили оценку в аналитической справке, подготовленной 22 ноября 1966 г. Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран и подписанной Ю. В. Андроповым¹.

Такие процессы продолжались и в течение всего 1967 г. Состоявшийся 30–31 октября Пленум ЦК КПЧ обнаружил в открытой форме серьезные разногласия в среде партийного руководства, особенно по линии А. Новотный – А. Дубчек. Они достигли такой степени, что, по словам Новотного, сказанным в беседе со своими помощниками, “фактически открыто поставлен вопрос о власти в партии и в стране”². О положении в руководстве партии, об отношении к Новотному стали широко обмениваться мнениями в партийном аппарате. При этом все чаще формулировалась позиция о необходимости отстранения Новотного с занимаемых постов. Характерно, что отдельные лица из числа советских представителей давали разные оценки происходившим событиям. Советское посольство полагало, например, что критика в адрес А. Новотного была вызвана занятой последним “твердой линией на укрепление руководящей роли партии”³.

В советском руководстве, давно уже проявлявшем беспокойство в связи с положением в Чехословакии, росла тревога по мере поступления дальнейших известий о нарастании политической напряженности в Праге, об образовании двух группировок (условно – Черника и Кольдера, с одной стороны, и Дубчека и Биляка – с другой), которые были настроены против Новотного. Разговоры о необходимости смены руководства страной затронули также работников среднего и низшего звена партийного и государственного аппарата и сопровождались соображениями о необходимости демократизации и новой экономической системы. Беспокойство в Москве вызывало и то, что внутривнутрипартийная борьба непосредственно сказывалась на настроениях интеллигенции и студенческой молодежи (например, студенческая демонстрация 31 октября и собрание студентов пражских вузов 21 ноября 1967 г.),

на их готовности поддержать те течения в партии, которые выступали за перемены. В закрытом сообщении корреспондента "Правды" В. Журавского от 1 декабря 1967 г., которое было доложено Л. И. Брежневу, говорилось о планировавшемся на середину декабря Пленуме ЦК КПЧ и о том, что пост первого секретаря партии может занять Иржи Гендрих⁴.

Советское посольство, со своей стороны, внимательно следило за событиями. Однако в течение ноября 1967 г. ни послу, ни другим его сотрудникам встретиться с Новотным не удалось. После возвращения из Москвы, где он был на праздновании 50-летия Октябрьской революции, Новотный болел. Не исключено, что это была форма его реакции на сдержанный прием в Москве. Посольство, подробно докладывая об обстановке, считало, что "наиболее опасным для дальнейшего развития событий было бы принятие т. Новотным административных мер по отношению к тем или иным членам руководящего ядра"⁵.

Состоявшаяся 6 декабря 1967 г. беседа с А. Новотным создала у советского посла С. В. Червоненко впечатление, что на предстоящем Пленуме тот хочет выдвинуть на передний план национальный вопрос, "видит главного противника в словацких товарищах, что может толкнуть на обострение положения в руководстве ЦК КПЧ". Новотному, считал посол, следовало бы шире посмотреть на обстановку, постараться бы объединить свои силы со словаками и сплотить вокруг себя ту часть членов ЦК, которые хоть и критикуют его за недостатки в стиле руководства, но "видят в нем человека твердой и правильной политической линии". Посол ставил перед Москвой вопрос, как найти целесообразную форму, чтобы "повлиять на тт. Новотного и Дубчека с позиций ориентировки их на преодоление разногласий именно на принципиальной основе интересов партии, чехословацкого единого государства"⁶.

Развитие событий в Праге подвигло Политбюро ЦК КПСС принять 7 декабря 1967 г. следующее решение: "В связи с просьбой т. А. Новотного считать необходимой поездку т. Брежнева в Чехословакию"⁷. Из дальнейших документов следует, что такая просьба действительно была высказана Новотным в телефонном разговоре с Брежневым.

Пребывание Л. И. Брежнева в Праге 8–9 декабря 1967 г. вылилось в многочисленные и продолжительные беседы с Новотным (2 беседы) и другими лидерами КПЧ (Ленарт, Гендрих, Дубчек, Доланский), которые заняли в общей сложности более 18 часов и на которых присутствовали советский посол Червоненко и помощник генсека А. М. Александров. Увидев причину назревавшего конфликта в недовольстве руководством Новотного, Брежнев настойчиво проводил во всех беседах мысль о недопустимости открытого раскола в руководстве КПЧ. Такой

раскол, считал он, “может положить начало неконтролируемому процессу самого отрицательного свойства. Дело может дойти до взрыва националистических и антисоветских страстей, до повторения в Чехословакии чего-то вроде венгерских событий 1956 г.” (чехословацкие собеседники отрицали такую возможность). Брежнев рекомендовал коллективные действия для исправления недостатков, улучшение взаимоотношений между чехами и словаками, а также разработку программы дальнейшей работы, которая была бы одобрена всем составом Президиума ЦК. “Непосредственно по вопросу о дальнейших функциях т. Новотного (делить или не делить посты первого секретаря ЦК и президента республики) тов. Брежнев в этой связи не высказывался”⁸. По возвращении в Москву он подробно доложил о содержании состоявшихся в Праге бесед членам Политбюро и секретарям ЦК КПСС. Тем не менее во все книги вошли слова Брежнева, сказанные им публично при отлете из Праги: “Это, товарищи, ваше чехословацкое дело”. Они были расценены таким образом, что А. Новотного советское руководство не поддерживает. Однако последнее проявляло осторожность и даже медлительность, ибо какой-либо конкретной кандидатуры, способной заменить А. Новотного, оно в чехословацких партийных кругах не видело.

Борьба же в Праге продолжалась. В беседах с советским послом Новотный горько жаловался на “предательство” Гендриха, который проводит работу по его изоляции. Если ему придется оставить пост первого секретаря, то он выдвинет кандидатуру Ленарта и решительно выступит против Гендриха (“страшный, опасный человек”). На проходивших партийных форумах речь шла уже практически о кандидатах, которые заменят Новотного. Эти вопросы живо обсуждались и в дипломатическом корпусе, особенно среди представителей социалистических стран. Так, 16 декабря 1967 г. в советское посольство заехал болгарский посол Неделчев, обративший внимание на то, что член Политбюро ЦК КПЧ Черник излишне близок к югославам, активно выступает за развитие экономических связей с ними, склоняется сам и агитирует других в пользу югославской модели свободных рыночных отношений. Посетители советского посольства обращали внимание на группу Черника, Кольдера и других “сорокалетних”, опасную, по их мнению, тем, что она может сползти в сторону югославского пути, а со временем — создать и опасность переориентации Чехословакии⁹. Словом, закулисная борьба шла полным ходом.

Начавшийся 19 декабря 1967 г. Пленум ЦК КПЧ приковал внимание советского руководства. Особенно волновал его вопрос о кандидатуре первого секретаря. 21 декабря 1967 г. Червоненко срочно сообщил Брежневу, что в складывающейся обстановке возможны вари-

анты избрания либо Ленарта, либо Дубчека. Решение может быть достигнуто, видимо, только на основе компромисса путем выдвижения на пост председателя правительства ЧССР О. Черника. В этом случае Ленарт мог бы стать первым секретарем ЦК компартии Словакии¹⁰. Три дня работы пленума не привели, однако, к решению главного вопроса – избранию первого секретаря ЦК. Решено было прервать его работу на рождественские каникулы до 3 января 1968 г. Этот период свободного времени был заполнен обменом мнениями и подготовкой к дальнейшей дискуссии. Подавляющее число наблюдателей и аналитиков считало, что развитие событий идет не на пользу Новотному, но имя Дубчека почти не упоминалось. Общественное мнение сосредоточилось на Чернике, Ленарте и Гендрихе.

На возобновившемся 3 января 1968 г. заседании Пленума ЦК КПЧ уже прозвучало предложение о немедленном освобождении А. Новотного с поста первого секретаря. После долгих дискуссий и обсуждений 5 января 1968 г. пленум избрал на этот пост А. Дубчека.

Вечером того же дня, 5 января, А. Новотный и А. Дубчек совместно посетили советское посольство в Праге. Новотный, представив Дубчека как нового первого секретаря ЦК КПЧ, отметил, что в создавшейся обстановке “это – хорошее решение”. Дубчек же заметил, что он потрясен происшедшим и не предполагал, что дискуссия завершится его избранием. Они выражали готовность сотрудничать друг с другом и радость по поводу того, что удалось сохранить единство КПЧ и народов Чехословакии. Вместе с тем просили передать в Москву, что делают все для дальнейшего упрочения и углубления братских связей с КПСС и Советским Союзом. Случилось так, что в это время позвонил из Москвы Брежнев, и оба гостя смогли поочередно побеседовать с ним по телефону. Они выразили надежду в ближайшее время посетить Москву и встретиться с руководством ЦК КПСС. В свою очередь посольство поддержало эту идею. Оно сообщило также в Москву свое мнение, что обстановка для работы Дубчека в качестве первого секретаря ЦК КПЧ будет чрезвычайно сложной. Добивавшаяся освобождения Новотного группа членов ЦК КПЧ, – считало посольство, – использовала Дубчека как первый таран, осуществив свой замысел в значительной степени руками словаков, и будет в дальнейшем стремиться усилить свое влияние на него, а если это не удастся, – попытается “слопать хребет” и Дубчеку. Об этом уже раздаются голоса. Отсюда видно, – заключало посольство, – что борьба не закончена и будет продолжаться, причем в значительной мере за влияние на самого Дубчека со стороны разных группировок. Посольство считало также, что визит Брежнева в Прагу в декабре 1967 г. сыграл весьма позитивную роль в решении внутрипартийных проблем КПЧ¹¹.

А. Дубчек не был советской креатурой. И хотя его выборы неоднозначно оценили в Москве, к ним отнеслись спокойно. Сама личность Дубчека рассматривалась в советском руководстве как далеко не худший вариант. Его считали осторожным прагматиком и реалистом. Поскольку он был известен как защитник словацких интересов, с ним связывались надежды урегулировать федеральные отношения Чехии и Словакии, обострившиеся при Новотном. Наконец, его считали политиком, дружески настроенным по отношению к Советскому Союзу, где он в молодости жил, а затем учился. Каких-либо проектов далеко идущих реформ он не высказывал. Ряд лиц был склонен считать его переходной фигурой и предсказуемым политическим деятелем. Советское руководство устраивало и соблюдение протокольных норм: Дубчек получил пост первого секретаря ЦК КПЧ, тогда как А. Новотный остался (до конца марта) президентом страны.

Тем временем советское посольство внимательно следило за продолжавшейся борьбой в партийном руководстве. Большую информацию его сотрудники черпали из бесед с Новотным, который давал свою интерпретацию событий. Он особенно предостерегал по поводу возможных ревизионистских сдвигов вправо. В связи с предстоящим празднованием 20-летия февральских событий он советовал не включать в состав советской делегации видных лиц и рекомендовал выждать развития событий¹².

Информация, поступающая из посольства, рассматривалась на заседании Политбюро ЦК КПСС, которое поручило Брежневу провести переговоры с Дубчком с учетом высказанных мнений¹³. Сам Дубчек получил к тому времени приглашение встретиться с Я. Кадаром и В. Гомулкой, но высказывал мнение, что предварительно следовало бы пообщаться с советским руководством. По взаимной договоренности такая встреча состоялась во время его неофициального визита в Москву 29–30 января 1968 г. С советской стороны в этой встрече участвовали Л. И. Брежнев и Н. В. Подгорный, с чехословацкой, помимо Дубчека, посол О. Павловский и консультант международного отдела ЦК КПЧ И. Сынек. Дубчек в умеренно критических тонах обрисовал положение в стране, отметил неумение партийного аппарата работать с творческой интеллигенцией, в частности с писателями, подчеркнул наличие как "экстремистско-либералистических", так и националистических тенденций, проявлявшихся, по его мнению, уже давно. ЦК КПЧ в прошлом только констатировал их существование, но конкретных мер не принимал. Однако прошедший пленум свидетельствует о возможности улучшения работы и укрепления единства. Брежнев, поблагодарив Дубчека за приезд в Москву, информацию о положении КПЧ и слова дружбы в адрес СССР, заверил его, что КПСС со своей

стороны сделает все возможное для укрепления дружбы и братства с КПЧ и Чехословакией. Брежнев долго говорил о развитии СССР и всего социалистического содружества, подчеркивал агрессивность Запада и рост опасности фашизма в ФРГ. В целом беседа носила характер взаимных заверений в добрых намерениях и, судя по записи, была на редкость бессодержательна¹⁴. Визит, естественно, сопровождался протокольными встречами, на которых Дубчек имел возможность познакомиться с весьма широким кругом советской парт- и госноменклатуры. В целом визит нового первого секретаря ЦК КПЧ оставил у Брежнева хорошее впечатление, а сам Дубчек показался ему человеком уравновешенным, но очень нервным и несколько несобранным¹⁵. В свою очередь советское посольство сообщало из Праги о глубоком удовлетворении Дубчека итогами визита в Москву.

В коммунистическом мире, однако, давно уже было известно, что политический лидер начинает проявлять свои истинные качества после того, как получает власть в свои руки. В советской истории это стало незыблемым правилом. Не было исключением и А. Дубчек. Московская элита была склонна видеть в нем скорее чехословацкое подобие Гомулки, который сможет вывести страну из кризисного состояния. Но как раз Гомулка был одним из первых, кто такого сходства не признал и протрубил сигнал тревоги.

Январско-февральское пребывание у власти дубчековского руководства отличалось отсутствием четкой программы действий. Более того, представители нового руководства первое время не допускали даже прямой критики ошибок режима А. Новотного. Это был период инкубационного развития, малоприметный для внешнего наблюдателя. Тем больший интерес представляет позиция советского посольства в Праге, откуда раздались первые алармистские голоса. Документы свидетельствуют, что уже 5 февраля 1968 г. советский посол С. В. Червошенко в беседе со своими коллегами-послами других социалистических стран высказал беспокойство, что в новом чехословацком руководстве появилась группа, которая скрыто преследует антисоциалистические и даже антисоветские цели. Источниками такой информации служили главным образом люди из окружения А. Новотного, с которым ведущие советские дипломаты поддерживали близкие личные отношения, а также те круги, которые получили несколько позднее название “здоровые силы”.

В Москве в первое время не были склонны полностью разделять позицию посольства. Брежнев лично решил поддержать новое чехословацкое руководство, возглавив представительную советскую делегацию, которая посетила Прагу 21–22 февраля 1968 г. в связи с празднованием там 20-летия установления коммунистического режима. Больше

того, визитом в Прагу он подтолкнул лидеров других социалистических стран, которые первоначально не хотели своим участием в этом торжестве продемонстрировать поддержку Дубчека (это была первая открытая попытка Гомулки и Ульбрихта дистанцироваться от него). Не обсуждались чехословацкие дела и на проходившем 6–7 марта 1968 г. в Софии совещании Политического консультативного комитета государств – участников Варшавского договора, где присутствовали все лидеры социалистического содружества и где выступление Дубчека звучало в унисон с другими. Между тем к тому времени уже накопилось достаточно много фактов, усиливавших беспокойство марксистско-ленинских ортодоксов.

К тому времени положение в Чехословакии претерпело серьезные изменения. Хотя и раньше, в течение января и февраля, в печати и на партийных собраниях стали подниматься вопросы о демократизации политической системы, необходимости широких экономических реформ, изменения культурной политики и т. д., перелом произошел после бегства за границу 26 февраля 1968 г. генерала Я. Шейны, близко связанного с семьей А. Новотного. Этот случай, как часто бывает в истории, имел неожиданные последствия. Он дал повод для резкой критики А. Новотного и его окружения. Более того, журналисты получили обильные материалы о его злоупотреблениях властью и возможность свободно писать о них. Результатом стала фактическая отмена цензуры печати. И пресса воспользовалась новым положением в полной мере. По времени все это совпало с рядом кадровых перемещений, назначением новых лиц на руководящие посты.

Одной из важных вех в росте недоверия к процессам в ЧССР явился проект “Программы действий КПЧ”, несколько вариантов которого были подготовлены комиссией Д. Кольдера и начали обсуждаться в аппарате ЦК с середины февраля 1968 г. Появление второго варианта проекта в начале марта стало уже достоянием довольно широкого круга лиц. О его содержании проинформировали и советское посольство¹⁶. Отражением наметившихся изменений в настроениях руководства СССР было указание послу в Праге, утвержденное 14 марта 1968 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС. В нем одобрялась позиция Новотного не ставить по своей инициативе вопрос об отставке с поста Президента Республики. Такая позиция расценивалась как принципиальная и способная оказать положительное влияние на те “здоровые силы страны и партии, перед которыми стоит задача не допустить изменения курса внутренней и внешней политики и ослабления братской дружбы и союзнических отношений между нашими странами”¹⁷.

15 марта 1968 г. Политбюро ЦК КПСС подготовило специальное письмо Президиуму ЦК КПЧ. В нем выражалась тревога по поводу расшатывания социалистических устоев в Чехословакии, выдвижения крайними силами требований вести дело к "ревизии режима", к "мирному перевороту в Чехословакии", ее отрыву от социалистического лагеря. В письме говорилось об антикоммунистических силах, которые изображают экономические трудности в ЧССР как "провал хозяйственной политики КПЧ". Обращалось внимание на тактику империалистических сил, рассчитанную на расшатывание социализма, чтобы он "шаг за шагом, ступень за ступенью сдавал бы свои позиции". Впервые так ясно была поставлена задача "оградить завоевания социализма от любых происков враждебных сил", хотя тут же содержались слова о том, что только КПЧ "вправе определять пути развития, формы и методы строительства социализма в своей стране". Вместе с тем, отмечая важность согласованных действий социалистических стран, выдвигалось предложение провести встречу членов Политбюро ЦК КПСС с Президиумом ЦК КПЧ, чтобы по-товарищески обсудить, какие совместные меры необходимо предпринять для срыва замыслов империалистов¹⁸. Однако по просьбе Дубчека, которого предварительно ознакомили с содержанием этого письма, оно так и не было отправлено. В Чехословакии, аргументировал Дубчек, подобное послание однозначно будет расценено как направленное лично против него.

Однако уже через несколько дней в Москве пришли к выводу, учитывая также реакцию других соцстран, что необходимо создать многостороннюю встречу. 19 марта 1968 г. последовала советская инициатива о встрече представителей "братских партий" с Дубчеком и рядом членов Президиума ЦК КПЧ, чтобы обменяться мнениями об обстановке в Чехословакии. Дубчек дал согласие на проведение такой встречи с участием первых секретарей и председателей Советов министров соответствующих стран и предложил провести ее в Дрездене 23 марта, что и было принято¹⁹. Последующие дни ушли на приготовления к этой встрече. Подготовленные 20 марта 1968 г. аппаратами МИД и ЦК (за подписями А. Громько и К. Русакова) материалы о "последних событиях в Чехословакии" были выдержаны в мрачных тонах. В них говорилось об активности империалистического лагеря; особенно реваншистских сил в Западной Германии и американской разведки; отмечалось, что складывается впечатление о выходе средств массовой информации ЧССР из-под контроля партии; указывалось, что ряд групп и лиц пытаются нанести ущерб дружбе между советским и чехословацким народами; в заключение делался вывод, что попытки столкнуть Чехословакию с социалистического пути, посягнуть на единство братских государств встретят "решительный и единодушный

отпор всего социалистического содружества”²⁰. Фактически в этом документе были сформулированы все основные положения, которые определили политику СССР да и всех других соцстран вплоть до августа 1968 г.

21 марта 1968 г. подготовка к предстоящей встрече в Дрездене обсуждалась на Политбюро ЦК КПСС. Л. И. Брежнев отметил неоднократные обращения Живкова, Гомулки и Кадара к КПСС предпринять какие-то меры к урегулированию положения в Чехословакии. Он подчеркнул, что в последние дни такие контакты стали ежедневными и что только ему приходилось говорить по телефону по 6–8 часов в день. Идея встречи в Дрездене была выработана коллективно. Более того, учитывая фундаментальность вопроса, решили посвятить ему и международным проблемам очередной Пленум ЦК в апреле 1968 г. Заключил Брежнев предложением продумать меры дальнейшего укрепления социалистического содружества, включая и экономические вопросы.

Другие выступавшие говорили о необходимости изыскивать и использовать “здоровые силы” в Чехословакии. Надо подумать и “по военной линии”. Мазуров, в частности, подчеркнул, что “Дубчек в плену не друзей наших, а врагов. Но главное – нет другой фигуры. Нам надо готовиться к худшему”. Нужно наметить целую серию мероприятий и дать “здоровым силам” почувствовать нашу поддержку. Вместе с тем за твердыми словами не прослеживалось реальных предложений. Меланхолично констатировали, что Новотного сейчас уже не спасешь, альтернативы Дубчеку нет. Брежнев подытожил так: “Я думаю, нам не нужно будет сдерживать ни Ульбрихта, ни Гомулку, а сами мы скажем все честно, принципиально, по-партийному. Может быть, сказать им, что мы в любом случае не останемся безучастными в смысле сохранения социалистической Чехословакии... Они должны видеть нашу твердость, ясность, последовательность. Это важно и для будущего”²¹. Он не оставил сомнений в готовности пойти и на крайние меры, несмотря ни на какие последствия. Фактически именно тогда были высказаны соображения, составившие основу так называемой “доктрины Брежнева”.

Имеющиеся документы позволяют сделать вывод, что встреча в Дрездене носила в известной мере характер эксперимента, а ее главными инициаторами, наряду с КПСС, являлись компартии ГДР и Польши. Каждая из них имела свои внутренние причины для беспокойства в связи с развитием событий в Чехословакии. В Польше, например, в тот период шла острая внутривнутриполитическая борьба, в которой чехословацкий пример являлся аргументом оппозиционных сил (на студенческих демонстрациях популярным стал лозунг: “Польша ждет своего Дубче-

ка”, чем противопоставлялось имя чехословацкого реформатора польскому лидеру). Чехословацкая делегация, судя по некоторым замечаниям в литературе, не знала предварительно основной цели совещания и предполагала, что оно будет посвящено главным образом обсуждению вопросов экономического сотрудничества.

Ход совещания 6-ти компартий в Дрездене хорошо известен, и нет смысла его излагать. Гораздо интереснее проследить оценки этого совещания советским руководством, высказанные на заседании Политбюро ЦК КПСС 25 марта 1968 г. У Брежнева, который подробно излагал свои мнения, сложилось неблагоприятное впечатление о выступлении Дубчека. Оно, по словам генсека, оказалось неглубоким, без серьезных оценок событий, изобиловало мелкими фактами, тогда как острые вопросы (кадровые и т. п.) были совершенно обойдены. В целом, бесцветное выступление.

Брежнева особенно беспокоили следующие аспекты. В одном из интервью Смирковского для прессы ФРГ тот говорил о новом типе социализма, о собственном пути развития и т. д. Что это такое? До сих пор мы исходили из строго научного марксистско-ленинского учения о социализме. Если выступление Смирковского санкционировано ЦК, то объясните нам, что это за идеи. Если же Смирковский выступал без санкции ЦК, то что же творится в стране? В Праге, продолжал Брежнев, происходит митинг, куда привозят людей из других городов. Выступают на нем Смирковский, Гусак, Шик и другие. А где же ЦК? На митинге присутствует 20 тыс. человек. Значит, готовится 20 тыс. агитаторов. А “Руде право” вместо партийной оценки событий перепечатывает все, что на митинге говорилось. Что же получается? Чей это орган?

По мнению Брежнева, чехословацкое руководство разложило армию, тоже теперь митингующую. Подорвало оно и основы проводившейся до сих пор внешней политики ЧССР: там идет смещение кадров, причем 80 процентов лиц, снятых со своих постов, – это люди, которые в прошлом учились в Москве. Подают в отставку партийные кадры – секретари обкомов, райкомов и т. д. Под видом демократии царит демагогия, приведшая к разгулу контрреволюции в стране. И все же, подчеркнул Брежнев, мы надеемся, что “здоровые силы” в Чехословакии способны исправить положение.

Брежнев с похвалой отозвался о выступлении Гомулки, который полностью поддержал советские оценки и поставил вопрос о подготовке КПЧ новой программы действий. “Что это за новый образец социализма, который вы нам предлагаете? Мы не допустим, чтобы социализм в Чехословакии был подорван”, – резюмировал польский лидер.

С одобрением упомянул Брежнев ту часть речи Я. Кадара, где тот говорил о сходстве событий в Чехословакии с венгерскими событиями, в особенности слова последнего, что “Надь тоже не был контрреволюционером вначале. Он в свое время учился и работал в Советском Союзе и был хорошим человеком, а под воздействием контрреволюции сам стал контрреволюционером”. Столь же ярко, по мнению советского лидера, выступил и Ульбрихт.

На дрезденской встрече высказались и другие члены чехословацкой делегации – Ленарт, Кольдер, Черник и Биляк (Дубчек второй раз не выступал). Все они говорили о том, что контрреволюции в Чехословакии нет, хотя и есть ситуация, которая может привести к контрреволюции. Они обещали исправить ошибки, особенно со средствами массовой информации. Решительно возразили они только в связи с формулировками коммюнике, где давались резкие оценки ситуации в Чехословакии. “Это для нас гроб, нам не за чем возвращаться в Чехословакию, нас сразу же сметут”, – таков был смысл их высказываний. Поэтому вышеупомянутые оценки не вошли в заключительное коммюнике.

Политбюро ЦК одобрило деятельность делегации КПСС на встрече в Дрездене²². В официальном коммюнике о встрече в Дрездене туманно говорилось о желании чехословацких трудящихся продолжать строительство социализма и ни слова не было о проявившихся противоречиях²³. Шило все же вылезло из мешка в другом месте. 27 марта 1968 г. газета “Нойес Дойчланд” опубликовала речь Курта Хагера, произнесенную накануне. В ней в слегка завуалированном виде подвергалась критике линия КПЧ на проведение реформ общественной жизни и экономики страны. Это было первое открытое выступление против “пражской весны” в странах социалистического содружества. В целом же дрезденская встреча походила скорее на домашний скандал с упреками в плохом ведении хозяйства в адрес одного из членов семьи, что угрожает общему благополучию.

Позиция советского руководства становилась между тем все более жесткой. Одним из очевидных сигналов ее ужесточения стало циркулярное письмо советского МИД от 3 апреля 1968 г., которое обязывало советских послов лично посетить Живкова, Кадара, Ульбрихта и Гомулку и передать им собранные КГБ сведения о деятельности созданной в Чехословакии подпольной антигосударственной группы. Эта группа, в которую входили профессор Вацлав Черны, литераторы Прохазка, Когоут, Вацулик, Куцера, Гавел и другие, якобы ставила своей целью подорвать основы социализма и постепенно вернуть страну на путь буржуазного развития²⁴. Но подлинный поворот в

Москве вызвала публикация Программы действий, принятая на пленуме ЦК КПЧ 5 апреля 1968 г.

Программа намечала принципиальные изменения как в общественном устройстве страны, так и в управлении экономикой. В наши дни ее чтение оставляет сюрреалистическое впечатление: она практически во всех пунктах была адекватна проектам, которые выдвинули московские архитекторы "перестройки" двадцать лет спустя. Сходные цели подсказывали и сходные решения. В 1968 же году Программа действий не просто обогнала свое время. Главное заключалось в том, что она намечала преобразования, по своему направлению прямо противоположные тому, по которому развивались тогда Советский Союз и другие страны социалистического содружества: их поправление предшествовало чехословацкому полевению. Это обстоятельство изначально предопределило характер уже назревшего конфликта.

На состоявшемся в Москве Пленуме ЦК КПСС 9–10 апреля 1968 г. в докладе Л. И. Брежнева "Об актуальных проблемах международного положения и борьбе КПСС за сплоченность мирового коммунистического движения" чехословацкая программа подверглась критике и была расценена как ревизионистская. Догматически настроенные круги восприняли демократические веяния из Чехословакии как прямое посягательство на их руководящее положение в сложившейся авторитарно-бюрократической системе. Наибольшую опасность для себя они инстинктивно почувствовали в свободе слова и информации. На них и был нацелен первый удар. Последовали полемические статьи в советской прессе, жесткие высказывания советских лидеров. Начиная с середины апреля советское руководство все более стало брать на себя функции не только координатора, но и дирижера действий всех стран социалистического содружества против "пражской весны".

Советские архивы донесли массу свидетельств трогательного единомыслия участников дрезденской встречи (некоторое исключение составлял вначале лишь Я. Кадар) в оценке ситуации в Чехословакии в последующий период. Документы раскрывают картину постоянного обмена мнениями между ними. В ходе него постепенно и коллективно выработывалась концепция, которая впоследствии получила название "доктрины Брежнева". И первые шаги по этому пути были сделаны довольно рано.

Информация об апрельском Пленуме ЦК КПСС была сразу же передана руководителям других стран и встретила их одобрение. В беседе с советским послом в Варшаве 16 апреля В. Гомулка высказал беспокойство по поводу процесса превращения социалистической Чехословакии в буржуазную республику. Когда начинают осуществляться на

деле контрреволюционные планы, сказал он, нельзя быть равнодушным наблюдателем: здесь требуется немедленное вмешательство²⁵.

Сходные мысли возникли и у болгарской партийно-правительственной делегации, которая в апреле 1968 г. посетила Чехословакию. Свои наблюдения она изложила в письме, направленном другим странам социалистического содружества. Характерна их реакция: Кадар ограничился благодарностью за информацию, Гомулка нашел выводы правильными, а Ульбрихт высказался за организацию новой встречи по типу дрезденской. Необходимо, считал он, оказать воздействие на Дубчека, чтобы тот установил контроль за средствами массовой информации. Обо всем этом подробно рассказал Т. Живков советскому послу в Софии 3 мая 1968 г.²⁶

Все эти проблемы были обсуждены на встрече руководителей КПСС и КПЧ в Москве 4 мая 1968 г. Она началась обширным сообщением Дубчека о положении дел в Чехословакии, в ходе которого ему задавали много конкретных вопросов. “Вы убеждены, что удастся сохранить руководящую роль КПЧ?” – спросил, например, Брежнев. Много нареканий вызвала позиция прессы. “Неужели даже с “Руде право” не можете справиться?” – вопрошал Н. В. Подгорный. Сердитые замечания были высказаны в адрес Й. Смирковского, которого Брежнев впервые увидел на встрече в Москве. Брежнев обвинил его в ожесточенных атаках на КПЧ, что грозит опрокинуть ее. Он же говорил, что для многих людей в Чехословакии и нынешнее руководство КПЧ “временное”, и правительство – “временное”. Куда же такие люди хотят идти дальше? На первомайской демонстрации в Праге не было ни одного лозунга в поддержку КПЧ. Разве это доверие народа? “Руководители “Клуба беспартийных” заявляют, что за ними идут 6 млн человек”, – подал реплику Подгорный. Брежнев подчеркивал, что единство в самом Президиуме ЦК КПЧ – основа успеха. Однако такого единства не наблюдается.

Выступавшие чехословацкие лидеры защищали свою линию. О. Черник подчеркивал, что в чехословацких условиях невозможно действовать только административным путем. Надо учитывать специфические традиции страны. Биляк отмечал, что цель врагов КПЧ – изолировать Дубчека. Советские же участники указывали на политические претензии прежних партий и новых “клубов”, которые ведут антисоциалистическую деятельность и которых поддерживают и США, и ФРГ. Почему никто не дает отпора этим нападениям? – вопрошали они и продолжали нажимать на действия враждебных сил, которые приобретают все более напористый и организованный характер. К тому же с запада ежедневно в страну прибывают по 40 тыс. туристов и разъезжают повсюду на своих машинах. Это не может не вызывать серьезного

беспокойства. Добрая их половина – шпионы, – заключили бдительные кремлевские обитатели.

Переходя к кадровым вопросам, Брежнев спросил: “Я никак не могу понять, почему вы запросто можете снять с поста министра иностранных дел, министра обороны и никак не можете собраться снять редактора газеты, который проводит линию, не отвечающую политике партии?” А. Н. Косыгин обратил внимание на международный резонанс, который вызывают чехословацкие события. Подверг он сомнению как недобросовестную и критику в адрес предшествовавшего экономического развития Чехословакии. Приводя в пример Югославию и ее проблемы, он спрашивал: приведут ли ваши новые идеи действительно к экономическому подъему? Отрицательный вывод был для него заведомо ясен.

Итог встречи Брежнев подвел так: “Главное состоит в том, чтобы определить, каким образом вернее всего защитить дело социализма в Чехословакии. Это вопрос, который касается не только самой Чехословакии, но и ваших соседей и союзников, и всего мирового коммунистического движения”²⁷.

Обсуждая результаты встречи на заседании Политбюро ЦК КПСС 6 мая 1968 г., Брежнев подчеркнул, что хотя обсуждение длилось более 9 часов, вразумительных ответов от чехословацких товарищей ни по одному ключевому вопросу добиться не удалось. “Они даже не пытаются сделать выводы, к чему это приведет, какие конечные цели ставятся, какие идеи вкладываются в эти понятия, пропагандируемые на каждом шагу”. У них никакой тревоги за судьбу народа, за судьбу партии не чувствуется, Дубчек – не только слабая, но и, в чем мы все больше и больше убеждаемся, сомнительная личность. “Его действия убеждают нас в том, что он поставил цель ликвидации партии и всех завоеваний социализма”. В подтверждение своих выводов Брежнев сослался на аналогичное мнение Гомулки. Брежнев сообщил, что 6 мая 1968 г. на Военном Совете были обсуждены конкретные планы о практических мерах в связи со сложившейся обстановкой²⁸.

Майские (1968 г.) переговоры еще раз показали, что обе стороны говорили на разных языках. Ни одному из советских руководителей не пришла в голову мысль о необходимости реальных перемен в экономической и политической системе социалистических государств. Махровый догматизм блокировал даже возможность поставить на рассмотрение эти вопросы. С порога отметалась любая попытка учета национальных особенностей и исторических традиций отдельных стран. Во всех выступлениях агрессивно утверждалось право коммунистов на абсолютную политическую монополию, включая монополию на средства массовой информации.

После майской встречи в советской печати резко усилилась кампания против различных идей “пражской весны”. Встреча в Москве 8 мая 1968 г. руководителей пяти стран Варшавского договора без участия Чехословакии была плохим предзнаменованием, особенно если принять во внимание начавшуюся подготовку к маневрам войск Варшавского договора на чехословацкой территории. По-видимому, после этой встречи в повестку дня был поставлен вопрос о вооруженном вмешательстве в чехословацкие дела. Эту возможность стали обсуждать как составную часть более раннего плана Генштаба МО СССР о размещении наступательных соединений в ЧССР, организации там Центральной группы советских войск.

Советские документы зафиксировали, что с мая 1968 г. в дипломатических кругах в ряде европейских столиц стал возникать вопрос, возможно ли военное вторжение стран ОВД в Чехословакию. Но такие обсуждения носили гипотетический характер, и большинство наблюдателей с недоверием относилось к вышеупомянутой вероятности²⁹.

С другой стороны, руководителей социалистических стран во все возрастающей мере стал занимать вопрос об отношении Румынии и Югославии к чехословацким событиям. Они располагали сведениями, что Н. Чаушеску усиленно приглашал А. Дубчека посетить Бухарест и сам в свою очередь просился с визитом в Прагу. Аналогичную позицию занимал И. Броз-Тито. Все страны Варшавского договора, хотя и по разным причинам, воспринимали перспективу налаживания сотрудничества в треугольнике Бухарест–Белград–Прага с большим подозрением и враждебностью. В беседе с советским послом в Варшаве 21 мая 1968 г. В. Гомулка подчеркивал, что эти три страны объединяет тяготение к Западу. У всех них, отмечал он, существует общее желание оторваться от лагеря социализма и образовать своего рода негласный союз. В целом, заключил Гомулка, было бы хорошо, если бы в Чехословакии разместились советские войска, как в ГДР и Венгрии³⁰. Круг, таким образом, замыкался.

Для советских партийных деятелей возможность появления гипотетического союза этих трех стран, своего рода нового издания “Малой Антанты”, означало угрозу возникновения еще одного, по сей раз “ревизионистского”, центра в международном рабочем и коммунистическом движении. И хотя по своим идейным установкам он был бы противоположен курсу китайского руководства, КПСС оказалась бы в состоянии идеологической борьбы на два фронта. Судя по всему, такая перспектива довольно рано стала вызывать тревогу советской партократии. И ее непременно надо учитывать при общем раскладе сил.

Между тем события в самой Чехословакии развивались в ускоренном темпе. С 29 мая по 4 июня проходил Пленум ЦК КПЧ, который

принял решение созвать 9 сентября 1968 г. XIV Чрезвычайный съезд партии. Без ускоренного созыва съезда (вначале он планировался не раньше декабря), как отметил в своем докладе А. Дубчек, внутри самой партии не могут быть созданы окончательные гарантии последовательного осуществления новой политики. Это решение, а также начавшиеся в июне районные и областные партийные конференции, на которых избирались делегаты на предстоящий съезд, резко обострили политическую борьбу в стране. В партийном руководстве усилился раскол, наметившийся уже раньше. Старые кадры, терявшие одну позицию за другой, стали апеллировать к помощи "братских партий". Было очевидно, что созыв съезда и его работа кардинально изменят расстановку политических сил в стране и придадут курсу реформ необратимый характер.

Руководство государств-участников ОВД решило оказать мощное воздействие на развитие событий в Чехословакии в этот решающий период. Выразителем их воли стали советские лидеры. 11 июня 1968 г. послу СССР в Праге С. В. Червоненко было передано личное послание Л. И. Брежнева, которое он должен был устно сообщить А. Дубчеку³¹. Параллельно в тот же день было отправлено и сообщение, что Брежнев ознакомился с переводами ряда статей из чехословацкой прессы за последние дни. Советуя Дубчеку также прочитать их (список статей приводился), Брежнев высказывал свое мнение: "В этих статьях, наряду с охаиванием всего 20-летнего периода строительства социализма в Чехословакии, содержатся открытые призывы к активизации борьбы против КПЧ, за полную смену ее нынешнего руководства на предстоящем съезде и изменение политики партии, призывы к тому, чтобы в результате выборов в Национальное собрание лишит Коммунистическую партию ее руководящей роли. В них излагается довольно четкая программа борьбы против КПЧ в период подготовки чрезвычайного съезда". За всем этим Брежнев видел активизацию контрреволюционных сил и опасность для социализма³².

Само послание Брежнева, которое посол Червоненко довел до сведения Дубчека 12 июня, было выдержано в более мягких тонах. В нем выражалась тревога, что в период подготовки к съезду ужесточатся атаки против здоровых сил в партии и под видом борьбы с "консерваторами" будут "расстреливать" преданных делу коммунистов. Особое беспокойство вызывала пресса, которая выступает с буржуазно-либеральных, а то и контрреволюционных позиций. Но больше всего волновало складывание в КПЧ "второго центра" (в послании не объяснялось, что имеется в виду), наличие которого значительно осложняет положение в партии и стране. Исходя из желания оказать помощь в трудном положении, Брежнев считал целесообразным провести не-

официальную двустороннюю дружескую встречу Дубчека и его ближайших товарищей-единомышленников с советскими руководителями. Высказывалось предложение провести такую встречу 15 и 16 июня где-нибудь на советско-чехословацкой границе³³.

В беседе с Червоненко Дубчек занял гибкую позицию. Сказав, что и он чувствует необходимость обменяться мнениями, Дубчек показал советскому послу расписание своего времени и высказал мнение, что до 1 июля такую встречу будет просто невозможно организовать. Под тем же предлогом он отклонил и встречу с Ульбрихтом. Желая успокоить советскую сторону, Дубчек заявил: советские коммунисты не должны думать, что чехословацкое руководство поведет страну по югославскому или румынскому пути³⁴.

Лидеры стран – участниц ОВД возлагали определенные надежды на проводимые во второй половине июня 1968 г. штабные маневры “Шумава” в Чехословакии. С наибольшей откровенностью их мысли высказал в беседе с советским послом в Софии 3 июня 1968 г. Т. Живков. Упомянув о вводе на чехословацкую территорию советских военных для маневров, он сказал: “По моему убеждению, чтобы положить конец проникновению враждебных сил в Чехословакию, следует, как это было в Венгрии, создать революционное правительство и занять все ключевые позиции. Иначе придется, пожалуй, десяток лет убеждать нынешних руководителей КПЧ в опасности контрреволюции и необходимости дать ей решительный отпор”³⁵. Несмотря на очевидную противоречивость его высказывания (если он полагал, что тогдашнее руководство КПЧ может еще десяток лет находиться у власти, то в чем же опасность контрреволюции?), замысел был ясным.

Маневры не принесли ожидаемых результатов: они не усилили позиций “здоровых сил”, а только породили критику и подозрения по поводу действительной политики стран Варшавского договора. С другой стороны, 26 июня 1968 г. в ряде пражских газет было опубликовано воззвание “Две тысячи слов”, составленное писателем Л. Вацуликом и подписанное многими деятелями культуры, науки и т. д. Воззвание послужило удобным поводом для ожесточенных нападок на развитие событий в Чехословакии со стороны государств-членов ОВД, которые однозначно оценили его как манифест контрреволюции, атаку против социализма, компартии и призыв к гражданской войне. Кроме того, отношение к нему усилило раскол в руководстве КПЧ: А. Индра, В. Биляк, М. Якеш и ряд других лиц осудили его с тех же позиций.

4 и 5 июля 1968 г. в адрес чехословацкого партийного руководства поступили письма от Центральным комитетов КПСС, СЕПГ, ПОРП, БКП, а также от Я. Кадара. Одновременно Брежнев в телефон-

ном разговоре сообщил Дубчеку предложение срочно провести встречу шести компартий в Варшаве. 6 июля он направил через советского посла повторное приглашение провести такую “товарищескую встречу на высшем уровне для обсуждения положения, сложившегося в Чехословакии”, уточнив время встречи – 10 или 11 июля. Червоненко передал это письмо Дубчеку утром 8 июля, за полчаса до начала заседания Президиума ЦК КПЧ, который должен был дать ответ на эти предложения³⁶.

Устный ответ Червоненко получил на следующий день, 9 июля, от И. Лепарта. Президиум ЦК КПЧ принял рекомендацию не проводить такую встречу шести партий и предлагал организовать ряд двусторонних переговоров, причем они должны были бы вестись также и с представителями компартии Румынии и Союзом Коммунистов Югославиин. Руководствуясь, видимо, полученными инструкциями, Червоненко ответил, что отказ чехословацкого руководства от предложенной встречи не будет понят. Более того, руководство КПЧ и лично А. Дубчек вводят тем самым свои отношения с КПСС в новое русло. Речь идет о том, будет ли КПЧ оставаться интернациональным звеном в социалистическом содружестве или усилит националистические действия под прикрытием слов о “специфике” страны и т. д. “Отход Чехословакии от согласованного курса стран социалистического содружества будет поощрять международные силы контрреволюции, что приведет к нарушению существующей расстановки сил в Европе и может обострить международную обстановку”, – сказал посол³⁷.

Нажим на Чехословакию продолжался. 11 июля 1968 г. советский посол передал Дубчеку новое письмо пяти партий, которое еще раз предлагало прислать чехословацкую делегацию на встречу в Варшаву 14 июля. Дубчек повторил готовность провести двустороннюю встречу и поставил одновременно вопрос, почему на встречу компартий не приглашают югославов и румын? Червоненко настаивал на принятии приглашения. Новым отказом Дубчек возьмет на себя большую ответственность, говорил он. Над КПЧ нависла угроза ревизионизма, а над страной – опасность раскола. Особую озабоченность у посла вызывали безнаказанность антисоциалистических выступлений и подрыв Варшавского договора. Он охарактеризовал это как измену революции и делу социализма. В ответ на эту тираду Дубчек сказал, что “он не хочет добиваться стабилизации положения в республике штыками” и обещал сообщить решение Президиума ЦК КПЧ после его заседания, намеченного на следующий день³⁸.

Ответ поступил 13 июля 1968 г. в виде письма в адрес Политбюро ЦК КПСС. Чехословацкое руководство оставалось при своем мнении: проведение совещания в Варшаве осложнило бы для КПЧ обстановку в стране, ибо партия работает теперь в новых объективных условиях³⁹.

Одновременно в Чехословакии усилились голоса, требовавшие безотлагательного вывода советских войск, задержавшихся на ее территории после проведения маневров. По телевидению прозвучала резолюция Южно-Моравского обкома КПЧ, требовавшая приглашения на многостороннюю встречу компартий не только Югославии и Румынии, но также Италии и Франции. В Москве разделили оценку, данную Червоненко последним событиям: создается впечатление, что ориентировки, полученные от Тито, нашли быструю реализацию в Чехословакии, ловко кем-то направляемую⁴⁰.

Накануне встречи в Варшаве представителям многих компартий был направлен специальный документ – Информация ЦК КПСС о положении в Чехословакии. Сама встреча пяти партий в Варшаве состоялась 14–15 июля. Ее участники направили в адрес ЦК КПЧ письмо, которое было опубликовано чехословацкой печатью. 18 июля А. Дубчек выступил по телевидению и радио с целью успокоить общественность страны, а также заверить ее союзников, что Чехословакия не намерена нарушать свои международные обязательства и покидать ряды социалистического содружества.

Во второй половине июля напряжение продолжало нарастать. Многие аналитики подметили, что возникла ситуация, чем-то напоминавшая положение после резолюции Коминформбюро летом 1948 г. о положении в Югославии. Но было и существенное различие: если тогда конфликт носил скорее форму столкновения “культов” двух личностей – Сталина и Тито, то теперь речь шла о конфронтации двух моделей социализма. И чехословацкая модель “социализма с человеческим лицом” представляла реальную угрозу укоренившейся в СССР авторитарно-бюрократической системе. При этом представители этой системы “казарменного социализма” отказывали чехословацкой модели в праве называться социалистической и ради сохранения своей власти были готовы на крайние меры. В таких условиях складывалась интервенционистская концепция, получившая в западных научных и журналистских кругах название “доктрины Брежнева”.

Внешняя сторона подготовки двусторонней встречи руководства КПСС и КПЧ в Чиерне-над-Тиссой достаточно хорошо освещена в литературе. Однако ставшие известными советские документы содержат новые факты, которые существенно меняют прежние представления. К числу таких документов относятся в первую очередь советские стенограмма и протокол совещания руководителей пяти компартий в Москве 18 августа 1968 г.⁴¹, которое приняло окончательное решение о военной интервенции.

В сообщении Брежнева на этом совещании были приведены факты, свидетельствующие о том, что на встрече в Чиерне-над-Тиссой

советским руководителям удалось добиться согласия на целый ряд мероприятий, направленных на свертывание демократии в Чехословакии. Сначала в беседе с глазу на глаз между Брежневым и Дубчеком, а потом на встрече “так называемой восьмерки” (по 4 человека с каждой стороны: Брежнев, Подгорный, Косыгин, Суслов, а также Дубчек, Свобода, Черник, Смрковский) был достигнут ряд договоренностей. Президиум ЦК КПЧ обязался взять в свои руки контроль над всеми средствами массовой информации; принять закон о запрещении организации социал-демократической партии и различных политических объединений вроде “Клуба-231”; подтвердить приверженность курсу Варшавского договора. Но главное, как подчеркнул Брежнев, чехословацкое руководство обещало нанести удар по правым силам в самом ЦК КПЧ. Было четко и ясно обусловлено, что еще до съезда, а точнее – в течение ближайших 10–15 дней, будут приняты решения об освобождении со всех постов Ф. Кригеля (член Президиума ЦК КПЧ и председатель Национального фронта) и Ч. Цисаржа (секретарь ЦК КПЧ), а также отстранен от руководства телевидением И. Пеликан. Кроме того, не позднее 25 августа в Национальном собрании должен быть принят закон о выделении из МВД органов государственной безопасности и их начальником поставлен Шалгович. Именно на этой основе, отметил Брежнев, и возник вопрос о приглашении “братских партий” в Братиславу. При этом чехословацкие руководители просили только не говорить о кадровых перемещениях.

Другим обстоятельством, ускользавшим от внимания историков, был факт передачи Брежневу на встрече в Братиславе письма “здоровой части” ЦК КПЧ (фамилии не были названы) с просьбой об оказании им помощи, подчеркнув при этом необходимость соблюдения максимальной секретности. Собственно, вся дальнейшая тактика и весь стратегический замысел действий советских лидеров были направлены на то, чтобы власть в партии и стране перешла в руки этих “здоровых сил”. И обе стороны постоянно согласовывали свои шаги. Не исключено, что в душах некоторых советских лидеров еще теплилась надежда перетянуть Дубчека на сторону “здоровых сил”. И советский нажим был направлен не только на руководство КПЧ с целью добиться скорейшей реализации достигнутых в Чирне-над-Тиссой договоренностей, но и персонально на Дубчека.

В действие были приведены все механизмы давления: пресса, передвижения войск на чехословацкой границе, встречи с руководителями других партий. Личное участие в этих мерах принял сам Брежнев. 9 августа он беседовал по телефону с Дубчеком о реализованных согласованных мер. Одновременно советский посол дважды (9 и 10 августа) делал соответствующие представления. Однако дальше слов дело не

шло. Второй звонок Брежнева был организован 13 августа по инициативе “здоровых сил”, просивших категорично предъявить Дубчеку претензии, почему договоренности не выполняются. День был выбран не случайно: на эту дату было назначено заседание Президиума ЦК КПЧ. Будут ли на нем решены вопросы о Кригеле и Цисарже, – интересовался Брежнев. Беседа длилась 1 час 15 минут, временами принимала острый характер, Дубчек отвечал раздраженно и неконкретно, говорил, что нужно время и т. д. Характерно, отметил Брежнев, что Дубчек скрыл от Президиума ЦК КПЧ не только содержание, но и сам факт разговора. И это, подчеркнул Брежнев, раскрывает лицо самого Дубчека. Он перешел на сторону правых и ничего не собирается предпринимать. Поскольку же “здоровые силы” хотели получить в свои руки документ о договоренностях в Чьерне, Брежнев направил Дубчеку официальное письмо по поводу их беседы 13 августа, в котором раскрывалась суть этих договоренностей, и поручил послу Червоненко ознакомить с ним всех членов Президиума ЦК КПЧ (это поручение было исполнено 16 августа). Одновременно было подготовлено обращение ЦК КПСС к Президиуму ЦК КПЧ о невыполнении последним обязательств, взятых в Чьерне и в Братиславе. Опираясь на эти документы, говорил Брежнев, “здоровые силы” смогут вести борьбу с правыми. И он был уверен в их победе, исходя из того, что в Президиуме ЦК КПЧ “здоровые силы” имели численный перевес и в последнее время спланировали свои ряды. У них есть свои планы действий и сроки их проведения в жизнь. Тактика правых – отталкиваться и протянуть время до съезда, чего допустить нельзя.

Брежнев рассказал о том, что 15, 16 и 17 августа весь состав Политбюро и Секретариата ЦК КПСС взвесили все обстоятельства и приняли решение оказать военную помощь “здоровым силам” и согласиться с их планом действий и намеченными сроками, ибо другого времени впереди нет. Предполагалось, что “здоровые силы” добьются на Президиуме ЦК КПЧ 20 августа отстранения Дубчека и обратятся за помощью к странам Варшавского договора, а те введут в Чехословакию свои войска в ночь с 20 на 21 августа 1968 г. Придя к такому выводу, советское руководство обратилось 17 августа к участникам братиславской встречи с предложением съехаться в Москву 18 августа. Я думаю, заключил Брежнев, что вы извините нас за поспешность и поймете, что мы не имели другого выхода.

Последовавшее обсуждение показало полное единомыслие собравшихся. Первым взял слово Ульбрихт, оценивший предлагаемые меры как необходимые и правильные. Братиславское совещание было для чехословацкой стороны лишь тактическим маневром с целью выиграть время. Самого Дубчека он охарактеризовал как “смесь социал-де-

мократизма и швейковщины”. После же XIV съезда намечался контрреволюционный переворот. Военная сторона предстоящих действий ясна. Но сложным будет вопрос о последующей политической работе, ибо в последние 10 лет значительная часть чехословацкого народа была заражена буржуазной и мелкобуржуазной идеологией. Поэтому новое руководство должно иметь четкую политическую концепцию и не допустить экономического хаоса в стране.

Т. Живков в коротком выступлении полностью поддержал оценки и предложения Брежнева. Согласен был с ними и Гомулка. Другого пути нет, и его поиски будут только потерей времени, – сказал он. – Важно, однако, чтобы действовали сами чехословацкие товарищи. Могут быть неожиданности, предупредил он, внося предложения относительно времени публикации различных документов и заявлений.

Я. Кадар также согласился с оценками Брежнева и подчеркнул, что Президиум ЦК КПЧ не проявил своих намерений осуществить намеченные в Чирне и Братиславе меры. “По договоренности с советскими товарищами я установил контакт с Дубчеком и вчера (т. е. 17 августа. – *Авт.*) встретился с ним на чехословацко-венгерской границе”, – заявил он. Но продолжительная беседа была бесплодной и безрезультатной. При обсуждении поднятых вопросов Дубчек, который был в плохом состоянии и говорил не ясно, отошел назад по сравнению со своей братиславской позицией. “Политические средства исчерпаны”, – подытожил Кадар, отмечая необходимость обеспечить максимальную конспирацию, чтобы срок намеченной военной операции ни в коем случае не вышел за эти стены.

В составленном протоколе совещания 18 августа 1968 г. фиксировалось полное единодушие руководства пяти стран социалистического содружества в оценке обстановки, которая сложилась “в результате активных действий правых антисоциалистических сил в Чехословакии, направленных на отрыв ЧССР от социалистического содружества и создание буржуазного государства”, а также в проведении мероприятий “по оказанию военной помощи здоровым силам Коммунистической партии и Правительства Чехословакии”⁴².

В этих документах (стенограмма и протокол) от 18 августа 1968 г., составленных сукошным языком передовых статей партийной прессы, отсутствуют какие-либо упоминания о предварительной подготовке военной интервенции, хотя все участники этой встречи должны были знать о ней от своих военных министров и начальников штабов. Точно так же был обойден молчанием столь волновавший их ранее вопрос о возможном политическом треугольнике Бухарест–Белград–Прага, хотя именно в эти две недели, прошедшие со времени встречи в Братиславе до встречи в Москве, состоялись визиты Тито и Чаушеску в Чехо-

словакию. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с молчанием, которое красноречивее слов. Весь план интервенции, особенно ее политическая часть, показал степень отрыва руководства пяти компартий от реальной действительности. Это было не просто непонимание происходивших в Чехословакии событий. Их позиция отражала полное неприятие развивавшихся там идей, особенно концепции социализма “с человеческим лицом”. Расчет на взаимодействие с так называемыми “здоровыми силами”, т. е. их единомышленниками в Чехословакии, оказался построенным на песке: эти люди не имели поддержки широких слоев населения. И даже в ЦК КПЧ они были в меньшинстве.

С военной точки зрения интервенция прошла точно по плану. Но политический сценарий, тоже заранее подготовленный, сразу же стал трещать по всем швам. Сам факт ввода войск расколол “здоровые силы” и консолидировал сторонников Дубчека: сместить его с поста первого секретаря ЦК КПЧ не удалось.

Возникшая идея создать так называемое “Революционное рабоче-крестьянское правительство” также провалилась: президент Л. Свобода отказался играть роль марионетки и решительно выступил против такого плана. Последовавшие события, включая переговоры в Москве, досконально изучены по дням и по часам. Подводя итоги, можно сказать о провале первоначальных политических замыслов. Несмотря на установление полного военного контроля над страной, потребовался почти целый год, чтобы осуществить программу действий по удушению “пражской весны”, намеченную в Чиерне и Братиславе. Начался процесс “нормализации”.

В наши дни многие участники тогдашних событий склонны подчеркивать дилетантизм действий советского руководства (равно как и действий руководителей четырех других социалистических стран): ошибочные оценки советского посольства в Праге, просчеты различных ведомств, определявших внешнюю политику, и т. д. А. Е. Бовин облек эти размышления в образную форму. На Западе, отметил он, полагали, что мы играем в шахматы, а мы играли в бильярд⁴³.

Но проблема лежала глубже. Сама логика внутреннего развития авторитарно-бюрократического режима в Советском Союзе отвергала глубокие реформы в политическом и экономическом устройстве общества. В силу ряда причин (высокий уровень промышленного развития, давние демократические традиции, наличие многочисленной интеллигенции и т. д.) Чехословакия проявила реальное стремление после 20 лет коммунистического единовластия создать новую модель социализма. Однако руководство других стран советского блока расценило эту модель как подрыв нового строя и попытку “побега из лагеря”. Давно

уже известно, что за неспособность к реформам политическим режимам приходится расплачиваться революциями, которые приводят к их полному краху.

Прямым следствием подавления “пражской весны” стала дискредитация на Европейском континенте самой идеи реформы социалистического общества. На практике это обернулось довольно длительной эпохой застоя, растянувшейся на срок жизни целого поколения. Эпоха застоя стала периодом медленного гниения социалистического общества, быстрым нарастанием его отставания от наиболее развитых государств.

В основе неспособности авторитарно-бюрократических режимов к глубоким реформам лежала их жесткая структура, опиравшаяся на стыковку двух триад власти – горизонтальной (власть политическая, экономическая и идеологическая) и вертикальной (власть исполнительная, законодательная и судебная). Связующим звеном этих двух триад власти являлся партийный аппарат, сросшийся с государственным, что придавало ему черты аппарата особого типа. Обостренное чувство социального самосохранения этого аппарата интуитивно подсказывало ему, что утрата монопольного контроля даже за одним из элементов этой структуры власти может вызвать цепную реакцию распада всей системы. Этот инстинкт самосохранения и определил в 1968 г. реакцию советской партократии на события в Чехословакии.

Неожиданным для партократии следствием подавления “пражской весны” явился открытый выход диссидентского движения в Советском Союзе на арену политической жизни. Демонстрация на Красной площади в Москве 25 августа 1968 г. горстки людей (всего 7 человек), протестовавших против ввода советских войск в Чехословакию, стала определенным этапом в общественном развитии страны, показателем качественных сдвигов в настроениях людей.

Интервенция войск пяти социалистических стран в Чехословакию стала общей трагедией для народов всех этих стран. Идеи же, посеянные в период “пражской весны”, дали всходы двадцать лет спустя. Но в условиях второй половины 80-х – начала 90-х годов речь шла уже не о реформировании нового строя и придании ему “человеческого лица”, а о полном устранении системы коммунистического правления и любых форм социализма советского типа.

Примечания

¹ Архив Президента Российской Федерации (далее – АП РФ). Ф. 3. Оп. 91. Д. 80. Л. 29–33.

- ² Там же. Л. 78–87. Прасолов С. И. (Прага) – в Москву 16 ноября 1967 г.
- ³ Там же. Л. 88–94. Удальцов И. И. (Прага) – в Москву 2 ноября 1967 г.
- ⁴ Там же. Л. 120–121.
- ⁵ Там же. Л. 122–159. Червоненко (Прага) – 3 декабря 1967 г. о положении в руководстве Чехословакии.
- ⁶ Там же. Д. 81. Л. 12–30. Червоненко (Прага) – в Москву о беседе с А. Новотным 6 декабря 1967 г.
- ⁷ Там же. Л. 31. Выписка из протокола № 62 заседания Политбюро ЦК КПСС от 7 декабря 1967 г.
- ⁸ Там же. Л. 32–34. О беседах тов. Л. И. Брежнева с руководящими деятелями КПЧ в Праге 8–9 декабря 1967 г.
- ⁹ Там же. Л. 106–107. Сообщения Советского посольства из Праги.
- ¹⁰ Там же. Д. 82. Л. 15–16. Червоненко (Прага) – в Москву 21 декабря 1967 г.
- ¹¹ Там же. Д. 84. Л. 1–18. Червоненко (Прага) – в Москву 7 января 1968 г.
- ¹² Там же. Д. 85. Л. 1–11. Червоненко (Прага) – в Москву 23 января 1968 г. об обстановке в ЧССР и беседе с Новотным и Гамоузом.
- ¹³ Там же. Л. 39. Выписка из протокола № 67 заседания Политбюро ЦК КПСС от 25 января 1968 г.
- ¹⁴ Там же. Л. 68–86. Запись беседы тт. Брежнева Л. И. и Подгорного Н. В. с т. Дубчеком 30 января 1968 г.
- ¹⁵ Там же. Рабочая запись заседания ПБ ЦК КПСС 2 февраля 1968 г. Информация Брежнева о встрече с Дубчеком.
- ¹⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 91. Д. 86. Л. 16. Сообщение из Праги 5 марта 1968 г.
- ¹⁷ Там же. Л. 78.
- ¹⁸ Там же. Л. 85–89.
- ¹⁹ Там же. Л. 121.
- ²⁰ Там же. Д. 87. Л. 26–37.
- ²¹ Там же. Рабочая запись заседания ПБ ЦК КПСС 21 марта 1968 г. К вопросу о предстоящей встрече в ГДР.
- ²² Там же. Рабочая запись заседания ПБ ЦК КПСС 25 марта 1968 г. Сообщение советской делегации о встрече в Дрездене.
- ²³ Правда. 1968. 25 марта.
- ²⁴ Архив внешней политики России (далее – АВПР). Ф. 059. Оп. 58. П. 126. Д. 582. Л. 195–197.
- ²⁵ Там же. П. 123. Д. 566. Л. 364–366.
- ²⁶ Там же. Д. 583. Л. 87.

27 АП РФ. Ф. 3. Оп. 91. Д. 89. Л. 71–166. Запись переговоров с делегацией ЧССР 4 мая 1968 г.

28 Там же. Рабочая запись заседания ПБ ЦК КПСС 6 мая 1968 г. “О положении в Чехословакии”.

29 Эту тему затрагивал, например, министр иностранных дел Люксембурга Грегуар во время своего визита в Вену в середине мая 1968 г. (АВПР. Ф. 059. Оп. 58. П. 87. Д. 409. Л. 13–14).

30 Там же. П. 126. Д. 583. Л. 83–85.

31 Там же. П. 126. Л. 583. Л. 155–157.

32 Там же. Л. 159.

33 Там же. Л. 155–157.

34 Там же. П. 123. Д. 570. Л. 16–31.

35 Там же. Д. 569. Л. 252–253.

36 Там же. П. 124. Д. 571. Л. 123–128.

37 Там же. Л. 145–149.

38 Там же. Л. 262–271.

39 Там же. Л. 344–347.

40 Там же. Д. 584. Л. 49–50. Земсков (Москва) – послу Самотейкину (Варшава, 13 июля 1968 г.).

41 АП РФ. Ф. 3. Оп. 91. Д. 121. Л. 5–7, 8, 12–70.

42 Там же. Л. 5–7.

43 Запись беседы с А. Е. Бовиным в сентябре 1990 г. Архив Института славяноведения и балканистики РАН.

**Легитимизация
присутствия советских войск.
Роль внешнего фактора
в чехословацкой политике
на начальном этапе “нормализации”**

В 1968 г. компартия Чехословакии выступила с реформаторской программой, и хотя она часто не поспевала за все более радикализирующимся обществом, но, тем не менее, в основных своих начинаниях дала толчок к размытию тоталитарных основ так называемого нового строя. К несчастью для себя пражское руководство во главе с А. Дубчеком не поняло, что в этих основах (партийная директивность в экономике и всей общественной жизни, репрессивный диктат по отношению к народу, органов госбезопасности и т. п.) вся суть социализма советского типа, и потому оно никак не могло переубедить Брежневца, что реформы проводятся в конечном счете в интересах социалистической системы, придания ей некоторого иммунитета.

Вмешательство восточноевропейских союзников в чехословацкий кризис 1968 г. объясняется не столько успехом демократических реформ, смысл которых был еще не совсем ясен, сколько желанием СССР использовать сопредельную страну в качестве передового армейского плацдарма, введя в эту страну свои наступательные войска (танковые, воздушно-десантные и др.). Поводом же для этого хорошо послужили экстремистские выступления внепартийной чехословацкой оппозиции, отождествляющиеся Москвой с “контрреволюцией” по образцу венгерской.

Ввод войск стал с самого начала весьма неоднозначной акцией. Успешное осуществление военной операции контрастировало с последовавшей за ней беспомощной политической импровизацией и нелепыми оправданиями восточноевропейских пропагандистов. Как уже подчеркивалось в предыдущей статье, не удалось ведь создать ни марionеточное чехословацкое правительство, ни предотвратить съезд

КПЧ, решительно осудивший вторжение, ни привлечь на свою сторону президента Л. Свободу, который должен был покрыть личным авторитетом смену руководства, ни справиться с пассивным сопротивлением населения. В конце концов советским вождям пришлось вести переговоры, а затем оставить у власти тех же деятелей КПЧ, которые были ими арестованы и интернированы в СССР. Брежневское руководство само загнало себя в безвыходное положение, но было спасено лояльностью чехословацких лидеров, их страхом перед возможным кровопролитием. Они пошли на подписание секретного Московского протокола, узаконившего пребывание иностранных войск до окончания "нормализации", критерии и сроки которой не оговаривались, и предусматривавшего ряд мер по ограничению общественной активности, в частности деятельности политических клубов и других некоммунистических объединений.

Послеавгустовская линия пражского руководства складывалась из комбинированных усилий по смягчению негативных последствий Московского протокола и, несмотря на присутствие оккупационных войск, сохранению в общих чертах того позитивного из курса "пражской весны", что пунктами протокола не охватывалось. Команда А. Дубчека возлагала надежды на продолжение умеренных экономических преобразований, изменения, связанные с федерализацией страны, на преодоление внутрипартийных противоречий и осторожное консультативное взаимодействие КПЧ с другими сегментами общества (творческими союзами и объединениями, защищавшими корпоративные интересы своих членов). Намерения эти не противоречили букве протокола, но натолкнулись на мощные препятствия, сорвавшие их реализацию. Широкая общественность страны не желала смириться с тем, что она воспринимала как капитуляцию, т. е. с отступлением руководства КПЧ перед диктатом Москвы, и возобновила нажим на находившихся у власти коммунистических реформаторов с целью заставить их энергично продолжать прежний курс.

Компартия Чехословакии, сохраняя видимость единства, оказалась расколотой сверху донизу на откровенных сталинистов, умеренных ортодоксов, принимавших кое-что из курса "пражской весны", но державшихся духа и буквы Московского протокола, "реалистов", готовых шарахнуться в любую сторону и четко улавливавших хозяйские импульсы из Кремля, центристов, группировавшихся вокруг Дубчека, которые уже пятились назад, но не были еще готовы пойти на окончательный разрыв с общественностью и сохранявшие у нее некоторый кредит доверия, наконец, радикалов, отчасти смыкавшихся с внепартийной оппозицией и вытеснявшихся с руководящих постов (на работу за границу, преподавание и т. п.). Все фракции как бы состояли

в общей коалиции, но центры власти еще в большей степени, чем до интервенции, становились ареной борьбы между ними. В то же время Москва сохранила за собой функцию привычного и всеми признанного высшего арбитра, надзирателя за малейшими изгибами чехословацкой политики, функцию, которую она стала заметно утрачивать с началом "пражской весны". Это происходило не потому, что лидеры КПЧ все реже апеллировали к "старшему брату" в преодолении своих внутренних разногласий или вообще проявляли целояльность, а в связи с тем, что развилась независимая общественная активность, возникли своего рода группы давления, совершенно неподконтрольные и даже враждебные советским "инстанциям".

Между тем в отношениях с СССР, развивавшихся больше на партийном и военном, чем государственном, уровне, по-прежнему преобладали нерешительность и неопределенность. Москва привыкла видеть в черном-белом свете, а ситуация в Чехословакии казалась неопределенно-серой и вязкой: естественные союзники не оправдали возлагавшихся на них надежд, откровенная "контрреволюция" таилась в подполье, а никогда не внушавшие доверия умеренные реформаторы КПЧ худо-бедно держали под контролем народ, в обращении с которым танки оказались неэффективны. Сначала Президиум ЦК КПЧ уполномочил Дубчека вести с советской стороной переговоры о скорейшем выводе иностранных войск, но эти переговоры с В. В. Кузнецовым, остававшимся "прокуратором" в Праге, ни к чему не привели, а намечавшийся в конце сентября визит в Москву был отложен.

Для решения проблем, вытекавших из пребывания войск СССР в Чехословакии, лидерам КПЧ представилось целесообразным перевести обмен мнениями в плоскость межгосударственных отношений, позволявших с большей свободой ставить вопрос о национальном суверенитете, на конкретных примерах обсудить издержки интервенции. Однако у премьера О. Черника и его заместителя Ф. Гамоуза, отправившихся 10 сентября на переговоры в советскую столицу, равноправного диалога с Москвой не получилось. Брежнев, очевидно, порадовалась информация, что реальная власть в Праге наконец сконцентрировалась не в аморфном Президиуме ЦК КПЧ из 21 человек, а у руководящей пятерки, сравнительно легко поддававшейся контролю извне. О. Черник без напоминания с советской стороны сам определил в качестве одной из основных задач текущего момента обеспечение контроля над средствами информации — сферы, которая традиционно доставляла наибольшее неприятности восточноевропейским союзникам Чехословакии. Подыгрывая советским настроениям, Черник упомянул о людях, "в основном еврейской национальности", "многое чего поговоривших" и осевших большей частью на Западе¹. Он заявил также, что КПЧ не на-

мерена бросать людей в тюрьму за их взгляды или инсценировать политические процессы. Черник просил учесть всю сложность положения руководства партии, которое явно рискуя своим авторитетом, перестало считаться с решениями XIV съезда КПЧ и двигает вперед консолидацию уже не на национальной, а на классовой основе. К своей просьбе скорее начать вывод войск из страны Черник присовокупил рассказ об эксцессах, связанных с оккупацией, в частности о стрельбе польских солдат по толпе, а также об ее экономических издержках.

Л. И. Брежнев со своей стороны выступил с рядом встречных претензий, но не по существу приведенных фактов, а по общей ориентировке КПЧ, идущей "не по линии московских соглашений". Его возмущало то, что "упор делается на ситуацию, возникшую после ввода войск", и при этом остается в стороне первопричина внешнего вмешательства – сползание к контрреволюции, антисоветизм и т. д.² Присутствие иностранных войск Брежнев считал фактором, положительно влияющим на нормализацию ситуации в стране. Единственным достижением миссии Черника стало обещание все же вывести войска из крупных городов, что и было реализовано.

Естественно, что для советских лидеров идеологические разногласия с КПЧ заметно меркли перед значением самого факта размещения войск на постоянную стоянку на чехословацкой территории. Они, конечно же, не собирались их выводить даже в случае полного успеха нормализации. Один из самых высокопоставленных перебежчиков эпохи "холодной войны" генерал Я. Шейна в связи с посещением Москвы в 1963 г. вспоминал: "Хрущев объяснил нам роль Чехословакии в ликвидации Западной Европы в следующей войне. Маршал Малиновский, министр обороны, вмешался в разговор: "Товарищ Хрущев, я думаю, социализм навсегда утвердится в той стране, на землю которой вступит нога советского солдата". "Согласен с вами, Родион Родионович (так, у Шейны, правильно – Романович. – М. Л.), – отвечал Хрущев, – но проблема между мной и вами в том, что вы бы хотели видеть там советского солдата вчера, а меня устраивает завтра"³.

Приведенный эпизод до некоторой степени объясняет снижение у советских лидеров остроты восприятия чехословацкого вопроса, ослабление драматизма последующих переговоров. Но дискуссии о выполнении взятых на себя обязательств, о доктринальных и кадровых аспектах не меняли сути проблемы, которая состояла в том, что приведенную в движение полумиллионную армию очень трудно было заставить убраться обратно, особенно если примешивались геополитические расчеты и интересы военщины. По мнению теоретиков НАТО, раздвинутому и экспертами Варшавского договора, в случае наступления

советской армии на западном и южноевропейском направлениях контроль над Чехословакией давал ей преимущество в 48 часов.

Существенным фактором давления в пользу силового решения чехословацкого кризиса стало неприятие “пражской весны” со стороны непосредственных соседей – Польши и ГДР, испытывавших оправданные опасения за распространение коммунистического реформаторства и демократической стихийности на их страны и народы. Случай обсудить чехословацкие дела без участия самой ЧССР в очередной раз представился 27 сентября, когда в Москву на короткую, неафишируемую встречу съехались участники совместной акции – В. Ульбрихт, В. Гомулка, Я. Кадар и Т. Живков. Стенограммы встреч такого рода интересны уже тем, что их участники не испытывали необходимости прибегать к ритуальным идеологическим заклинаниям, столь свойственным их публичным выступлениям, или скрывать свои чувства и истинные намерения, поскольку общались со знакомыми много лет единомышленниками.

В западной печати, а позже и в литературе, неоднократно муссировались слухи о раскаянии, испытываемом Брежневым или Косыгиным за предпринятую интервенцию, якобы о признании ими ошибочности силового решения и освобождении от занимаемых постов лиц, особенно нагнетавших страсти (например П. Е. Шелеста). Французский политолог М. Татю, к мнению которого всегда внимательно прислушивались, прогнозировал, что “в обозримое время в СССР произойдет отстранение некоторых членов Политбюро ЦК КПСС – Косыгина, Подгорного и Сулова. Лишь во втором туре будут подвергнуты критике те, кто настоял после Чирны и Братиславы на повороте политики в отношении ЧССР”. Татю основывал свои выводы на мнении советских представителей в Вене, согласно которым решение об интервенции было принято через несколько дней после возвращения советской делегации из Братиславы под воздействием критики со стороны средних слоев аппарата партии и военных. Татю приводит аналогии с интервенцией в заливе Свиней (провалившаяся высадка кубинских эмигрантов, организованная администрацией Кеннеди в 1961 г. – М. Л.), когда сперва устранили умеренных и лишь затем настала очередь критики действий ЦРУ⁴. Записи переговоров Варшавской пятерки свидетельствуют об обратном – Брежнев не обнаруживал ни малейших признаков раскаяния или сомнений в целесообразности содеянного. Прошедший месяц, заявил он, “подтвердил как необходимость нашей совместной акции, так и ее своевременность. Мы имеем ряд фактов, свидетельствующих о деятельности контрреволюции, антисоветского подполья в Чехословакии”⁵. И далее Брежнев продолжал: “Впечатления, которые у нас сложились в результате значительного

количества встреч и переговоров наших товарищей с отдельными деятелями КПЧ и чехословацкого правительства, с лицами, которые пока еще занимают влиятельные посты, – говорят о том, что многие из этих людей начинают понимать необходимость действительно поправить политический курс. Они начинают понимать, что нельзя больше проводить двойную игру, что нужно честно выполнять свои обязательства, выполнять достигнутые соглашения. До нас все больше доходят высказывания со стороны отдельных видных деятелей КПЧ и правительства ЧССР о том, что т. Дубчек ведет неправильную политику, что он лично ответственен за то, что стал необходим ввод войск⁶. Похвал за содержание своих выступлений, “наиболее принципиальных и прямых”, удостоился новый советский протеже Г. Гусак, замеченный еще на московских переговорах конца августа: Кремль явно подкупало, что его речи привлекали внимание к ошибкам и серьезным недостаткам в проведении январского курса КПЧ, шли в русле советского видения ситуации.

Москва обнаружила полное непонимание той срочности, которая КПЧ придавалась созыву учредительного съезда чешской компартии. “Этот съезд, видите ли, необходимо провести чуть ли не к концу сентября или в крайнем случае в середине октября. Это мотивируется тем, что словаки высказались на своем партийном съезде за федеративное устройство республики и поэтому надо, дескать, чтобы свое мнение высказал и чешский съезд. Говоря об этом, тт. Дубчек, Черник и другие заверяют нас (это было и в беседах по телефону, и во время пребывания в Чирне и Москве), что никаких антисоветских высказываний на чешском съезде, мол, не будет и кандидатуры в новый ЦК будут подобраны “хорошие”⁷. Хотя Кремль получил заверения, что во главе чешской компартии не встанут негодные ему Й. Шпачек и Б. Шимон, а будет рекомендован постоянно дрейфующий влево прагматик Л. Штроугал (смысл же федерализации для руководства КПСС, не сталкивавшегося с национальными уклонами, был не совсем ясен), именно кадровый вопрос, занятие ведущих постов проводниками своего влияния вызывал наибольшие тревоги.

Присутствие иностранных войск в Чехословакии серьезно лимитировало эволюцию в сторону более плюралистического общества, наметившуюся в Чехословакии за последний год. Окончательно похоронить эту тенденцию развития можно было не “вызовами на ковер” Дубчека или Черника, а систематическим насаждением тех кадров, которые были готовы с наибольшей отдачей осуществлять угодную Москве линию. На встрече руководителей Варшавской пятёрки большое внимание было уделено обсуждению персональных характеристик тех деятелей КПЧ, которые по тем или иным причинам утратили их

доверие. Вот что, например, говорилось о временно аккумулировавшем несколько партийных функций Зд. Млынарж: "Трудно даже представить себе ясно, кто такой этот Млынарж. Начать с того, что даже его подлинная фамилия не совсем ясна, хотя дело, конечно не в этом. Когда в Чехословакию вступили союзные войска, Млынарж прибежал в советское посольство и заявил: слава богу, что вводят войска, иначе в Чехословакии была бы катастрофа. Вслед за этим он умудрился побывать на подпольном XIV съезде КПЧ и быть избранным там в руководящие органы. В эти же дни он побывал с группой левых товарищей у президента Л. Свободы и вел переговоры об образовании нового правительства. А вслед за этим тот же Млынарж оказался участником переговоров в Москве. Вернувшись из Москвы, он занял видное место в руководстве и сейчас занимается тем, что подводит юридическую базу под недружественную линию органов массовой информации. Вот вам физиономия этого человека, не имевшего твердых принципов и идейных установок"⁸. Вожди "братских" партий не питали иллюзий, что подобные Млынаржу лица, образовывавшие на тот момент ближайшее окружение Дубчека, будут осуществлять "правильное руководство и содействовать действительному оздоровлению обстановки в партии".

Главное, чего советские лидеры рассчитывали добиться от команды Дубчека на ближайшем этапе, – заключение договора о дислоцировании на постоянной основе союзных войск на чехословацкой территории. Все стороны соглашались, что держать в Чехословакии в зимних условиях то количество войск, которое изначально пересекло границы, было невозможно. Им просто не хватало помещений для квартирования. Хотя после частичного вывода воинских подразделений в Чехословакию оставались только советские части, они – в память о коллективной акции – по-прежнему именовались "союзными". В итоге решено было оставить 5 дивизий и 4 аэродрома с обслуживающим персоналом. Размещение войск не на западной границе, а неподалеку от главных городов (Праги, Братиславы и др.) явно подчеркивало политический смысл всей этой акции. По замечанию Косыгина, "самое главное – формально заключить договор и чтобы его подписали гг. Дубчек и Черник. Это важно и для внешнего мира, и для восприятия в самой Чехословакии. Если они подпишут такое соглашение, это восстановит против них правые силы и во внешнеполитическом плане тут много положительных моментов. После подписания такого договора к нам не будут приставать ни ООН, ни кто-либо еще"⁹.

Дело оставалось за малым – нужно было преодолеть слабое сопротивление лидеров КПЧ, по сути смирившихся со статусом оккупированного государства (но для успокоения народа, выторговывавших

более щадящие условия такого статуса). “Мы уже начали работу с чехами, – делился Брежнев с участниками “пятерки”, – используя для этого наши беседы с Черником, приехавшим в Москву. Мы ему говорили: товарищ Черник, ты знаешь, что войска не уйдут, поэтому давай думать, как оформить сохранение части войск в Чехословакии”. Дубчеку послали материалы по размещению частей, а министрам обороны поручили провести переговоры в Ужгороде. “Несколько позднее Дзур (министр обороны. – М. Л.) начал нам подбрасывать мысль о том, что сейчас пока трудно договориться о размещении войск на длительное время, что пока можно было бы договориться лишь о перезимовке. Чувствуется, что они хотят это дело спустить на тормозах”¹⁰. После этого, когда намечался приезд чехословацкой делегации в Москву для продолжения переговоров, Брежнев уже мог сослаться на то, что все вопросы, связанные с размещением войск, согласованы с остальными союзниками.

Как следует из стенограмм переговоров, лидеры Польши и ГДР – В. Гомулка и В. Ульбрихт – в заостренности своих выводов шли даже несколько дальше советских лидеров, провоцируя реакцию последних в сторону ужесточения. По заявлению Гомулки, их оценка обстановки в ЧССР совпадала с брежневской, но с большей долей пессимизма, и выражала надежду, что заключение договора о войсках ускорит в ней процесс дифференциации, “потому что тогда будет покончено с расчетом на то, что войска выйдут в ближайшее время, и некоторые элементы почувствуют себя увереннее, перестанут опасаться репрессий со стороны правых”. Если брежневское руководство рассчитывало на продолжение диалога с лидерами КПЧ до тех пор, пока те сами не разрушат свою опору в народе, то Гомулка призвал “не закрывать глаза на тот факт, что руководители КПЧ для нас стали чужими людьми. Мы говорим о руководстве чехословацкой братской партии, а по существу она уже не братская партия. Она – чужая, там сидят чужие люди... Чехи не разговаривают, они сидят и молчат, и что у них происходит в душе, мы не знаем”¹¹. В отличие от советских представителей, не останавливавшихся перед критикой отдельных лидеров КПЧ, но всегда сохранявших веру в “здоровые силы” этой партии, первый секретарь ЦК ПОРП осуждал КПЧ целиком, уверенный в ее перерождении, говорил, что не представляет, на кого в Чехословакии делать ставку, если все “поправели”.

Записи встречи показывают, что только такой наивный человек, как Дубчек, мог питать иллюзии вырваться из тисков внешнего фактора и, найдя баланс между ним и фактором внутренним, проводить прежний, относительно независимый курс. “Все мы считали, что т. Дубчек должен уйти, – заключили восточноевропейские лидеры. – С

этим, очевидно, согласны и многие здравомыслящие люди в Чехословакии (например, Свобода, Черник, Гусак)... У нас есть информация о встрече Дубчека в Брно с людьми. Была создана атмосфера самой настоящей истерии. Бабы падали на колени, целовали ему руки и ноги, а он, как "святой", благословлял их"¹².

Личная популярность – факт, который одновременно и раздражал руководителей Варшавской пятерки, избегавших живого общения с массами, и заставлял с собой считаться. Любовая критика Дубчека от лица партнеров по блоку дала бы обратный результат и способствовала лишь укреплению единства на национальной почве. Но его вполне можно было втянуть в дискуссии о допущенных в прошлом ошибках, заставить оправдываться за взятые ранее, на совместных встречах, обязательства, припереть к стенке конкретными фактами невыполнения отдельных пунктов протокола. Поскольку имел место очевидный перепад между цензурированием всего, что появлялось в восточноевропейской печати, и полным разгулом произвольных трактовок в чехословацких средствах информации, то не надо было ходить за примерами антисоветской пропаганды, явно идущими вразрез с самим духом протокола. Гомулка упомянул об одной такой публикации явно провокационного характера, распространявшейся в форме листовок, – меню ресторана "Под пятью оккупантами". Здесь предлагался "кровавый борщ", "ус Ульбрихта в нацистском соусе", "Брежнев в собственном поту" и "Гомулка в виде дикого кабана".

Маститый лидер СЕПГ Ульбрихт из протоколов встреч на высшем уровне неизменно предстает блостителем идеологической чистоты, утомляющим лидеров "братских" партий своим менторским тоном и экскурсами в прошлое Коминтерна. Как и Гомулка, он был предельно резок в оценке деятельности "группы Дубчека", ведущей, по его словам, двойную игру, заявляя публично одно, а в своей кадровой политике придерживающейся противоположной линии. Он подозревал "группу Дубчека" в опоре на буржуазно настроенную интеллигенцию и в стремлении с ее помощью к превращению КПЧ в "независимую социал-демократическую партию". Ульбрихт проговорился об одном положительном, с его точки зрения, международном аспекте вмешательства в дела ЧССР – временном блокировании "восточной политики" Вилли Брандта, отзывавшейся головной болью у догматических руководителей ГДР.

Позиция Живкова не содержала ничего примечательного – он не изменил своей практике бездумно репродуцировать сказанное Брежневым. Сложнее было дело с Я. Кадаром, поначалу сочувствовавшим Дубчеку и не одобрявшим на майской встрече в Москве и июльской встрече в Варшаве силового варианта решения кризиса. Но к августу

месяцу он полностью переходит на интервенционистские позиции, а его выступления на сентябрьских переговорах по своей антиреформаторской направленности и без меры идеологизированной риторике ничем не отличаются от какого-нибудь Ульбрихта, разве что с поправкой на более высокий уровень интеллекта. Тут и призывы к шагам по содействию поляризации сил и укреплению "социалистической консолидации" в Чехословакии; требование к чехословакам "проводить такую политическую линию, которую осуществляет Советский Союз"; и признание, что Дубчек все равно долго не продержится на своем посту, так как им недовольны уже и левые, и правые. В качестве альтернативы однозначно выдвигался "самый решительный" - Гусак, хотя Кадар, как венгр, не преминул упомянуть о его очень сильных националистических настроениях.

Очередная смена ориентиров в чехословацком кризисе нелегко далась Кадару: судя по донесениям из Будапешта, не все члены ЦК ВСРП согласились с его мотивировкой венгерского участия в совместной акции, местные журналисты проявили мало усердия в подыскании соответствующей аргументации, а некоторые особо недовольные партийцы получили дисциплинарные взыскания¹³. По доверительной информации из международного отдела ЦК ВСРП, в связи с однозначно негативной оценкой интервенции большей частью населения Венгрии, была нанесена "первая рана политическому престижу Кадара"¹⁴.

Брежнев достиг намеченной цели: заручившись безоговорочным согласием остальных участников акции, он мог выполнить столь импонировавшие ему функции высшего арбитра, несущего всю ответственность за судьбы социалистического лагеря. Партнеры по пакту несколько не подыгрывали его настроениям, а вполне сознательно выступили в качестве дополнительного фактора давления в пользу ужесточения совместно выработанной тактики по приведению к общему знаменателю отбившегося от рук союзника.

Логическим продолжением встречи пяти участников интервенции стал вызов в Москву на переговоры 3-4 октября чехословацкой партийно-правительственной делегации в составе Дубчека, Черника и Гусака. Конфузом стало отсутствие на переговорах члена правящей четверки Й. Смирковского, ставшего для широкой публики символом и гарантом политики демократизации. На промосковскую фракцию чехословацких коммунистов-традиционалистов разлагающе действовали официально распространяемые (в большинстве своем внутривнутрипартийными каналами) сведения, что ЦК КПСС удовлетворен ходом выполнения Московского протокола и нормализацию отношения к Дубчеку, Чернику и Смирковскому строит на обновленном доверии. Любые меры, результатом которых являлось укрепление реформаторских сил в

партии, во внутрипартийных информационных сообщениях представлялись так, как будто они совершались с полного согласия КПСС. Так у левых коммунистов “доверие к КПСС смешивалось с опасениями, чтобы она не дала себя обмануть двуличной политикой сегодняшних руководящих деятелей КПЧ”. В связи с этим левые в качестве основного условия “действительной нормализации” рекомендовали “постоянно усиливающееся политическое давление и выдвижение все больших требований со стороны КПСС и других союзников руководству КПЧ”¹⁵. И далее следовали конкретные предложения по кадровым вопросам, по персональному составу руководящих органов, который должен был прийти на смену существовавшему, повинному в прошлых ревизионистских увлечениях. Советская сторона буквально следовала советам своих информаторов и, с особым удовольствием вникая в мельчайшие детали кадровых назначений, придавала ходу обсуждения такой характер, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в неудовлетворении Москвы ходом нормализации и поведением главных ее исполнителей.

Если ранее советско-чехословацкие встречи напоминали дискуссионный клуб, то после августа они стали больше походить на самоотчеты районных секретарей перед вышестоящими партийными органами. Если Дубчек откровенно раздражал брежневское руководство своей уклончивостью и нежеланием говорить по существу поставленных перед ним вопросов, его более прагматичные коллеги, такие, как Черник и Гусак, а впоследствии Штроугал, быстро сориентировались, что от них ожидают лидеры КПСС. Показателен в этом отношении тон, взятый Черником: “Я понимаю, т. Брежнев, что сегодня недостаточно словесных заверений для восстановления доверия между вами и нами, нужны практические шаги, которые продемонстрировали бы это... ключевой вопрос – устранить стихийность в развитии наших процессов и обеспечить руководство партии общественной жизнью”¹⁶.

Брежнев особенно и не рассчитывал услышать что-либо новое от Дубчека: он неплохо, правда со своего угла, был осведомлен о ситуации в Чехословакии и общался с ее верхушкой лишь постольку, поскольку намеревался навязать казавшиеся ему необходимыми меры или выяснить соотношение сил среди своих партнеров по переговорам. На переговорах такого рода, имевших отсчет с мартовской встречи в Дрездене, неизменно фигурировали одни и те же темы, но поскольку всплывающие на них общие понятия не уточнялись, а предлагаемые меры не конкретизировались, к ним обращались вновь и вновь на всех последующих переговорах, пока в воздухе не повисла угроза задействования в той или иной мере военных средств. Одной из таких тем было умаление роли КПЧ в обществе, которое Брежнев датировал начи-

ная с апрельского пленума и принятия так называемой Программы действий КПЧ. Хотя никто из членов Политбюро ЦК КПСС не удосужился прочесть саму программу, на основании аналитических записок своего аппарата они заключили, что эта программа, ориентируя партию лишь на убеждение и привлечение других общественных образований, а не на диктат с позиций власти, лишает КПЧ четкого понимания своей роли и объективно играет на руку правым, антисоциалистическим силам. “Из материалов же пленумов, из документов ЦК КПЧ, – возмущался Брежнев, – мы узнаем, что партия, оказывается, должна завоевать доверие для своего существования. А пропаганда твердит, что партия не имеет никакого морального права на доверие”. Все это, наряду с попытками найти компромисс с враждебными социализму силами, стихийностью в выработке партийных решений и подверженностью давлению со стороны разнородных общественных движений, не могло влечь за руководством не дезориентировать партийные кадры и само общество. “Насколько мне не изменяет память, за все годы, что мне пришлось работать в комсомоле и партии, – делился своими воспоминаниями советский вождь, – я впервые сталкиваюсь с такой практикой, когда у вас райкомами, обкомами произвольно проводятся конференции, активы, когда эти собрания могут проводиться каждую неделю или каждый день. В практику жизни партии и общества Чехословакии внедряется какая-то невиданная система. Взять к примеру такой случай: Вдруг кто-то начинает собирать и собирает 50 тысяч подписей против кого-то. Кто поручал собирать подписи? Никому не известно. Мы же не дети, прекрасно понимаем, что собрать 50 тысяч подписей за один-два дня, охватив при этом членов ЦК или депутатов Национального собрания, – это же колоссальный труд... До сих пор внутривнутрипартийные вопросы у вас, вопреки всяким уставным положениям, выносятся на обсуждение за рамки партии. Средства публичной пропаганды порой безответственно обсуждают и оценивают, что правильно, что неправильно сделал Президиум ЦК или какой-то обком, то есть партийная жизнь в значительной мере подвержена идеологическому воздействию со стороны”¹⁷. В кремлевском видении “братская” партия была призвана служить инструментом проведения советского влияния, своего рода смиренной рубашкой, дисциплинирующей общество, а она, в конкретных условиях постновотновской “оттепели”, сама, подвергшись деформации, пошла на поводу у активизировавшегося общества. Теперь от КПЧ ожидали, что ценой разрыва с обществом, она выполнит свою авангардную миссию, и вопрос состоял только в том, кто возглавит намечающийся поворот и каких эксцессов со стороны населения после этого можно ожидать.

С утратой монопольно доминирующего положения партии тесно увязывался вопрос о сохранении и продвижении на ведущие посты особо преданных Москве и потому дискредитированных кадров. При упоминании о "товарищах", лишившихся после 21 августа работы, на которых "нашиты ярлыки" и которых нигде не берут "как прокажённых", обычно спокойный и обходительный Брежнев выходил из себя: "Я не видел еще страны с таким моральным террором". Советские партнеры настолько детализировали проблему трудоустройства угодных им одних партийцев и высказали столько претензий к сохраняющим еще руководящие посты, но ставшим негодными другим, что Дубчек наконец поинтересовался: "Какой же простор остается в таком случае нашим партийным органам – обкомам, райкомам и Центральному Комитету партии – определять и решать те или иные кадровые вопросы?"¹⁸.

От оккупированной Чехословакии ожидалось настолько буквальное следование советскому образцу, что брежневское руководство категорически выступило против образования в связи с федерализацией страны отдельного ЦК чешской компартии, апеллируя при этом к советскому опыту. "Но почему же не взять в качестве примера то обстоятельство, что русский народ, составляющий две трети, не имеет своей отдельной партии и ЦК?" – спрашивал Брежнев. Косыгин вспомнил существовавшее при Хрущеве Бюро ЦК по РСФСР: "Это был бесполезный орган... Ничего не вышло кроме путаницы в народном хозяйстве и вмешательства в функции других органов. В конечном счете обкомы партии перестали обращаться в бюро, а обращались через его голову в общесоюзные органы"¹⁹. Здесь даже Гусак не выдержал и попросил все же считаться с национальной спецификой. Но как раз именно этого Кремль и не хотел: реакция на новации в соседней стране не могла рассматриваться иначе, чем поиск путей совершенствования тождественной системы, устранение крайностей и пережитков сталинизма. Такая толерантность вела бы к критике собственной системы, а в дальнейшем требовала бы ее трансформации. Это вожди и функционеры КПСС хорошо понимали, отсюда превознесение господствовавших в СССР порядков, утверждение их образцового смысла, а следовательно, и линия на глухой консерватизм.

Новая ситуация в Чехословакии, как уже упоминалось, вызвала появление на переговорах новой темы – о законодательном оформлении статуса иностранных войск и о преодолении трудностей, возникающих в связи с их дислокацией. Дубчек без дополнительных уговоров объявил о готовности заключить в виде протокола соглашение о количестве войск, остающихся на территории ЧССР. Когда Черник робко поинтересовался, нельзя ли записать, что к вопросу о пребыва-

нии союзных войск на чехословацкой территории можно вернуться весной будущего года, ему было твердо заявлено Косыгиным, что войска останутся без указания срока. Констатировав, что "в целом, я бы сказал, наша армия ведет себя образцово", Брежнев решительно отказывался усмотреть какое-либо неудобство в ее дислокации на территории сопредельного государства: "Мы дали командирам своих частей приказ о том, чтобы никто из наших военнослужащих даже не входил в магазины, чтобы не создавать проблем местному населению". Между тем условия пребывания советских войск были далеки от нормальных: армия стояла буквально на улицах, приходилось жить в танках и под аккомпанемент голосов о "нахлебниках в чужой стране". Население Чехословакии часто понимало прямо-таки буквально популярный призыв "не давать оккупантам ни капли воды!". Парируя вышеупомянутые голоса, Косыгин разъяснял: "Чтобы не давать повода для разговоров, будто наши солдаты вас объедают, мы доставляем своим военнослужащим продукты и все необходимое для армии на самолетах"²⁰. Причем такая практика сложилась еще раньше, при снабжении советского контингента на Кубе, когда даже картофель доставлялся им в запаянных банках, "чтобы не стеснять кубинцев".

Советские лидеры заметно обнаруживали колебания между двумя взаимноисключающими стереотипами: о Чехословакии как братской, к тому же славянской стране, целиком обязанной Красной Армии своим освобождением от германского фашизма, и представлением о Восточной Европе как постоянном очаге возбуждения, а значит, заинтересованностью местных режимов в советском военном присутствии. "Венгерское правительство в свое время поднимало вопрос о выводе войск, — проводил параллели Подгорный. — Мы его обсуждали. И сами венгры попросили: оставьте эти войска у нас"²¹. При таких установках от глав восточноевропейских режимов ожидали полной капитуляции перед советским авторитетом, забывая своей национальной специфики, если она хоть в чем-то противоречила интересам Кремля. Это ясно дал понять пользовавшийся репутацией реалиста и прагматика Косыгин: "Западная печать со ссылкой на пражские источники, на партийные круги в Праге и т. п. разглагольствует: "Дубчек будет в Москве бороться за сохранение своего положения как главного руководителя страны". Против чего бороться? Против нас? О какой борьбе идет речь?"²².

В ответ на обрушившиеся обвинения Дубчек долго, многословно и неубедительно клялся в своей приверженности коммунистическим идеалам, ручался за социалистический характер тех преобразований, на которые отважилась его партия, за сохраняющуюся ей лояльность большинства народа, несмотря на рецидивы психоза в отношении КПЧ

и ее руководящей роли, имевшие место в прошлом. Пробным камнем "чистоты" своих намерений Дубчек выставлял недопущение в ЧССР частного предпринимательства даже в самых скромных масштабах, отсутствие реституции ранее конфискованного имущества, даже на уровне предприятий сферы услуг и мастерских, стабильности сельхозкооперативов, не давших ни одного случая распада. И это в то время, когда, например, в ГДР встречались частные предприятия с числом занятых до 50 человек. Его доводы не показались особо убедительными формально отвечавшему за экономическую сферу Косыгину.

То, на что ссылался Дубчек как достижение своей администрации, говорил Косыгин, было заложено в самой социально-экономической системе ЧССР, сформировавшейся за последние 23 года, и прочно вошло в повседневный быт. Не так просто поколебать общенародную собственность, колхозный строй, и "я думаю, что это хорошо понимают и враги. Или попробуйте перед рабочим классом сейчас выступить и сказать, что вы хотите вместо социалистической промышленности создать частнокапиталистическую... Я думаю, такого оратора рабочие за ноги стащат с трибуны, а может быть, даже набьют ему физиономию. Удар наносится, – резюмировал Косыгин, – в политическом плане и в первую очередь – по партии"²³. К числу своих достижений в направлении нормализации Дубчек отнес запрет на расширение Национального фронта за счет других партий, восстановление мер по линии цензуры, кадровые перемены в средствах массовой информации, но предпочтение, отданное им политическим мерам перед административными, вызывало взрыв сарказма у советских товарищей. Их нервировало даже само упоминание о чехословацких журналистах, выводило на антиинтеллигентские рассуждения, как "сбивают с толку людей постоянными разговорами, что рабочий класс не способен управлять обществом, что этим должна заниматься только интеллигенция, так как это, мол, "самые умные". В ответ на рассказ Гусака, как Президиум ЦК компартии Словакии раз десять обсуждал укомплектование кадрами редакций газет, кого исключал из партии, а кого предупреждал, последовала издевательская ремарка Брежнева: "Если вы будете продолжать писать так, как сейчас, вы не можете работать в газете. Получается, что КПЧ – какая-то христианская партия"²⁴.

Текст заключительного коммюнике по итогам встречи был продиктован советской стороной, а чехословацкая делегация даже не участвовала в его составлении. Уже этот факт наглядно свидетельствовал о торжестве изложенной в нем советской точки зрения, капитуляции Дубчека по всем обсуждавшимся позициям. Чехословацкой делегации пришлось косвенно признать наличие в стране опасности со стороны антисоциалистических сил. В коммюнике говорилось, что ру-

ководство ЧССР приложит максимум усилий к повышению руководящей роли компартии и усилит борьбу против антисоциалистических сил. Формулировка, согласно которой средства массовой информации должны быть полностью "поставлены на службу социализму", отразила неудовлетворение КПСС недостаточным контролем чехословацких властей над возмнившими себя свободными журналистами и дала сигнал к чистке в аппарате органов массовой информации. Содержавшееся в коммюнике обязательство пражских властей "усилить партийные и государственные органы людьми, твердо стоящими на позициях марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма"²⁵, подразумевали также и чистку государственного и партийного аппарата, форсирование нормализации при помощи советских ставленников.

Некоторые формулировки коммюнике указывали на явное намерение Москвы расширить сотрудничество с Прагой по внешнеполитическим вопросам, в частности касающимся Вьетнама, Западной Германии, Ближнего Востока, отражали стремление заставить союзника шагать в ногу с советским конфронтационным курсом. Если в коммюнике по результатам московской встречи 26 августа говорилось о постепенном выводе союзных войск, то теперь утверждалось, что вывод коснется лишь части размещенных в ЧССР союзных войск, а другая часть должна "временно" остаться. Таким образом, впервые официально подтверждалось согласие обеих сторон на продление пребывания союзных войск в Чехословакии на неопределенное время.

Положительным моментом стало согласие Кремля вновь сесть за стол переговоров с Дубчеком и Черником, с теми, кого одно время называли контрреволюционерами. СССР пока не решился на разрыв с реформаторами умеренного толка, как и инициирование репрессивных мер по отношению к чехословацким радикалам.

Что касается переговоров о размещении в ЧССР советских войск, то здесь просматривались определенные уступки Праге. Они проявились в более четком определении статуса "временно дислоцированных" частей, а также в частичном их выводе (его, правда, нельзя рассматривать как уступку, поскольку это продиктовано было нехваткой казарм). Во избежание инцидентов со словаками венгерские части, по просьбе Гусака, покинули районы южной Словакии, населенные этническими венграми.

МИД ФРГ, давая общую оценку результатам встречи 3-4 октября, пришел к заключению, что проигрыш ЧССР больше ее выигрыша и "ряд важных уступок чехословацкой стороны никоим образом не компенсируется уступками СССР. Обещание Советского Союза поддержки в ходе осуществления нормализации положения в ЧССР нельзя понимать как искреннее желание советской стороны оказать Чехослова-

нии материальную помощь. Скорее это обещание следует расценивать как заявление об активном, массивном вмешательстве во внутренние дела страны²⁶.

Законные власти ЧССР еще раз пообещали Кремлю изменить обстановку в стране в желательном для него духе, признали наличие антисоциалистических сил и издержки обновленческого курса. В результате исходные позиции Советского Союза для ведения дальнейшего наступления на пражских реформаторов значительно улучшились. Вместе с тем следует признать, что каждая сторона и впредь старалась истолковать достигнутые соглашения в свою пользу. Таким образом, кризис вокруг Чехословакии не был ликвидирован, а перешел в новую, постинтервенционистскую фазу с постоянной угрозой повторного обращения к военным средствам.

Практические вопросы, связанные с дислокацией войск, решались на двусторонних переговорах высших военных представителей в Мукачево. Договаривающиеся стороны разместились в обстановке близкой к походной, в нескольких железнодорожных вагонах, пригнанных для этой цели в леса Закарпатья. По отзывам чехословацких военных, советские генералы вели себя грубо и осуществляли неприкрытый нажим на своих "товарищей по оружию". Участвовавшему в переговорах генерал-полковнику М. Шмолдасу, в то время генеральному инспектору Министерства обороны ЧССР, запомнился эпизод, наводящий на размышления о психологическом восприятии советской военной верхушкой чехословацких событий. Направляясь с донесением к министру обороны генералу армии М. Дзуру, он увидел его сидящим в лесу на пне с маршалом А. Гречко. Пока Шмолдас обходил их, чтобы в соответствии с военной субординацией появиться перед ними спереди, он услышал и точно запомнил фразу Гречко: "Понимаете, в какое вы нас положение поставили, что вынудили нас к этому вмешательству? Понимаете, какие это будет иметь негативные последствия для международного коммунистического движения?" Гречко отличался крайней резкостью и грубостью, но при этих словах у него слезы стояли в глазах. Было видно, что он сильно переживал²⁷. В сознании Гречко явно смешивались обида за обманутое доверие, убеждение в ответственности "братской" армии за состояние дел в стране и паничная вера в интернациональную и классовую солидарность.

В бытность свою членом СЭВовской комиссии по обороне и общаясь по долгу службы с различными подразделениями генштаба МО СССР, Шмолдас вынес впечатление, что советские военные никогда не шли на компромиссы, а упорно добивались своего. Поэтому, когда они согласились разместить на один авиационный полк меньше, чем хотели (разместить больше просто не позволяли возможности воен-

ных аэродромов ЧССР), Шмолдас предположил, что Гречко нарочно зависил численность частей, предназначенных для дислокации, чтобы потом уступить, продемонстрировав “добрую волю”²⁸.

После достижения соглашения на партийно-правительственном уровне, переговоры с чехословацкими военными прошли без особых осложнений. Высокопоставленные деятели республики очень часто преподносились чехословацкими публицистами как советские агенты (это, видимо, предполагало письменное согласие на сотрудничество, агентурные клички и получение сумм за предоставленную информацию). Однако их тесные и часто неформальные связи с занимающими параллельные должности представителями Москвы – учеба в СССР, обмен опытом, принадлежность к КПЧ, одним из главных догматов которой являлась советско-чехословацкая дружба, – делали лобные властные, силовые, общественные и идеологические структуры республики совершенно прозрачными для “искусствоведов в штатском” и полностью снимали необходимость вербовки агентуры на высоком уровне.

Сказанное в полной мере относится к чехословацкому генералитету, не менее лояльному к старшему партнеру по блоку, чем партийные деятели. Малоразговорчивый и скрытный министр обороны Дзур, заранее уведомленный Гречко о приближающемся вторжении и утаивший эту информацию от команды Дубчека, сохранил свой пост на протяжении почти всего периода нормализации. Его заместитель, генерал Муха, подчеркнуто прокламировал свои симпатии к СССР и охотно поддерживал мероприятия союзных войск по их размещению на территории ЧССР. О начальнике генштаба чехословацкой армии генерале Русове говорили: “Если Русов будет уверен, что турки дадут ему высокий пост, он уживется и с ними”²⁹. Обсуждая экономические аспекты присутствия советских войск, Русов заявил, что условия договора выгодны для чехословацкой стороны. “В частности, закупка контингентом советских войск и членами их семей ряда товаров бытового потребления, которые сейчас излишествуют в стране, практически будет означать экспорт товаров, ранее не являвшихся предметом вывоза из ЧССР”³⁰, – отмечал он.

* Авторская аргументация об отсутствии у советских ГРУ и КГБ потребности в вербовке агентуры в ЧССР, в т. ч. среди высшей партийной и государственной номенклатуры, не выглядит убедительной. Такого рода аргументация тем более сомнительна, что истоки ее восходят к заявлениям бывших и ныне действующих наших “бойцов невидимого фронта”. Ян Румл еще в 1990 г., будучи первым заместителем министра внутренних дел ЧСФР, назвал подобные утверждения полковника КГБ В. Косолапова “безбожной ложью” (Еще раз о “пражском варианте” // “Московские новости”. 1990. № 40. С. 11). — Прим. редактора.

Еще не зная взрывную реакцию общественности на договор, Дубчек 11 октября адресовал согражданам предупреждение, что демократия требует определенной дисциплины, и признал настоящую мучительную ситуацию следствием просчетов политики слишком поспешной либерализации общественной жизни. Максимально приблизившись к логике кремлевских вождей, он призвал чехов и словаков в любых проявлениях общественной активности не допускать игнорирования "мнений и опасений" союзников.

С появлением в Праге Косыгина 16 октября, в обстановке ритуальной коммунистической сердечности состоялось долгожданное подписание договора, знаменовавшего, в изложении восточноевропейских пропагандистов, шаг к укреплению обороноспособности Чехословакии и прочих соцстран перед лицом растущего германского реваншизма. На церемонии подписания Дубчек оказался как бы задвинут на задний план, а вперед выступили "реалисты" типа премьера Черника. Последнего уполномочили отстаивать проведение договора о пребывании войск через парламент. Аргументация Черника сводилась к утверждению, что договор, "не устраняя причин, является следствием новой ситуации". Он назойливо подчеркивал, что Чехословакия, не имея другого выбора, вынуждена принять эту новую ситуацию, ставился в позу патриота, которого буквально потрясли августовские события, "привнесшие в наши отношения много страданий, горечи, напряженности и непонимания". Наконец, он притворился, будто действительно верит в обеспечение договором "дополнительных гарантий перед опасностями мирового империализма и германского реваншизма"³¹.

Перед решающим голосованием в Национальном собрании депутаты-партийцы встретились с руководством. Черник и Сморковский убеждали их единогласно проголосовать "за" и не разрушать картину всеобщего единства. Сморковский попросил заявившего о своем намерении голосовать "против" видного реформатора и члена ЦК КПЧ Фр. Водслоня: "Франта, ты хотя бы не выступай". От маленькой группы несогласных при решающем голосовании выступила депутат Секанинова³². В результате обработки депутатов договор легко получил одобрение парламента при 4-х "против" и 10 воздержавшихся.

В день ратификации договора на случай организации демонстраций протеста в боевую готовность приводились подразделения народной милиции. "В Праге до начала заседания перед зданием Национального собрания собралась толпа, преимущественно молодежи, которая встречала приезжавших депутатов криками: "Не предавайте!", "Не будьте предателями!" В Братиславе в ночь с 17 на 18 октября (около 3-х часов ночи) состоялась демонстрация студентов высшего

политехнического института. В демонстрации приняло участие около 500 человек; они прошли по улицам, подошли к зданию ЦК КПС с требованием встретиться с Гусаком, которому хотели заявить о своем протесте в связи с подписанием договора. При появлении советских бронетранспортеров толпа разбежалась³³.

Председатель Национального собрания Смрковский в беседе с телекомментатором 20 октября 1968 г. отметил, что голосование явилось результатом убеждения, что это – единственный выход из создавшегося положения. По-прежнему в выступлениях представителей властей и органов массовой информации отсутствовали какие бы то ни было попытки признать обоснованность ввода союзных войск в ЧССР в августе³⁴.

На ноябрьской сессии Совета НАТО, оценивая военно-стратегическую обстановку, сложившуюся в Европе, руководство Североатлантического союза пришло к выводу, что размещение советских войск в ЧССР в целом не привело к изменению соотношения сил между ним и Варшавским договором. Однако, по мнению командования блока, наличие этих войск в определенной степени усилило первый эшелон вооруженных сил Варшавского договора в Центральной Европе и дает возможность Советскому Союзу нанести в случае необходимости быстрый и мощный удар по районам южной части ФРГ. Докладные записки КГБ констатируют укрепление политического единства стран-членов НАТО, приостановку тенденции к сокращению национальных вооружений, стремление малых стран блока найти в лице США силу, способную противостоять мощи Варшавского договора, улучшение взаимоотношений США с Францией, Грецией, Турцией и Югославией³⁵. Нетрудно убедиться, что издержки интервенции – повсеместное падение авторитета СССР и укрепление фронта его противников – намного перевешивали ее позитив, т. е. приведение к общему знаменателю и без того лояльного партнера, оставление войск на стратегически важном плацдарме.

Расширение командой Дубчека пределов компромисса с союзниками и само советское присутствие постоянно провоцировали общественное недовольство, формальные поводы к всплескам которого давали, как правило, праздничные даты, вроде 50-летия образования республики или позаимствованное празднование очередной годовщины Октябрьской революции. Явно в предвидении худшего, Смрковский накануне одной из таких дат обращался к студентам юридического факультета: “Я заклинаю вас не участвовать в демонстрациях... Если они все же состоятся, вас удивит, коль опять появятся танки? Если вы примете участие, нам остается только сожалеть... Героические предприятия ведут народ к гибели”³⁶.

28 октября 1968 г. лидеры страны, возобновляя традиции, после возложения венков на могилы Готвальда и Запотоцкого, слетали самолетом на маленькие кладбища у Праги, чтобы впервые после 1948 г. почтить также память Масарика и Бенеша. Вечером того же дня, пока на Граде шло торжественное заседание и Свобода освещал заслуги Готвальда и Запотоцкого в деле укрепления дружбы с СССР, на площадях Праги проходили “крикливые” демонстрации, носившие откровенно антисоветский характер. Возле памятника св. Вацлава собралась многотысячная толпа молодежи и у его подножья зажгла множество свечей: В стремени всадника реяли национальные флаги. Весь церемониал воздания почестей средневековому королю не совсем вязался с характером празднеств и затевался с целью выражения неприятия ущемления национального суверенитета, навязывания чужой воли народу, ощутившему за короткий отрезок “пражской весны” вкус некоторой свободы. Провозглашались лозунги: “Русские, убирайтесь домой!”, “1945 – да, 1968 – нет!”, “Чехословакия – Вьетнам, СССР – США!”, “Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!”. “Каждый провозглашенный лозунг покрывался настоящим воем, – доносил оказавшийся на месте событий советский журналист. – Наэлектризованная масса молодежи напоминала какой-то шабаш дикарей”³⁷. Стихийная на первый взгляд толпа после получения предупреждения полиции тут же, по сигналу организаторов, дисциплинированно отправилась на Староместскую площадь.

Аналогичные демонстрации состоялись у здания советского посольства. Студенты кричали “Долой Брежнев!” и “Да здравствует Дубчек!”, жгли пачки газеты “Правда” и освистывали советскую охрану. Той же ночью толпа улопоканьем и свистом встретила Кузнецова и Червоненко у Национального театра, куда они спешили на оперу Сметаны “Либуша”, приехав на автомобиле без положенного советского флага. Когда советских гостей ввели в зал, двое чехов отказались уступить им места в ложе, после чего пришлось на посольской “Чайке” возвращаться обратно в посольство. Те же демонстранты у театра с восторгом приветствовали прибывшего туда бывшего министра иностранных дел И. Гаска, снятого под нажимом Москвы. Продолжавшиеся всю ночь манифестации закончились стычками с полицией и задержанием около 120 человек, которые вскоре были выпущены³⁸.

Студенческая молодежь, не усвоив разницы между доавгустовским и пославгустовским периодом, поддержанная рядом печатных органов, готовилась к новым акциям. Прошедшая в Брно 2 ноября учредительная конференция Союза трудящейся молодежи также поставила своей целью организовать общественное давление на государство

и его учреждения, заставив их вернуться на путь демократизации. 5 ноября "Млада фронта" в передовой статье приглашала молодежь "взять в свои руки скипетр социалистического общества и управлять нашей прекрасной страной на благо ее граждан"³⁹. Новый случай выплеснуть подогреваемые прессой страсти представился 7 ноября и сопровождался еще более серьезными нарушениями общественного порядка. В Праге и Братиславе участники массовых демонстраций сдирали с общественных зданий обязательные для вывешивания советские флаги. В Праге полиции пришлось оцепить кварталы вокруг Национального театра и впервые после страговской демонстрации годичной давности применить слезоточивый газ и дубинки для разгона толпы. Только в Праге было арестовано 167 лиц, которых опять-таки выпустили через несколько часов без предъявления им каких-либо обвинений⁴⁰. Установка на снисходительное отношение к общественным проявлениям такого рода нашла подтверждение в якобы существовавшей секретной директиве, направленной на места из центрального аппарата МВД. В ней предписывалось "в случае появления каких-либо сведений о лодях, группах и т. п., направленных против СССР и его союзников, сосредоточивать эти сведения, никуда больше их не передавая и никого не информируя, а также предупреждать об опасности всех тех, кто ведет антисоветскую работу"⁴¹.

Но наиболее досадный для команды Дубчека эпизод разыгрался в тот же день на знаменитом Ольшанском кладбище, где среди прочих покоились также останки советского неизвестного солдата. К его могиле для возложения венков и в сопровождении советских генералов и дипломатов отправились Дубчек и Черник. Здесь их настигло возмездие в лице пяти сотен ветеранов КПЧ сталинского призыва, разразившихся при их появлении криками "Да здравствует Красная армия!" и пеннем "Интернационала". "При выходе с кладбища старые дураки грозили кулаками и осыпали проклятиями проскользнувшего мимо них Дубчека, — отмечалось в одном из воспоминаний. — У оглушенного и ошеломленного Дубчека от гнева дрожали губы"⁴². Вполне естественно, что оргвыводы были сделаны не в отношении немногочисленных сталинистов, шествовавших под защитой советской армии, а применительно к массовому демократическому, хотя и антисоветски ориентированному движению, грозившему опрокинуть расчеты властей на постепенную нормализацию. Выступавший на следующий день по телевидению Черник объяснил, что правительство более не потерпит антисоветских проявлений, могущих привести к "хаосу и трагедии". В тот же день прикрыли популярное издание "Политика"⁴³. 7 ноября весь западный дипломатический корпус, кроме французских и греческих

дипломатов, бойкотировал традиционный прием в советском посольстве.

Празднование очередной годовщины Октябрьской революции получило продолжение на торжественном собрании общества чехословацко-советской дружбы в пражском зале "Люперна", состоявшемся 10 ноября. После интервенции ряды этого общества сильно поредели, но тем не менее удалось собрать аудиторию в 2500 человек, среди которых оказались не только ветераны, оплевывавшие Дубчека на Ольшанском кладбище, но и молодые карьеристы, приветствовавшиеся советским офицером: "Позвольте мне так называть вас – дорогие товарищи-коллаборанты!". Тон собрания задавал приехавший из Софии, бывший во времена Новотного министром иностранных дел В. Давид, который объявил теперь, что "появление армий Варшавского договора сорвало надежды контрреволюции". Участники приема развлекались ансамблем песни и пляски советской армии, прилетевший ради такого случая из Дрездена. Собравшаяся на улице толпа забрасывала мусором советские машины, провожала участников собрания насмешками, а известный активист крайне левого толка Е. Фамира, рисовавший портреты Готвальда, Запотоцкого и Новотного, получил от пожилой дамы удар по голове зонтиком⁴⁴.

Таким образом, ритм и параметры продолжавшегося чехословацкого кризиса определялись взаимодействием трех сфер: внутренне неоднородного правящего блока реформаторов с прагматиками, Кремля вместе с его восточноевропейскими союзниками и чехословацкого населения, с редким единодушием ратовавшего за независимый путь развития. Ни одна из трех сфер напрямую не сталкивалась друг с другом и сознательно не блокировалась, но по мере успеха "нормализации" заметился очевидный раскол между Москвой и превратившимся в послушного проводника ее политики руководством ЧССР, с одной стороны, и демократической общественностью вместе с отстраненными от власти реформаторами – с другой. Несколько месяцев после вторжения войск для Чехословакии были чреваты многими неразрешимыми противоречиями амбивалентным состоянием общества, колеблющимся между надеждами, что руководство страны без ущерба национальным интересам выведет республику из тупика, и усиливающимся разочарованием по мере дифференциации этого руководства, расширения границ его компромисса с Кремлем. Дубчек поставил перед собой две невыполнимые и взаимно несоединимые задачи: убедить брежневское руководство, что оно полностью контролирует партию, а партия – народ, который, будто бы вопреки очевидному, ни к чему другому не стремится, как к совершенствованию социализма и дружбе с СССР; и в то же время внушить чехословакам, опять-таки вопреки очевидному, что

есть-де условия для сохранения главных элементов реформ, и если избегать непужных эксцессов, то армин Варшавского пакта так же легко покинут территорию республики, как и вошли.

Примечания

¹ Archív komise vlády ČSFR pro analýzu události let 1967–1970. Praha (далее – АКВ). Запись беседы Брежнева, Косыгина и Подгорного с Черником и Гамоузом 10 сентября 1968 г. Общий отдел, 1-й сектор № 11 1679. Без сигнатуры.

² Там же.

³ Mladý svět. 1993. N 30. S. 18.

⁴ АКВ. Шифровка 9633 от 23.10.1968. Нью-Йорк–Прага.

⁵ Там же. Стенограмма записи встречи делегаций НРБ, ВНР, ГДР и ПНР, принимавших участие в совещании в Москве 27 сентября 1968 г. Общий отдел, 1-й сектор № 11 1952. Без сигнатуры.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. Шифровка 8193. Будапешт. 1.IX.1968.

¹⁴ Там же. Шифровка 8580. Будапешт. 13.IX.1968.

¹⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 60. Д. 301. Рол. 9757. Л. 3–12.

¹⁶ Там же. Стенограмма переговоров делегации КПСС с делегацией КПЧ в Москве, 3–4 октября 1968 г. Общий отдел, 1-й сектор № 1824. Без сигнатуры.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Rude právo. 1968. 16.10.

²⁶ Центр хранения современной документации (Далее – ЦХСД), 15–Д/2. Комитет госбезопасности СССР; 17.XII.1968. № 2798-3.

²⁷ АКВ. Šmoldas M. R 37, 19.94.1990.

- ²⁸ Там же.
- ²⁹ ЦХСД. Ф. 5. Оп. 60. Д. 311. Рол. 9761. Л. 107–113.
- ³⁰ Там же. Л. 117–120.
- ³¹ *Tigrid P. Czechoslovakia: A post-modern // Survey. Autumn 1969.*
N 73. P. 132.
- ³² АКВ. *Vodslón Fr. R. 30. 17.IV.1990.*
- ³³ Архив внешней политики России (далее – АВПР). Ф. 059:
Оп. 58. П. 125. Д. 578. Л. 307–312.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ ЦХСД. Ф. 5. Оп. 60. Д. 311. Рол. 9761. Л. 156–170.
- ³⁶ *Levy A. Rowboat to Prague. N. Y., 1972. P. 450.*
- ³⁷ ЦХСД. Ф. 5. Оп. 60. Д. 319. Рол. 9764. Л. 185–200.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ *Levy A. Op. cit. P. 452.*
- ⁴¹ АКВ. Из дневника М. Яньшина. 21.X.1968. Запись беседы с работниками управления безопасности Западнословацкой области О. Гирмала и Й. Галом. Без сигнатуры.
- ⁴² *Levy A. Op. cit. P. 452.*
- ⁴³ *Szulc T. Czechoslovakia since World II. N. Y., 1972. P. 465.*
- ⁴⁴ *Levy A. Op. cit. P. 453.*

Югославский кризис конца 80-х – начала 90-х годов (исторические корни и этнополитические причины)

При анализе югославских событий конца 80-х – начала 90-х гг. следует различать три разных по своей сути и причинам явления, а также стадии конфликта: кризис многонациональной Югославии, распад этнотерриториальной федерации и война, вспыхнувшая между государствами-наследниками, которая стала одновременно и осуществлением военным путем национального самоопределения на данном историческом этапе. Их, к сожалению, часто рассматривают либо как единое явление, либо в качестве таких стадий и форм, которые с фатальной неизбежностью следовали одна за другой.

Прежде чем говорить о сути происходящего, надо, во-первых, четко определить понятия, которыми приходится оперировать. Конфликт прошел несколько стадий. Нужно различать кризис югославского государства в принципе, кризис его данной исторической формы – Социалистической Федеративной Республики Югославии, приведший к распаду этой формы, и последовавшую затем войну. Как уже сказано, это разные по своей сути явления: сам кризис не вел неминуемо к распаду СФРЮ, а его принципиальная неотвратимость не означала исторической неизбежности военного пути обретения национального самоопределения. Возможность избежать войны после распада единого государства существовала. Хотя это не значит, что война не имела объективных причин и не вытекала из предшествующего развития, т. е. не была обусловлена исторически.

Во-вторых, анализируя ситуацию, необходимо видеть нетождественность феноменов, обозначаемых с помощью понятий “нация”, “национальность”, “государство”, “правлящая (в данный момент) политическая группировка”, “политическая элита”, “движение”, “партия”. Интересы сербского, хорватского и других народов не идентичны интересам государств Сербия и Хорватия, тем более они не идентичны

интересам правящих в данный момент группировок и их лидеров. В-третьих, в основе событий лежит процесс национального самоопределения не только неполноправных наций (национальностей и национальных меньшинств в СФРЮ), но и бывшей государствообразующей нации-национальности, т. е. сербов. Причем он имеет свои особенности и в Хорватии, и в Боснии. Поэтому нет и не может быть какого-то универсального пути решения данной проблемы в этих двух государствах. В-четвертых, нельзя отождествлять создание национального независимого государства и утверждение демократии. Восстановление рыночной экономики еще не означает автоматического возрождения демократии.

Кризис СФРЮ, ее распад и последовавшая за ними война – это результат как внутреннего, так и общеевропейского развития, один из факторов, определяющих будущее континента. Это проблема европейской политики и дипломатии, итог двух мировых и двух Балканских войн, следствие многочисленных перекроек политической карты восточноевропейского региона, произведенных “великими державами” в XIX–XX вв. А в основе своей эти события являются результатом процесса национального самоопределения югославянских и других народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

* *

*

Если начать с процесса рассмотрения корней кризиса югославского государства в принципе, т. е. государства южных славян, возникшего в 1918 г. и восстановленного в 1945 г., этот кризис был, конечно, исторически предопределен. Югославия как одно из государств-наследников монархии Габсбургов в первый раз распалась в 1941 г. после военного поражения, обусловленного внутренней слабостью централизованной политэтнической системы. Во второй раз это произошло в 1991–1992 гг. в результате продолжения процессов национального самоопределения, их совпадения с кризисом тоталитаризма (распределительной экономики в форме самоуправленческого социализма, коммунистической идеологии, этнотерриториальной федерации как способа национального самоопределения, однопартийной политической системы и югославизма – одной из региональных разновидностей “славянской идеи”, при отсутствии развитого общегосударственного рынка и политэтнического гражданского общества). Распаду способствовали также внешние факторы: система международных отношений Версаль–Ялта, Поддам–Хельсинки явно изжила себя, столкнувшись с неразрешимым противоречием процессов национального самоопределения, с

одной стороны, и необходимостью сохранения существовавших государственных границ – с другой. Изжила себя и прежняя система блоков и глобального противостояния, в которой Югославия играла роль “буфера” и посредника, в чьей стабильности были заинтересованы все стороны¹.

В данный исторический момент налицо столкновение процесса изменения форм собственности в условиях неизбежного перехода к рыночной системе экономики (сопровождаемого переделом собственности) с процессом национального самоопределения. Поскольку ни в СФРЮ, ни в отдельных республиках, превратившихся в независимые государства, не сложилось за послевоенный период развитое полиэтничное гражданское общество, передел собственности происходит по этническому признаку. При полном крахе прежней интернационалистской идеологии и отсутствии гражданского общества, при социальной маргинализации и распаде властно-управленческих структур понятие “национальность” в массовом сознании отождествляется с нацией и государством. Понятие имущественного права и социальных гарантий связывается лишь с принадлежностью индивида к этнической общности, которая якобы и может обеспечить эти гарантии, будучи субъектом всех видов права. Вместо примата прав гражданина, индивидуума по-прежнему провозглашается примат права коллективов, общностей – на этот раз этнических. В такой обстановке неизбежно возникновение конфликтов (при отсутствии традиций согласования интересов в политической культуре) и их криминализация. Поэтому война первой половины 90-х годов на Балканах и стала войной гражданской; она возникла ввиду отсутствия гражданского общества и приходила в процессе его становления.

В этих условиях идет поиск новых форм национального самоопределения каждого югославянского народа. Распад прежнего единого Югославского государства не был и не мог быть результатом вмешательства извне – он, как уже говорилось, обусловлен исторически. Стало неизбежным также столкновение интересов и целей национальных движений, принявших характер конфликта панэтнических и пангосударственных идеологий народов в процессе национального самоопределения, который не завершился и сегодня, и завтра не закончится.

Идея политического самоопределения в сознании каждой этнической общности возникает на этапе, совпадающем с переходом от средневековья к новому времени. Она является отражением процесса самоопределения этнических общностей, начавшегося в конце XVIII века и продолжающегося в наши дни. Этнические общности становятся субъектом политических отношений, внутригосударственного и международного права.

Национальное самоопределение необходимо, разумеется, рассматривать не только как единовременный политико-правовой акт, но как длительный этнополитический и психологический процесс, имеющий у разных народов Европы хронологические, национальные и региональные отличия. Самоопределение вовсе не сводится только к факту провозглашения независимости и к созданию национального государства, которое охватывает территорию компактного проживания этнической общности, составляющей на ней большинство населения. Понятие политического самоопределения объемнее государственного самоопределения. Оно включает в себя не только отделение этнотерриториальной общности от многонационального государства и создание органов государственной и судебной власти, представительных учреждений, но и общественную самодеятельность, политические партии, национальные движения, электорат, формирование сознания. Требование политического самоопределения отдельной этнической общности далеко не всегда выступает в многонациональном и полиэтничном государстве в роли дезинтегрирующего фактора.

В отечественной науке долгое время было принято полагать, исходя из ленинско-сталинского учения о национальном вопросе, который занимает в этом учении подчиненное положение в сравнении с целью революционного разрушения существовавших государств, что в таких государствах этнообразующие процессы совпадают по направленности с политическими центробежными тенденциями и даже составляют их основу; а межэтнические интеграционные процессы стимулируют и цементируют, соответственно, центростремительные тенденции. При этом отождествляются интеграция, этнический унитаризм и государственный централизм, с одной стороны, и партикуляризм, сепаратизм, изоляционизм, автаркия, децентрализация – с другой. Как и самоуправление и автономия². Между тем это совершенно разные по своей природе и сути явления.

Но исторический парадокс состоит в том – это особенно показал опыт развития Австро-Венгрии и начала 90-х годов XX века в СССР и Югославии, – что на определенном этапе или в известных исторических ситуациях централистская политика многонационального государства, в особенности имперского типа, вкюпе с социальным консерватизмом начинает противоречить интеграционным тенденциям в экономике и межэтнических отношениях, ведет не к сохранению единства государства, а к его развалу. Этнообразующие же (разрушительные на первый взгляд) тенденции, опираясь на последовательный демократизм, наоборот, объективно создают основу для сохранения единого государства при формировании соответствующей экономической базы, гражданского общества и т. п.

Первое время в СФРЮ (конец 40-х и 50-е годы) из-за исторически сложившейся внутренней и внешнеполитической ситуации сочетание югославянской идеи, тоталитарного коммунистического режима (в форме самоуправления) и государственного устройства в виде этно-территориальной федерации оправдывало себя. Но постепенно напряженность в межэтнических отношениях стала нарастать – к старым конфликтам, взаимным обидам и этническим стереотипам XVI–XIX вв. прибавились новые; старые мифы и застарелые обиды обросли новой плотью. Рамки этнотерриториальной федерации становились все более узкими. Экономические условия – выход на западный рынок, усиление социальных и экономических различий – соединились с национальными противоречиями, недовольством коммунистическим режимом, которое выразилось в форме национальных движений, отрицавших саму идею Югославии как единого государства этнически родственных народов.

Попытки различных конституционных реформ успеха не приносили. К этому добавились и растущие экономические трудности, увеличение разрыва в темпах развития и уровне жизни разных республик и народов, составлявших в них большинство населения и давших им титульные наименования (политонимы). Постепенно Югославия из союзного государства стала превращаться в союз государств, в которых все большую власть получала местная партократия. Это и стало одной из причин децентрализации. Общий рынок, общегосударственная экономическая система так и не были созданы, да и не могли быть созданы на социалистической основе. Вот как оценивал в книге “Тито – мой друг и мой враг” Милован Джилас успехи и неудачи революции в Югославии: “Никто не может оспорить самого факта, что она ... признала одинаковые административные и культурные права за всеми национальностями и установила новые социалистические общественные отношения и отношения собственности... Заслугой Тито и югославских коммунистов следует считать то, что они совершили вопреки всем догмам: несмотря на стремление к идеологическому и эмоциональному слиянию югославов, – любимым лозунгом Тито были “братство и единство”, – коммунисты не тормозили государственное и культурное становление на национальной основе”³. Но реальные процессы, приведшие к событиям последних лет, вряд ли могут подтвердить это утверждение покойного патриарха югославского диссидентства.

В определенных исторических условиях рубежа XIX–XX вв., как и в середине нашего столетия, югославизм сыграл свою положительную роль, послужив противовесом узкому этническому хорватскому национализму на территории Хорватии, отрицавшему сам факт существования сербов на этой территории, и великодержавным устремлениям

Сербии, сербскому национализму, восходившему к идее создания единого государства всех сербов, где бы они ни проживали. Эта концепция в тот период отчасти совпадала по своей направленности с интеграционными процессами в государстве Габсбургов. Югославизм являлся альтернативой узкому сербскому и хорватскому этническому национализму, он был призван смягчить противоречия между сербами и хорватами, чей этноним совпадал с названием административно-политического образования в королевстве Венгрия (с 1868 г.) и восходил к названию средневекового государства (X век). Необходимой составной частью многих вариантов югославизма было славянское этническое и государственное единство сербов и хорватов.

В основе югославизма лежали идеи и ценности совместной борьбы за самоопределение каждого народа; за общую демократизацию внутриполитической жизни и системы государственного управления. В конце XIX – начале XX в. его направленность совпадала с процессом национального самоопределения отдельных славянских народов. Но этот этап ушел безвозвратно, он был изжит исторически. Так же как и лозунг национального самоопределения, лозунг югославизма нельзя ни абсолютизировать, ни мифологизировать, ни фетишизировать.

Как лобой другой этнический национализм, югославизм исходил из приоритета этнической общности перед личностью, рассматривал полиэтничную общность как субъект государственного права. Нация отождествлялась с национальностью, а несколько национальностей, проживающие на одной или соседних территориях, превращались в одну национальность, одну нацию, объединенную в одном государстве. Т. е. югославизм во всех его формах был внутренне противоречив: исходя из идентичности национальности и нации и будучи средством и идеологией борьбы за самоопределение, он содержал в себе как раз его отрицание. Отвергая узкий экстремистский национализм, основанный на этнической общности, югославизм в сущности являлся одной из утонченных паннациональных теорий и иллюзий, за которые народам пришлось дорого заплатить. Национальное и этническое единство нескольких народов было иллюзией, так же как и попытка примирить противоречия между ними путем их объединения в одно государство. Равно как и попытки создать один “сербско-хорватский язык” или считать принадлежность к православию, католицизму или исламу главным этнодифференцирующим признаком соответственно сербов, хорватов и босняков (мусульман).

Еще один исторический парадокс состоит в том, что угроза национальному существованию каждого народа бывшей Югославии простекала как из сохранения общего государства в том виде, в кото-

ром оно утвердилось до и после второй мировой войны, так и из распада этого государства, последствия которого мы наблюдаем в наши дни.

Югославизм оказался несостоятельным как антитеза моноэтническому национализму, ибо югославизм (подобно всем остальным панславистским теориям) был основан все на той же идее и психологии этнического родства, являлся по сути полиэтническим национализмом, который так или иначе, раньше или позже ведет к отрицанию этнической индивидуальности и вступает в противоречие с процессом самоопределения этнических общностей. Т. е. югославизм не стал и не мог стать альтернативой моноэтническому национализму, ибо исходил из представления “одна территория – одна национальность – одна нация – одно государство – один язык”. А закономерности процесса национального самоопределения родственных народов, входящих в одно многонациональное государство, не отличаются от закономерностей самоопределения этнически далеких друг от друга народов, проживающих в таком государстве. В результате югославизм закономерно, – хотя это и парадоксально на первый взгляд, – из интегрирующего превратился в очень сильный дезинтегрирующий фактор по отношению к общему государству югославянских народов.

Югославизму, ставшему в СФРЮ государственной идеологией, по формальной логике противостояли “национализм и сепаратизм”. В результате процесс самоопределения югославянских народов был лишь загнан внутрь и деформирован, что в наши дни и дало о себе знать в таких варварских и агрессивных формах. Парадокс заключается и в том, что узкому этническому национализму в качестве альтернативы противопоставлялась региональная разновидность панэтнического национализма. Естественно, он не мог стать базой долговременного урегулирования межэтнических конфликтов и основой национального самоопределения.

В 60–70-е годы XX в. процесс самоопределения народов Югославии, в первую очередь славянских, затрагивал в основном этнокультурную и конфессиональную стороны национального сознания. В 80–90-е годы он приобрел резко выраженный политический характер, распространился на область экономики. И возникли вопросы: что сильнее и почему – логика национализма, толкающая к созданию собственных национальных государств, или же логика экономического развития, требующая возможно более тесной интеграции, в особенности в современной экономике? Почему именно сейчас побеждает логика национализма вопреки очевидным экономическим потерям?⁴

А побеждает эта логика именно потому, что концепции возможно мирного и демократического переустройства СФРЮ связывались по преимуществу с иллюзией “хорошего” югославизма, а Югославию, на-

оборот, можно было сохранить только избавившись от югославизма, как и от лобого иного национализма – сербского, хорватского, боснийского и т. п., отказавшись от принципа “национальность – государство – территория”. Но переплетение в наши дни социальных, экономических, этнических и политических процессов не позволило сделать это национальному сознанию югославянских народов. Поэтому можно сказать, что в начале 90-х годов в Югославии один вид этнополитического национализма взял верх над другим видом. Национальное политическое самоопределение и создание системы национальных независимых государств, тяготеющих к моноэтничности и к моноконфессиональности, не разрешило противоречий между этническими общностями и государством, не смягчило конфликтов этих общностей между собой, переведя их лишь в область межгосударственных противоречий. Это же относится и в целом к системе межгосударственных и межэтнических отношений, сложившихся после второй мировой войны в Средней, Юго-Восточной и Восточной Европе.

После этих соображений о присущей югославянскому государству кризисности, так сказать, в принципе перейдем к рассмотрению причин кризиса такой его конкретной формы, как СФРЮ. Ее кровавый распад – следствие национально-политических конфликтов в регионе. Из-за войны, начавшейся с австро-сербского конфликта, прекратила свое существование Австро-Венгрия во главе с австро-немецкой династией Габсбургов, что и привело к возникновению на базе сербской монархии Карагеоргиевичей совместного независимого государства ряда югославянских народов. Оно рухнуло и возродилось в результате новой мировой войны, сопровождавшейся взаимонистребительной борьбой югославянских народов между собой. Нынешний распад Югославии также привел населявшие ее народы к междоусобной войне, грозившей – как и в начале века – превратиться в мировую.

Дискуссии о направленности и содержании национальной идеологии, о соотношении общегославянского и национального сознания каждого народа, о федерализме и унитаризме, о роли монархии Габсбургов в развитии хорватской и словенской наций и сербского государства, о хорватско-сербских отношениях и самой исторической легитимности государства начались в Югославии чуть ли не с момента ее создания в 1918 и продолжились после воссоздания в 1945 г.⁵

Австро-Венгрия распалась в результате процессов национального самоопределения населявших ее народов, неспособности центральных властей к реформированию и децентрализации, в результате первой мировой войны и поражения в ней Габсбургской монархии. Югославия же в первый раз распалась по причине военного поражения, обусловленного внутренней слабостью централистского политического

государства, а второй – ввиду продолжения процессов национального самоопределения, совпадения в один исторический момент нескольких обозначенных выше системных кризисов, а также изменения внешне-политической ситуации в Европе и мире. Что же оказалось решающим в развале этих государств, в создании и в воссоздании Югославии – внешний или внутренний фактор, экономические, политические или этнические процессы?

На первый взгляд, королевская Югославия победила государство Габсбургов, хотя даже в свое время многие считали ее нежизнеспособной альтернативой. История жестоко пошутила: ныне Австро-Венгрия часто видится как альтернатива Югославии, которая ничего кроме конфликтов и страданий не принесла самим югославянским народам. Ведь ни одна из проблем, приведших к развалу государства Габсбургов, в Югославии так и не была решена. Это относится прежде всего к проблеме национального самоопределения и сохранения целостности государства.

Борьба центробежной и центростремительной тенденций присуща любому многонациональному и полиэтничному государству независимо от социально-экономического строя и политической структуры. Эта борьба обусловлена самой природой этнической общности, стремящейся к самоопределению на каждом витке своей истории в новой форме. В полиэтничном государстве центробежная тенденция может быть смягчена только максимальной демократизацией. А усиление авторитарных и централистских тенденций, нарушение нормального развития общегосударственного рынка и нарастание сопротивления неполноправных народов в условиях войны, военного поражения или чрезмерно милитаризованной экономики ведет к утрате широкой полиэтничной социальной базы государства, к его развалу. Вместе с тем этническая общность не может быть субъектом государственного права, не в состоянии составить прочный фундамент многонационального государства. Лишь полиэтничное гражданское общество может составить его долгосрочный фундамент.

Распад СФРЮ наряду с другими факторами был обусловлен, с одной стороны, конфликтом этнических общностей с государством в процессе их национального самоопределения, т. е. тем фактом, что это государство изжило себя исторически; с другой – конфликтом национальных движений народов, населявших это государство между собой. Наступил новый этап в процессе самоопределения югославянских народов, которым оказались тесны рамки этнотерриториальной федерации. Поэтому совершенно нелепо искать персонально “виновных” в распаде Югославии. С точки зрения юридической, как и исторической и политической, никто не виноват.

Выдвигавшиеся проекты реформ "титовской" Югославии были объективным отражением реальных тенденций в жизни государства. В частности, проекты федеративного и конфедеративного переустройства не были тождественны требованию полного государственного отделения. Как сто лет назад в монархии Габсбургов (да и в Российской империи) власть имущие не принимали проекты федерации, так и на рубеже 80-90-х годов XX в. коммунистические правители шарахались от слова "конфедерация"⁶. Они не сумели понять, что именно осуществление этих проектов в конкретных исторических условиях позволило бы народам добровольно, мирно и на взаимовыгодных началах сосуществовать в едином государстве или избежать войны при его распаде.

В Восточной и части Средней Европы утвердилась не модель полиэтнического государства-нации, как в Западной Европе, а моноэтнического государства-национальности. Здесь и кроется одна из причин многочисленных межэтнических и межгосударственных конфликтов в этом регионе. Кроме того, модель государства-национальности часто уязвляется с "особым" – национальным или региональным – путем социального и экономического развития, якобы возможного в качестве альтернативы западноевропейской цивилизации и политической культуре.

Партийно-политический плюрализм стал определять общественную жизнь Югославии в самом конце 80-х годов, писал загребский социолог и политолог Славен Летица⁷. Но это не были партии в строгом смысле слова. Сербским, хорватским, словенским деятелям, как и деятелям других национальностей пришлось заново начать формирование политической структуры общества (это является составной частью процесса национального самоопределения), т. е. вернуться в конец XIX – начало XX века. В Югославии не было гражданского общества, не все нации страны обладали развитой социальной структурой с четко дифференцированными и взаимоувязанными экономическими, социальными и политическими интересами, с соответствующим идеологическим оформлением. Не было ни партий, ни профессиональных политиков, ни демократической политической культуры (СКЮ нельзя считать партией в строгом смысле слова).

На первом этапе возникали идейные течения. Группы единомышленников становились во главе движения, они часто выдвигали харизматического лидера. В некоторых странах партии пришли к власти из оппозиции и диссидентства, в других – путем переименования и интриг. Власть же сохранялась у "старых кадров". Но и диссиденты неизбежно несли на себе печать коммунистической политической культуры, были ее составной частью, они во многом сохранили традиции этнического национализма – конфликтной идеологии и психологии.

Для них были характерны стадийная однотипность, социальная схожесть, с одной стороны, и противоположные национальные интересы — с другой. Межэтнический конфликт в процессе национального самоопределения народов многонациональных государств неизбежно приводит к распаду этого государства.

До обретения независимости республиками в программах партий на первом месте были не экономические, а национально-политические требования. В ходе реформ и изменения социальной обстановки менялась социальная база идей, у новых и старых общественных слоев появились свои политические представители. В области межэтнических отношений практически все партии и направления впали в общее заблуждение, отождествляя нацию с национальностью и национальное независимое государство с демократией. Отличались они друг от друга трактовкой общенациональных интересов⁸. Заметим еще, что при характеристике политических партий в многонациональных государствах не избежать системы двойных оценок: либералы в экономике отнюдь не всегда являются таковыми в области межэтнических отношений, а люди, исповедующие осторожность в области межэтнических отношений, часто называют консерваторами. И при этом мы еще не затрагивали расхожую классификацию на “левых” и “правых”.

Создавая новые государства, партии и движения, пришедшие к власти еще до развала Югославии на свободных республиканских выборах, сами стали создавать как новые государства, так и правила политической игры⁹. В Хорватии у власти оказалась партия-движение, в Сербии — переименованные коммунисты остались правящей партией, в Словении победила коалиция оппозиционных партий. В полиэтничной Боснии процесс окончился катастрофой, ибо партии, созданные по этническому признаку, победив на выборах, не смогли договориться друг с другом. Это привело к развалу страны и затяжной кровопролитной войне. Партии в полиэтничных государствах (прежде всего в Хорватии и Боснии) еще до распада Югославии оформились в первую очередь по этническому, а не по общеполитическому принципу. Хотя многие из них называли себя либеральными и демократическими, индивидуум, как субъект политики и права, был для них вторичен, а этническая общность — первична.

Период становления новой идеологии национальных движений приходится на 60–80-е годы XX века. Первоначально, не затрагивая напрямую политические вопросы, авторы программных документов концентрировали свое внимание на нерешенных проблемах национального языка, культуры, истории, религии. Кажется, сугубо научный спор вокруг содержания понятий “нация” и “национальность” был отражением непрекращавшегося развития национальных движений в

социалистической Югославии. Естественно, эти научно-публицистические документы, ставшие символами каждого национального движения, разрабатывали ученые. Особую роль тут играли мотивы ущерба, нанесенного каждому народу его соседями в прошлом и настоящем. В 1967 г. была опубликована "Декларация о названии и положении хорватского языка"; в 1970 начала нелегально распространяться "Исламская декларация"; в 1986 г. увидел свет "Меморандум" Сербской академии наук и искусств, а в 1987 г. свои национальные требования в рамках Югославии сформулировали словенцы.

Внутриэтнические консолидационные процессы, подогреваемые чувствами неудовлетворенности положением своего этноса в полиэтничном государстве, соединяясь с традициями национальных движений и психологической традицией борьбы за освобождение, приобретают гипертрофированную форму, которая начинает преобладать над межэтническими консолидационными процессами и связями с югославянским сознанием. Эти внутриэтнические процессы сочетались с центробежными тенденциями в политике республик.

Центр ничего не мог и не смог противопоставить этому, кроме усиления централистских мер и пропаганды югославянского унитаризма. Но чем внушительнее становились централистские тенденции, тем сильнее оказывалось стремление к дезинтеграции и децентрализации государства, приведшее в конце концов к его развалу. Югославия не исключение. Опыт ее предшественницы, Австро-Венгрии, да и Российской империи и СССР доказал это со всей очевидностью. Результатом распада Югославии в начале 90-х годов вместе с распадом СССР стало резкое изменение и дестабилизация геополитической и геостратегической обстановки не только на Юго-Востоке, но и в Европе в целом.

Кризис и распад Югославии были обусловлены столкновением в процессе национального самоопределения национальных движений разных, хотя и этнически родственных, народов, проживавших в одном государстве. А в случае сербско-хорватских отношений в Хорватии и мусульманско-сербско-хорватских в Боснии и Герцеговине – проживавших еще и на одной территории в течение нескольких веков.

Традиции национальных движений сербов, хорватов, словенцев, македонцев, боснийских мусульман, албанцев, венгров и других народов давали о себе знать, как уже упоминалось, после создания югославянского государства и до, и после второй мировой войны. Попытки Югославии пойти по пути монархии Габсбургов, сумевшей создать в XVIII–XX вв. тонкую систему взаимных увязок и учета противоречий, успеха не имели. Т. е. многонациональная Югославия сталкивалась с теми же противоречиями, что и монархия Габсбургов в начале века.

Правители Югославии – и до второй мировой войны, и после нее – не усвоили урок монархии Габсбургов: принципы централизма и унитаризма; этнотерриториальной федерации и автономии рано или поздно изживают себя, фундаментом государства может стать только развитое гражданское полиэтничное общество. Но оно так и не сформировалось в Югославии за все восемьдесят лет ее существования. А чем сильнее централизаторские, унификаторские, тоталитарные и центристские тенденции в политике правящих кругов и в настроениях государствообразующей “титульной” национальности-нации, тем активнее центробежные, децентрализованные анти тоталитарные тенденции национальных движений, тем больше в государстве растет взаимная межэтническая нетерпимость, тем меньше шансов сохранить целостность этого государства. Экстремизм порождает экстремизм. Национальная независимость не может и не должна отождествляться с демократией, а демократия – с национальной независимостью.

Теперь попытаемся ответить на вопрос, почему при распаде СФРЮ дело дошло все же до войны, хотя в самом начале этой статьи и подчеркивалось, что принципиальная неотвратимость упомянутого распада еще не означала исторической неизбежности военного пути обретения национального самоопределения. Возникновение войны, то есть того, что процессы самоопределения и его “недопущения” стали осуществляться с помощью оружия, обусловлено прежде всего самим характером распада единого государства, который означал самоопределение не только неполноправных народов, но и бывшей государствообразующей нации-национальности – сербов, а также специфическим соотношением политических сил в Югославии в целом и в каждой республике.

Можно выделить две стадии и формы нарастания этого вооруженного конфликта: на первой стадии конфликт всех неполноправных народов с государствообразующей нацией-национальностью – сербами; на второй – он трансформировался во вновь образовавшихся государствах в конфликт сербов (ставших меньшинством) с новыми государствообразующими нациями-национальностями, превратившимися в большинство. Сербы не смогли примириться с крушением государства, которое считали своим этническим государством; а сербы в Хорватии, Боснии и Герцеговине не смогли смириться со своим новым положением национального меньшинства, к которому не были готовы ни психологически, ни юридически, ни в практическом отношении.

Именно это и стало одной из главных причин войны – независимо от субъективных стремлений и чисто политических интересов отдельных лидеров и группировок. Истории между тем известны иные пути решения этой исторической проблемы – австрийцы и венгры после рас-

пада Австро-Венгрии, русские и подавляющее число других народов, составлявших Российскую империю и СССР, после развала последних. Здесь были реализованы компромиссные варианты нахождения баланса интересов национальных движений и общегосударственных властей.

Особо следует сказать о проблеме автономии в полиэтническом государстве. Превращение автономии, основанной на феодальном политическо-территориальном принципе, в этнополитическую автономию приводит к изменению самого принципа автономии. Она начинает рассматриваться как особая форма национальной государственности (этнополитическое образование) в рамках единого полиэтнического государства. Это неизбежно ведет ее к столкновению с общеимперской или общегосударственной идеей и законами, с идеей государствообразующей национальности с законами государства, ставит вопрос о государственном самоопределении. Какая из заложенных тенденций в автономии преобладает на данной стадии – тенденция к сохранению или распаду государства, – выявит соотношение центробежных и центростремительных тенденций. Этническая автономия неизбежно приводит к столкновению (по мере развития процесса самоопределения “титульной автономной” этнической общности) национального движения и общегосударственных властей. Этим и объясняется наступление на автономии и в Австро-Венгрии, и в Сербии, и в Хорватии, и в Югославии¹⁰.

Что же касается всех сторон, вовлеченных в югославский конфликт, они многократно прошли мимо возможных компромиссных вариантов урегулирования общего кризиса государства или его мирного распада. Политическая автономия как форма политического и этнокультурного самоопределения этнических общностей не стала фактором сохранения полиэтнического государства. Сербия, как известно, несколько лет назад развернула наступление на автономии, ликвидировав, будучи еще в рамках Югославии, автономные образования албанцев (Косово и Метохия) и венгров, проживавших до 1918 г. на территории венгерской части Австро-Венгрии (ныне Воеводина).

Если раньше автономия рассматривалась как гарант целостности многонационального государства, как способ удержания национальности от государственного самоопределения в форме отделения и создания независимого государства, – будь то из военно-стратегических соображений или в качестве уступки национальному движению, – то по мере усиления процесса политического самоопределения неполноправных народов она становится с точки зрения центральных властей и сознания государствообразующей национальности дезинтегрирующим фактором, сепаратизмом. Отсюда – стремление господствующей нации ликвидировать автономии и тем самым якобы сохранить це-

лостность. Господствующая нация оказывается тут перед дилеммой: бороться или не бороться за государственное единство; если бороться, то посредством централистских мер или с помощью децентрализации системы власти и правления, т. е. путем федерализации, конфедерализации, повышения статуса автономии и т. д. При этом этнотерриториальная автономия, конечно, не тождественна самоуправлению. В югославском случае в условиях развала и авторитаризма бывшей центральной власти, попробовавшей силой остановить процесс суверенизации республик, дело неизбежно пошло к авторитаризму и национальной нетерпимости и в новых государствах, созданных после распада СФРЮ, к усилению, а не смягчению межэтнических конфликтов, которые из внутригосударственных превратились в межгосударственные.

Межнациональная война 90-х годов в Югославии уже вторая в ее истории. Первая бушевала в 1941–1945 гг., также сочетая в себе как элементы гражданской и национально-освободительной борьбы, так и межэтнического конфликта. Стремление республиканских элит к полноте власти и на этом пути использование узкого этнического национализма в момент посткоммунистического самоопределения составляет не только их историческую и политическую, но и юридическую вину. Стремление к пересмотру внутрифедеративных границ, превратившихся в государственные, попытки провести их в соответствии с принципами естественного (этнического) и исторического государственного права и стали одной из главных причин войны.

Очевидно, что югославизм демократов других национальностей не имел ничего общего с “югославизмом” белградского руководства и армейской верхушки, решившими любой ценой восстановить свою славяно-коммунистическую мини-империю. И хорватские, и сербские демократы-югослависты видели причины кризиса и распада в пороках самой “титовской” Югославии, а не в “международном заговоре”¹¹. Последний пункт плана “битвы за Югославию”, выдвинутого руководством Югославской национальной армии в 1991 г., находился в вопиющем логическом и функциональном противоречии с провозглашенными ранее принципами и целями. Он предусматривал “совершенствование концепции общенародной обороны”¹².

В условиях многонационального государства, особенно в период роста центробежных тенденций, “общенародная оборона” и всеобщая воинская обязанность очень быстро превращаются из гаранта целостности и стабильности государства в фактор нестабильности, в военный путь распада и обретения национального самоопределения. Масса людей получает военную подготовку, проникается конфликтным и милитаристским мышлением, убеждением, что сила – единственный

путь осуществления своих прав, что субъектом права является общность, что не-отдельная личность или меньшинство, а “большинство всегда право”. Это соединяется с традициями этнического национализма. При распаде многонациональной страны государственное сознание, скрепленное присягой, неизбежно вступает в конфликт с этническим самосознанием и, как показывает опыт, неизбежно проигрывает ему. Народнохозяйственный комплекс милитаризованного государства производит прежде всего вооружения, они охотно закупаются за рубежом. Но милитаризованная экономика не терпит никаких рыночных отношений, она неизбежно толкает к централизму, в т. ч. и в области межэтнических отношений, а централизм – к росту дезинтеграционных тенденций. Сохраняется психология приказной экономики. Тито, как и его учитель Сталин, сам выковал орудие кровавого распада своего государства – и организационно, и идейно, и психологически.

Армия в условиях тоталитаризма превращается в школу социальной и этнической вражды, кует кадры для гражданской и межэтнической войн и, сама себя считая гарантом внутреннего мира и целостности государства, на деле представляет собой сильнейший дезинтеграционный фактор. Таков трагический парадокс процесса национального самоопределения в многонациональных государствах в период разложения марксистско-ленинской идеологии и коммунистической политической системы. Трагический – для населения, еще не ставшего гражданским обществом, для государства, для самой армии. Выход из этой ситуации только один – создание профессиональной армии с жесткими гарантиями защиты прав личности, в том числе этнических, конфессиональных, экономических.

Итак, в основе югославского конфликта, принявшего в 1991 г. форму открытого вооруженного столкновения, лежит процесс самоопределения народов (этнических общностей), которые населяли югославское государство, созданное в 1918 г. Прежде всего – сербов, хорватов и босняков (мусульман). Поскольку эти народы в ряде районов Хорватии, а также Боснии и Герцеговины в течение долгого исторического периода проживают совместно или чересполосно, то образование трех моноэтнических государств невозможно. Разумеется, без применения насильственных мер – массового переселения, депортации или вооруженного захвата спорных, т. е. общих территорий. В отличие от Западной Европы, в юго-восточной и восточной частях континента нация часто отождествляется с национальностью, а национальность, в свою очередь, воспринимается массовым сознанием как собственник территории, на которой проживает. Это ведет к стремлению создать государство, в котором проживала бы только одна национальность. Проблема самоопределения югославянских народов в королевской, за-

тем в “титовской” Югославии не была разрешена. Не решил ее и распад СФРЮ и образование на этой территории нескольких независимых государств, которые все равно остались полиэтничными по своему составу. Не стала исключением и Хорватия.

То есть конфликты были заложены в самом принципе создания бывшей Югославии и основываются на политическом и юридическом признании этнической общности как субъекта государственного права, а не на фундаменте полиэтничного гражданского общества (которое только и может быть прочной базой мирного внутригосударственного развития, равно как и межгосударственных отношений). Основу конфликта, приведшего ко второму развалу Югославии в этом столетии, представляют противоречия между сербами и хорватами, проживавшими (и проживающими частично) в течение веков на одной территории, что объективно препятствовало их политическому, в том числе и государственному самоопределению. Этот процесс, не завершившись и поныне, вылился в открытую войну с этническими чистками населения на территориях совместного проживания – в зависимости от того, чьи войска или вооруженные формирования занимают данную территорию.

Во-вторых, речь идет о гражданской войне, войне посткоммунистических режимов против народа (в социальном значении этого слова). Война позволяет им не проводить давно назревшие экономические, социальные реформы, препятствовать деятельности демократической оппозиции и формированию ею сильных политических организаций. В отделившихся от Югославии независимых республиках у власти оказались бывшие коммунисты, люди тоталитарного мышления и политической культуры. Справедливости ради надо сказать, что тоталитарная идеология и психология господствуют и в сознании значительного большинства населения. Национальные противоречия помогают бывшим коммунистам удержаться у власти, превратились в средство борьбы и в идейно-психологическое обоснование и оправдание проводимой политики.

На первом этапе, как уже упоминалось, война на югославской территории была войной центра против республик, армии против народа. Это был кровавый распад и коммунистического государства, и искусственного полиэтничного образования – Югославии. Во вновь образовавшихся республиках, ставших независимыми государствами, либеральная, демократическая оппозиция очень слаба и малочисленна. Именно отсутствие единой демократической оппозиции и альтернативной политики как в границах всей бывшей Югославии, так и в каждой республике и стало одной из причин разыгравшейся трагедии.

Предпринимались попытки придать этому конфликту характер столкновения между православными (т. е. в основном сербами и черногорцами), с одной стороны, католиками (в основном хорватами) и боснийскими мусульманами (потомками сербов и хорватов, принявших во время османского завоевания ислам) – с другой. Но это ни в коем случае не религиозный конфликт. Хотя, конечно, конфессиональная принадлежность играет значительную роль в формировании самосознания каждого народа. (Существуют, правда их очень мало, хорваты-православные и сербы-католики). Все эти народы – этнические славяне. Поэтому отождествлять славянство и православие – ошибочно и безграмотно. Кроме того, в течение долгой истории совместного проживания сербов, хорватов и боснийских мусульман между ними всегда шло скрытое соперничество, в том числе и политическое. И в разные моменты то хорваты объединялись с мусульманами против сербов, то – сербы с мусульманами против хорватов, то хорваты и сербы выступали против мусульман.

Было бы неправильно сводить конфликт лишь к сербско-хорватско-мусульманским противоречиям, равно как и утверждать, что к развалу Югославии привели не межэтнические, межнациональные противоречия, а борьба “демократической” Хорватии с “имперской коммунистической” Сербией. Причины кризиса и войны лежат гораздо глубже.

Живя в едином государстве, все народы страдали от централизаторской политики властей. Ни одна нация или национальность не была удовлетворена. В XX в. сербы и хорваты использовали различные формы национального самоопределения: Хорваты обладали территориально-политической автономией и в государстве Габсбургов, и в межвоенной Югославии. Их территория делилась на несколько административных регионов в той же королевской Югославии. У них было псевдонезависимое национальное государство периода германской и итальянской оккупации в годы второй мировой войны. Наконец, в послевоенной Югославии их республика формально имела такой же статус, как и остальные члены социалистической федерации.

Со своей стороны, сербы обладали собственным независимым государством (княжеством, затем королевством), национально-церковной автономией в монархии Габсбургов. Сербские земли составляли часть унитарной и централизованной межвоенной Югославии, а во время германской оккупации была создана “национальная администрация”. После окончания второй мировой войны и победы антигитлеровской коалиции Социалистическая Республика Сербия получила такой же статус, как и все остальные республики, оставаясь при этом центром и фундаментом государства. Вместе с тем значительная часть

территорий, на которых сербы проживали в течение веков – часто совместно с другими народами, – оказалась либо в составе Хорватии, либо в Боснии и Герцеговине.

У сербов как бывшей государствообразующей национальности самоопределение отождествляется в сознании с величием, а величие – с военной мощью и размером территории без определения экономической жизнеспособности и эффективности данного образования, без учета уровня жизни и обеспечения прав и свобод личности. Это выдается за некий “особый национальный путь развития”. В основе здесь лежит идея о том, что единственным субъектом права – имущественного, государственного и др. может быть только общность. В данном случае – этническая. Понятие права связывается лишь с принадлежностью отдельного человека к этнической общности, что неизбежно ведет к отрицанию гражданских прав. Эта трагедия постигла сербский народ.

Трагедия хорватского народа, идеи создания независимого хорватского государства состоит в том, что, разочаровавшись во второй половине XIX века в своих надеждах на Россию и Францию, наиболее радикальная часть хорватского национального движения обратила свои взоры на Австрию и Германию. После поражения Германии в двух мировых войнах все сторонники государственной независимости Хорватии неизбежно воспринимались не только российским, но и мировым общественным мнением как пособники германского милитаризма и фашизма. Не говоря уже о теории и практике Независимого Государства Хорватия времен второй мировой войны, печально известного целенаправленным уничтожением сербов, евреев и цыган. Но сама по себе идея национального независимого хорватского государства не имеет ничего общего с фашизмом. У нее та же историческая и этническая обусловленность, та же правовая легитимность, что и у идеи создания подобных государств другими народами, в том числе сербами.

Трагедия босняков (мусульман), может быть, самая пронзительная. Будучи потомками славян, принявших во времена османского господства ислам по экономическим и правовым соображениям, сегодня они платят страшную цену за своих предков. Являясь этническими славянами, коренными европейцами, они во многом стали чужими и для Европы, в сознании которой (беспочвенно или нет – другой вопрос) витает образ мусульманина-террориста. Многие европейцы опасаются возникновения на континенте мусульманского государства.

Но Босния и Герцеговина – светское многонациональное государство, в котором проживают босняки (мусульмане), сербы и хорваты. Она именно в этом качестве была признана международным сообществом, в том числе и Россией. Трагедия босняков усугубляется еще и тем,

что, в отличие от сербов и хорватов, у них нигде в мире, а не только в Европе, нет своего государства. Если босняков изгнать с их родины, они везде будут беженцами и изгоями. И в Европе, и в США. Вряд ли они приживутся и в тех самых мусульманских странах, которые стремились послать в Боснию войска и оружие.

Трагедия югославянских демократов всех национальностей состоит в том, что они не видели проблемы самоопределения бывших государствообразующих наций-национальностей после распада многонациональных государств. Борясь против коммунистической империи, они невольно вымостили дорогу великодержавию и агрессивному этническому национализму. Демократические и миролюбивые силы оказались расколотыми и изолированными и в масштабе бывшей Югославии, и в каждой республике, превратившейся в независимое государство. Один из многочисленных парадоксов истории Югославии состоит в том, что власть имущие, создававшие и удерживавшие это единое многонациональное государство исключительно силой, преследовали именно тех людей и те организации, которые могли бы предотвратить. если не распад СФРЮ, то трагедию войны, т. е. истинных демократов. Впрочем, слабость демократических сил Югославии получена в наследство и от государства Габсбургов, и от королевства Сербия (моноэтничного государства, не имевшего ни опыта, ни желания, ни возможности смягчения межнациональных и межэтнических конфликтов). Демократические организации были очень слабы в начале 90-х годов, они ограничивались в основном небольшими группами интеллектуалов и не смогли найти общий язык с более массовым антивоенным движением. Это стало одним из наиболее трагических последствий режима Тито и его наследников, видевших в демократах угрозу государству, подвергавших их то драконовски суровым, то не очень жестоким репрессиям.

Оказалось разрушенным и общегославское интеллектуальное и культурное пространство, от чего проиграли и культура и наука во всех республиках. Более того, многие интеллектуалы пошли на службу новым властям и стали "обосновывать" войну и межэтническую враждебность¹³.

Кризис Югославии нарастал по мере обострения отношений государствообразующей национальности и нации – сербов и их республики – с другими народами и их государственными образованиями в рамках СФРЮ и самой Сербии. Но попытки силой противодействовать давно назревшим реформам лишь ускорили распад Югославии и привели к печальным последствиям. Первоначально в 1987–1988 гг. обострились сербско-албанские отношения на территории Косово и связанная с этим проблема автономии. В 1989–1991 гг. стали нарастать

противоречия между Сербией и Словенией, Сербией и Хорватией. Сначала пошли в ход политические методы и экономические рычаги. Венцом стали вооруженные столкновения 1991 г. в Словении между Югославской Народной армией и силами самообороны. В том же году началась война в Хорватии, в которой наряду с подразделениями регулярной армии стало принимать участие и население. Наконец, в 1992 г. разразилась война в Боснии и Герцеговине. Таким образом, к настоящему моменту из национально-территориальных проблем распавшейся СФРЮ решенной можно назвать лишь сербско-словенский конфликт в силу того, что словенцы на территории этого государства составляют абсолютное большинство и у Словении нет общих границ с Сербией. Война в Хорватии была заморожена, но в любую минуту грозила вспыхнуть вновь; попытки установить длительное перемирие в Боснии и Герцеговине и найти форму политического урегулирования привели в ноябре 1995 г. к Дейтонскому соглашению о прекращении огня и созданию на территории этой республики хорватско-мусульманской федерации и сербского государства. Выполнение соглашения поддерживается силами многотысячного миротворческого контингента войск ООН, и положение продолжает оставаться весьма напряженным; обозреватели также отмечали рост напряженности в Македонии и Косово.

* * *

Распад коммунистических многонациональных государств привел к размораживанию межэтнических конфликтов, подавлявшихся ранее с помощью идеологии и политики пролетарского интернационализма и славянского братства. Снова развились процессы самоопределения, принявшие еще более острый характер, у населения укоренилась психология агрессивности и групповой сплоченности. Способствовали этому и всеобщая воинская обязанность, милитаризованная экономика, военно-коммунистическое мышление и психология противостояния со всем остальным миром. Нельзя сбрасывать со счетов и обострение межэтнических отношений во всем мире. Для Средней, Восточной и Юго-Восточной Европы характерны долговременное совместное проживание различных этносов на одной территории и отождествление в этническом сознании представлений о единстве и идентичности территории, национальности, государства, нации, религии и общества.

Специфика и трагедия многонациональных тоталитарных коммунистических государств состоит в том, что административно-поли-

тические структуры совпадают со структурами экономическими. Это неизбежно порождает стремление не только к этнической обособленности, – несмотря на официальную политику интернационализма и централизма, – но и к политической и экономической автаркии. В условиях смены всего общественно-политического и экономического строя хозяйственные связи, не основанные полностью на рыночных отношениях и конкуренции, рвутся.

Это разрушение – неизбежный этап в распавшихся ныне федеративных социалистических устройствах-наследниках многонациональных государств, основанных на идее этнической близости входивших в них славянских народов – будь то Югославия, Чехо-Словакия или, с понятными особенностями, СССР. Коммунизм, провозглашавший интернационализм, единство и братство всех трудящихся, переходит в свою противоположность – узкий этнический национализм. Он становится единственным средством для коммунистов удержаться у власти.

Таким образом, распад социалистической Югославии был неизбежен – исторически изжила себя и идея югославизма, и форма этно-территориальной федерации. Процесс самоопределения каждого народа требовал новых форм¹⁴. Распад был неизбежен, ибо в Югославии не сформировалось полиэтничное гражданское общество (югославизм так и остался панэтнической иллюзией, не превратившись в идеологию и психологию полиэтничного образования, модель сотрудничества в рамках развитого гражданского общества). Идея полиэтничного государства оказалась дискредитированной в глазах всех народов ее связью с тоталитарным коммунистическим прошлым – заслуги коммунистов в восстановлении Югославии оказались забыты, более того, ставились им в вину. Югославизм и коммунизм, опираясь на схожие лозунги “братства народов” или “братства всех трудящихся”, создавали видимость решения социальных и этнических проблем, на деле лишь загоняя их вглубь. В этих условиях историческое государственное право и национальный принцип, право этнической общности на территорию, ее недра и постройки на ней выступают противовесом и заменяют в сознании людей нормальные имущественные права гражданского общества. Осознание этносом своей принадлежности к определенному историко-географическому региону, например хорватов и словенцев к Средней Европе, обосновывало неизбежность и необходимость их выхода из Юго-Восточной Европы. Сюда же добавлялось и чувство принадлежности к разным конфессиям.

Новейшая история восточноевропейского региона свидетельствует, что борьба центробежной и центростремительной тенденций является закономерностью развития любого многонационального государства независимо от социально-экономического строя и политической сис-

темы, что не существует никаких особых законов развития полиэтничных и многонациональных государств с этнически родственными составом населения. Эта борьба обусловлена самой природой этнической общности, стремящейся к самоопределению, причем на каждом витке своей истории к иной его форме. Центробежная тенденция может быть смягчена только максимальной демократизацией в полиэтничном и многонациональном государстве.

Опыт истории показывает, что усиление авторитарных и централистских тенденций, нарушение нормального развития общегосударственного рынка и нарастание сопротивления неправомерных народов в условиях войны, военного поражения или чрезмерно милитаризованной экономики ведут к потере широкой полиэтничной социальной базы, к развалу государств. Но сама по себе постановка вопроса о политическом самоопределении в полиэтничном и многонациональном государстве носит объективный характер и вовсе не идентична ни требованию выхода из этого государства, ни стремлению к его развалу. Все национальные движения, в том числе и сербское, стремились как раз к развалу СФРЮ. Спасти страну мог только отказ от признания этнической общности единственным субъектом государственного права, отказ как от узкого этнического национализма, так и от югославизма. Но на смену панэтническому национализму и тоталитарной марксистско-ленинской идеологии пришел тоталитарный же узкоэтнический национализм. Оказалось, что под лозунгами демократии и свободы народы бывшей Югославии боролись за новый тоталитаризм и войну...

Национальные независимые государства созданы. Власть была или сохранена, или завоевана. Оппозиция стала властью, власть – оппозицией. Национализм пришел на смену коммунизму. В этой войне нет правых, есть только виновники и жертвы. В этой войне не могло быть победителей. Это подтверждает и ход мирного урегулирования в 1996 г. в рамках Дейтонского процесса.

Примечания

¹ См., например: Балканы между прошлым и будущим. М., 1995; Романенко С. А. Югославия: от “братства и единства” к войне и распаду // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994; *Romanenko S. Yugoslavia: a logical denouncement of the long history // Working papers published the New Generation Research Center within the framework of the research project financially*

supported by "The Integration/Disintegration process in Europe toward the year 2000 TACIS program of the European Commission". Moscow, 1996.

² См.: *Ленин В. И.* О праве наций на самоопределение. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 257–264; *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос. Соч. Т. 2. С. 290–332.

³ *Джилас М.* Тито – мой друг и мой враг. Париж, 1982. С. 202.

⁴ См.: *Евстигнеев В., Романенко С.* Экономика и национализм // *Мировая экономика и международные отношения.* 1994. № 2. С. 85–91.

⁵ *Романенко С. А.* Проблемы истории национальных движений югославянских народов конца XIX – начала XX века в современной исторической публицистике // *Югославия. Актуальные проблемы общественного развития.* Вып. 9. М., 1990. С. 28–47.

⁶ *Ненашева З. С., Романенко С. А.* Формирование концепций национальной государственности и проблема сближения славянских народов Австро-Венгрии на рубеже веков // *Балканы в конце XIX – начале XX века.* М., 1991. С. 93–103.

⁷ *Letica S.* Četvrta Jugoslavia. Zagreb, 1989. S. 294–295.

⁸ См., например: *Milardović A.* Nove stranke Hrvatske. Bilje, 1990; *Što jest i što hoće HDZ.* Zagreb, 1990; Демократска странка. Изборни програм 92. (Б. м. и б. г.); Програмска пачела Српске народне обнове. Београд [1993]; Српски покрет обнове. Београд, 1994; Програм и статут Српске радикалне странке // "Велика Србија". Бр. 13. Г. 5. Београд, март 1994; Демократска партија в Србији. Програм и статут. Београд, 1993; Основе програма Социјалистичке партије Србије. Београд, 1993; Memorandum о uspostavljanju specijalnog statusa за Sandžak. Novi Pasar, 1993; *Prunk J.* A Brief History of Slovenia. Ljubljana, 1994. P. 75–85; *Duraković N.* Prokletstvo Muslimana. Sarajevo, 1993. S. 193–232.

⁹ Устав Савезне Републике Југославије. Београд, 1992. Устав Републике Србије. Београд, 1992; Устав Републике Хрватске. Загреб, 1994; Устава Републике Словеније. Лjubljana, 1993; Устав Федерације Босне и Херцеговине // *Slobodna Далмација.* 1994. 22–27 оžujка; The Creation and Changes of the Internal Borders of Yugoslavia. Beograd, (n. d.); *Boban Lj.* Hrvatske granice od 1918. do 1993. Zagreb, 1993; *Kovacević S., Dajić P.* Hronologija Jugoslovenske krize. 1942–1993. Beograd, 1994. Beograd, 1995.

¹⁰ См.: *Romanenko S.* National Autonomy in Russia and Austria-Hungary: A Comparative Analysis of Finland and Croatia-Slavonia // *Nationalism and Empire. The Habsburg Monarchy and the Soviet Union.* Ed. by Richard R. Rudolph and David F. Good. New York, 1992.

¹¹ См.: Демократска партија. Декларација. Нацрт. Програм. Статут. Титоград, 1989; *Маркович М.* Фашизм и "новији мировој порједок". (Б. г. и б. м.).

¹² *Letica S.* Op. cit. S. 286–288.

¹³ *Романенко С. А.* Югославия: от “братства и единства” к войне и распаду. С. 282–289.

¹⁴ *Романенко С.* Процесс национального самоопределения народов Центральной и Восточной Европы. Итоги к концу 20 века // *Migracijske teme.* 1994, N 3–4; *Fleiner-Gerster T.* Европа i pravo na samoopredeljenje // *Evropa i raspad Jugoslavije.* Beograd, 1995. S. 63–72.

РЕЗЮМЕ

Настоящая работа посвящена недостаточно изученной теме внутренних и межгосударственных конфликтов в послевоенном развитии восточноевропейских стран, составлявших до начала 90-х годов советскую сферу влияния. Затрагиваются ключевые кризисные ситуации, доходившие до вооруженных эксцессов, как это было, например, в ГДР (1953 г.), Польше и Венгрии (1956 г.). Анализируется воздействие внешнего фактора, т. е. взглядов и поведения в подобных ситуациях руководства СССР, его дипломатических представителей, усматривавших в любых проявлениях недовольства, тем более в массовых антисталинистских выступлениях, лишь происки антисоветчиков, классового врага. Отсюда однозначная реакция: устрашающие действия армии и органов госбезопасности. Немалую роль играли при этом планы советской военщины, стремившейся в дополнение к западной группе своих войск в Восточной Германии и северной группе в ПНР разместить также в ВНР южную группу, а в ЧССР – центральную в качестве передовых наступательных рубежей. С помощью войсковых операций, во-первых, по подавлению в ноябре 1956 г. венгерской демократической революции, а во-вторых – в виде “интернациональной акции” по поддержке в августе 1968 г. так называемых здоровых сил в компартии Чехословакии эти экспансионистские планы были реализованы, обозначив, собственно, собой начало конца системы советского типа вообще, восточноевропейского реального социализма в частности и в особенности.

Авторы статей по отдельным странам опираются на недоступные ранее для обществоведов источники, прежде всего из российских архивов. Во вводной статье конфликты коммунистической истории региона охарактеризованы в целом как неустраимые и предопределившие сокрушительный финал этой истории в 1989–1991 гг. Сборник рассчитан на научных работников, преподавателей, широкий круг читателей.

RÉSUMÉ

This volume is devoted to such an insufficiently investigated problem as internal and inter-state conflicts in the post-war development of East-Central European nations, which had been belonging to the Soviet sphere of influence up to the early 1990s. The volume deals with the key critical situations coming to armed conflicts, as it was, for example, in the GDR in 1953, or in Poland and Hungary in 1956. Authors analyse the role of the external factor, that is the views and behaviour of the USSR leadership and its diplomatic envoys who treated any manifestations of dissatisfaction, moreover in mass anti-Stalinist movements as nothing but intrigues of the anti-Soviet forces and class enemies. The reaction was unequivocal: terrifying actions of the army and the State security organs. In accordance with the plans of the Soviet military clique the Western group of the Soviet troops in Eastern Germany and the Northern group in Polish People's Republic were to be supplemented by the Southern group in Hungarian People's Republic and the Central group in Czechoslovak Socialist Republic as the vanguard offensive lines. These expansionist plans were put into life by means of the military operations in the form of, firstly, suppression of the Hungarian democratic revolution in 1956 and, secondly, "international action" in order to support the so called "healthy forces" within the Czechoslovak Communist party in the August, 1968. That was the beginning of the end of the system of the Soviet type in general, and of the East-Central European real socialism in particular.

The authors of the articles on different countries base their research on sources earlier inaccessible for social scientists, first of all those from Russian archives. The introductory article characterizes the conflicts of the Communist era in the region as ineradicable and those that predestined crushing final of this era in 1989-1991. The volume is addressed to research fellows, lecturers, a wide circle of readers.

Содержание

<i>Ю. С. Новопашин.</i> Вводная статья	3
<i>А. А. Гугнин.</i> Июньские события 1953 г. в истории, идеологии и литературе ГДР	21
<i>А. С. Стыкалин.</i> В преддверии взрыва. Углубление политического кризиса в Венгрии и политика СССР (март–октябрь 1956 г.)	38
<i>Б. Й. Желицки.</i> Венгерская осень 1956 г. в донесениях западных дипломатов из Будапешта и Москвы ..	69
<i>А. М. Кыров.</i> Советская карательная акция в Венгрии (Хроника событий 1956 г. по материалам военного архива)	107
<i>А. М. Орехов.</i> К истории польско-советских переговоров 19 октября 1956 г. в Бельведере (по новым материалам)	130
<i>В. К. Волков.</i> Инстинкт самосохранения: советская партократия и “пражская весна”	157
<i>М. В. Латыши.</i> Легитимизация присутствия советских войск. Роль внешнего фактора в чехословацкой политике на начальном этапе “нормализации”	185
<i>С. А. Романенко.</i> Югославский кризис конца 80-х – начала 90-х годов (исторические корни и этнополитические причины)	210
Резюме	235
Résumé	236

Content

<i>Novopashin Yu. S.</i> Introductory article	3
<i>Gugin A. A.</i> The June events of 1953 in history, ideology and literature of the GDR	21
<i>Stykalin A. S.</i> On the eve of explosion. Intensification of political crisis in Hungary and the USSR policy (March–October, 1956)	38
<i>Zseliczky B. J.</i> The Hungarian autumn of 1956 in the reports of western envoys from Budapest and Moscow ..	69
<i>Kyrov A. M.</i> Soviet punitive action in Hungary (the chronicle of the 1956 events based on the materials of the Military Archive)	107
<i>Orehov A. M.</i> To the question of the Polish-Soviet negotiations on October 19, 1956 in Belvedere (new materials)	130
<i>Volkov V. K.</i> The self-preservation instinct: Soviet partocracy and the “Prague Spring”	157
<i>Latysh M. V.</i> Legitimization of the Soviet troops presence. The role of the external factor in Czech policy at the early stage of “normalisation”	185
<i>Romanenko S. A.</i> The Yugoslav crisis of the late 1980s – early 1990s (historical roots and ethno-political causes)	210
Résumé	235

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики

**Конфликты
в послевоенном развитии
восточноевропейских стран**
Сборник статей

Ответственный редактор
доктор философских наук
профессор Ю. С. Новопашин

Сборник подготовлен к печати
редакционно-издательским отделом
Института славяноведения и балканистики РАН

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 22.04.1997 г. Печ. л. 15,8.
Тираж 500 экз. Заказ № 73. Цена договорная

Типография ИПТК «Логос» ВОС
129164, Москва, ул. Маломосковская, 8

